

**ОТ ЗАКОНА СТОИМОСТИ
К ЗАКОНУ
ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ**

Санкт-Петербург
2003

ББК 65.01
О 828

Авторы: Э. Бэллу, В.Н. Волович, В.Я. Ельмеев, Г.П. Зиброва, М.В. Попов

От закона стоимости к закону потребительной стоимости

Э. Бэллу, В.Н. Волович, В.Я. Ельмеев, Г.П. Зиброва, М.В. Попов
// Санкт-Петербург, изд. Фонда Рабочей Академии и ООО «Творческий центр «Победа», 2003, 176 с.

О 828 ISBN 5-221-00007-7

В предлагаемой читателю книге представлены материалы, подготовленные по итогам состоявшейся в Афинах в ноябре 2002 года теоретической конференции, обсуждавшей вопрос о судьбах товарного производства в связи с анализом уроков разрушения социализма в СССР. Участники пришли к выводу о том, что социализм не может существовать и развиваться на основе закона стоимости, что новому способу производства присуща противоположная стоимостной — потребительностоимостная основа и что только на этой основе возможно перерастание социализма в полный коммунизм.

ББК 65.01

ISBN 5-221-00007-7

Предисловие

Интерес к советской истории с позиций практической проверки положений экономической теории социализма понятен. Партия, ставящая своей целью построение социализма и полного коммунизма, должна анализировать не только опыт Парижской коммуны, но и богатейший опыт строительства и развития социализма в СССР, чтобы взять лучшее и уберечь рабочий класс от повторения ошибок и извращений.

В этом плане можно только восхищаться тем вниманием, которым у греческих коммунистов пользуется история нашей страны. Они поставили задачей, в частности, изучить все экономические дискуссии, которые проходили в СССР и повлияли на экономическую практику. Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов (РКРП-РПК) согласилась помочь им в этом и проделала большую работу по обеспечению ЦК Компартии Греции первоисточниками экономической литературы или их ксерокопиями. По просьбе ЦК РКРП-РПК специалистами в области политической экономии были подготовлены специальные доклады об экономических дискуссиях в СССР. По договоренности с ЦК КП Греции была организована командировка ученых-экономистов России и Украины в Афины, чтобы представить доклады Центральному комитету Компартии Греции и ответить на вопросы греческих товарищей на научной конференции по теме «Непосредственно общественный характер производства при социализме и товарно-денежные отношения».

Доклады для конференции в Афинах представили главный редактор журнала «Марксизм и современность» кандидат экономических наук доцент Яброва Т.И., доктор экономических наук профессор Волович В.Н., кандидат экономических наук и доктор философских наук профессор Попов М.В., доктор экономических и доктор философских наук заслуженный деятель науки РФ профессор Ельмеев В.Я.

28–29 ноября в здании ЦК КПГ состоялась конференция, посвященная экономическим проблемам социализма. Присутствовали чле-

ны ЦК Компартии Греции, работники Центра марксистских исследований, секретари крупнейших партийных организаций. Основной доклад, очень глубокий и интересный, сделала заведующая экономическим отделом ЦК Компартии Греции, член Административного Совета Центра Марксистских Исследований Элэни Бэллу, потом выступили наши товарищи. В течение двух дней шло обсуждение. Докладчики ответили на многочисленные и очень острые вопросы, затем каждый из них выступил с заключительным словом.

Собравшиеся в результате длительной и острой дискуссии пришли к выводу, что в процессе *строительства* социализма как непосредственно общественного, нетоварного хозяйства еще остается товарное производство и закон стоимости, но они не присущи победившему социализму. Развитие социализма как первой фазы коммунизма подчиняется его основному экономическому закону, на место закона стоимости встает закон потребительной стоимости. Старые товарно-денежные формы используются в соответствии с новым потребительно-стоимостным содержанием, а еще не изжитая товарность преодолевается с развитием социализма в полный коммунизм.

Рубежом, отделившим период развития социализма от периода его деградации, явился ревизионистский XX съезд КПСС и подготовленная в ревизионистском русле экономическая реформа 1965 года. Они запустили механизм преобладания товарных, рыночных тенденций, которые вернули страну в переходный период, где борются две сущности — товарная и нетоварная и, в конечном счете, привели к краху социализма и распаду СССР. Курс на рынок на основе внедрения в социализм основного закона капитализма, которым является закон стоимости, оказался на поверку курсом на разрушение социалистической страны и реставрацию капитализма. Этот урок должно учесть мировое коммунистическое движение. К чести советских коммунистов они эту истину подчеркивали еще в рамках КПСС, в том числе на XXVIII съезде, но история распорядилась так, что для ее усвоения народ великой страны вновь погружен в пучину капитализма.

Отрадно, что греческие коммунисты не проявляют теоретической беспечности и всеядности. Они уделяют теории и ее изучению огромное внимание, и это — линия на будущее, что подчеркивала в своих выступлениях на конференции Генеральный секретарь ЦК Компартии Греции Алека Папарига. Остается только добавить, что и организованная конференция была на высоком уровне. Доклады товарищей, при-

ехавших из России и Украины, переведены на греческий язык и розданы присутствовавшим, а доклад товарища Элэни Бэллу переведен на русский, был обеспечен синхронный перевод дискуссии и подготовлены глубокие и содержательные вопросы и выступления участников. Хочется от души поблагодарить за это наших греческих товарищей. Их глубокий интерес к экономической теории социализма — залог неизбежной победы борцов за дело коммунизма.

Настоящая книга подготовлена по итогам афинской конференции и содержит почти все основные доклады и дополнительную аргументацию ее участников, а также материал Г.П. Зибровой, имеющий прямое отношение к рассматриваемой проблеме.

Книга написана следующим коллективом авторов:

Предисловие и раздел III — М.В. Попов, доктор философских наук, профессор;

Раздел I — Элэни Бэллу, Центр Марксистских Исследований (Греция);

Раздел II — В.Н. Волович, доктор экономических наук, профессор;

Раздел IV — Г.П. Зиброва, Фонд Рабочей Академии;

Раздел V — В.Я. Ельмеев, доктор экономических и доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Раздел I

К вопросу о подходе к теоретической и политической конфронтации, об исторической тенденции отмирания закона стоимости при революционном переходе от капитализма к коммунизму

Мы еще не развернули вширь и вглубь нашу исследовательскую работу по обсуждаемой теме, теме глубоко теоретической, с решающими последствиями в выборе и проведении экономической политики при социалистическом строительстве.

Не созданы еще возможности исследования марксистской экономической теории на университетском уровне. Не переведены на греческий язык сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, труды по экономической науке социализма, вышедшие в период социалистического строительства или в 90-е годы. Исследовательская работа по социалистическому строительству требует этого фундамента, источников, архивов.

Все мы обременены наследием буржуазной экономической мысли и наследием односторонности в информации по объекту познания и идеологическому направлению, которое господствовало в коммунистическом движении половину века. Неожиданные для нас крушения социализма в СССР и других странах вызывают трения в наших идеологических и теоретических воззрениях, не приводят однозначно к укреплению марксистской методологии в нашем мышлении.

Однако мы считаем необходимым исследовать опыт социалистического строительства, самостоятельно и в сотрудничестве с учеными-коммунистами, которые были участниками этого строительства. Потому что не смогут развиваться коммунистические характеристики партии рабочего класса, ее идеологическое, политическое и организационное единство, если не будут сделаны научные выводы из процесса торможения и свертывания социалистического строительства в конце XX века.

Определяя точнее поле диалога, я бы поставила следующие рабочие вопросы:

а) Как проявляются законы нового коммунистического способа производства, в каком пространстве и в какой глубине они развиваются, утверждаются, пересекают сферу производства, распределения в процессе перехода к социализму?

б) Каковы масштабы досоциалистических экономических пережитков (следовательно, и их закономерностей) при переходе к социализму? Каковы противоречия и проблемы, отражающиеся на социальной плоскости?

в) Какова при этом переходе роль субъективного фактора в развитии политической экономики социализма и формировании, проведении экономической политики?

г) В чем особенности конфронтации, теоретической и политической, которая было развернута в период после Второй мировой войны?

Нами подтверждается положение о неоспоримости социалистического характера Октябрьской революции 1917 года как начала процесса перехода к социализму вопреки существованию сильных элементов докапиталистической отсталости, которые сосуществовали с капиталистическим развитием в России. Подтверждается оценка ее большого влияния на производительные силы, на трудовые и социальные права, в том числе и на права в капиталистических обществах, на борьбу против империалистических войн. Мы концентрировали наше внимание на необходимости исследования объективных и субъективных причин социалистического строительства как революционного перехода от капитализма к коммунизму. Мы полагаем, что существовали и проблемы субъективного характера в области экономики, касающиеся вопросов управления, хозяйствования, планирования. Во всем ходе строительства развивались разные взгляды в рядах коммунистических партий по вопросам экономики, в некоторых странах были выбраны разные пути. Мы констатировали, что из-за сложности проблем и отсутствия удовлетворительных данных не могли иметь окончательное мнение, а лишь первоначальное и что мы должны были продолжить исследование в сотрудничестве с другими партиями и учеными-марксистами¹.

¹ Материалы Всегреческой конференции. Издание ЦК КПГ. 1996. С.106 (на греческом языке).

С тех пор у нас был определенный прогресс в исследованиях, что проявилось, в основном, в статьях в теоретическом журнале ЦК, в выступлениях на конференциях, симпозиумах, организованных другими партиями или исследовательскими центрами (в том числе и в России), в издании на греческом языке определенных статей и библиографии марксистских ученых, в издании работы В.И. Ленина «Замечания на книгу Н.И. Бухарина “Экономика переходного периода”», как и в переиздании работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

На данной конференции представлен материал для нового толчка исследованиям, которые в будущем смогут отразиться в теоретических и политических выводах нашей партии.

Приступая к теме, уточняю, что мой подход более исторический, чем теоретический. Я останавливаюсь в основном на периоде после Второй мировой войны, начиная где-то с выполнения четвертой пятилетки в СССР. Выбор этого периода был сделан по следующим причинам.

А. Успехи социалистического строительства в указанном периоде, с точки зрения их явного влияния как на быстрейшее развитие производительных сил, так и на уровень общественного благосостояния, в общем не стали объектом дискуссии. Послевоенное восстановление было быстрейшим и без внешней помощи, несмотря на огромные разрушения.

Б. В указанном периоде направления экономической политики были более согласованы с принципом обобществления и концентрации основных средств производства и управления производством и распределением через централизованное планирование (особенно с 30-х годов) как основного метода развития социалистического производства. Конечно, этапы борьбы в период коллективизации аграрного производства могут вызывать особый исследовательский интерес, однако я считаю, что они касаются широты распространения досоциалистических экономических пережитков и последствий, которые они причиняют формированию социалистических производственных отношений.

В. Так или иначе, определенные политические события в социалистическом строительстве в СССР, такие как XX съезд КПСС, реформы А. Косыгина, перестройка — охарактеризованы как повороты, независимо от идеологического знака, который им придавала не только идеологическая борьба внутри коммунистического движения, но и экономический и политический подход со стороны представителей капитала.

Г. В этот период происходит более обширно как теоретическое обсуждение закономерностей, управляющих социалистическим производством и распределением (обсуждение, которое началось до войны), так и отражение этого обсуждения на политическом уровне, на принципах и направлениях формирования централизованного планирования и системы управления социалистическим производством и распределением. В частности, борьба концентрируется на вопросе о существовании или отсутствии закона стоимости и его роли относительно социалистического производства и распределения.

С конца 30-годов и в связи с подготовкой учебника политической экономии в СССР в теоретическом мышлении начинает господствовать концепция о совместимости закона стоимости с законами социалистического производства и что он должен быть сознательно использован при оценке результатов работы социалистического предприятия и при планировании. На теоретическом уровне обсуждение становится всеобщим в начале 50-х годов, с осуществлением теоретической дискуссии в ноябре 1951 г. Доминирующий теоретический подход отражен в работе И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Этот подход, в свободной интерпретации, состоит в следующем.

Социалистическое производство, основанное на общественной, государственной собственности на средства производства, не является товарным. Закон стоимости не играет регулирующей роли в социалистическом производстве, поскольку как рабочая сила, так и средства производства уже не входят как товары в производственный процесс. Товарный, денежный характер сохраняет аграрное производство и его обмен с продукцией обобществленного (государственного) промышленного производства через его общественного (государственного) собственника. Товарный характер сохраняется также во внешней торговле (с государственной монополией) и для той части распределения, которая касается предметов личного потребления. С этой точки зрения закон стоимости существует и для социалистического производства. Поэтому провозглашается существование товарного производства «особой природы», в том смысле, что оно не приобретает капиталистический характер, поскольку нет частной собственности на средства производства и рабочая сила не является товаром. Относительно противоречий, поскольку развитие производственных отношений отстает по сравнению с развитием производительных сил, утверждалось, что они не могут привести к конфликту, если существует правильная экономическая политика.

Концепция, которая концентрируется в работе И.В. Сталина, полемизирует с двумя направлениями:

— с экономистами, утверждающими, что социалистическая экономика по существу товарная, и что закон стоимости будет существовать и во второй фазе коммунистического общества и будет регулировать пропорции между различными отраслями производства и соответствующее распределение труда между ними;

— с экономистами, которые отрицают существование закона стоимости в социалистическом производстве.

Вторые поддерживали свое отрицание закона стоимости тем, что выдвигали централизованное планирование в качестве закона социалистического производства и распределения. Первые же отрицали, в основном, существование законов собственно социалистической экономики, необходимость развития экономической теории социализма/коммунизма¹.

И.В. Сталин в своем подходе четко становится на сторону необходимости укрепления общественного (государственного) характера собственности с постепенным переходом к этому колхозно-кооперативного сектора и, следовательно, необходимости вывода излишков колхозной продукции из товарного оборота и их включения в систему обмена продуктов между государственной промышленностью и колхозами. Он защищает необходимость постепенного ограничения товарно-денежной формы в обороте благ личного потребления путем снижения цен и укрепления общественного распределения, поддерживает политику пропорционального опережения группой I (средств производства) группы II (предметов потребления) и непрерывного роста производительности труда.

Однако И.В. Сталин утверждает, что закон стоимости имеет определенное влияние на социалистическое производство и в управлении производством должен учитываться: «Закон стоимости при социализме не ограничивается сферой товарного оборота. Затрагивается тоже и производство. Правда, что закон стоимости не играет регулирующей роли в нашем социалистическом производстве, но все же влияет на производство, и это не может не учитываться в управлении производством. Факт, что предметы потребления, необходимые для восстанов-

¹ В греческой библиографии нет экономистов того периода, которые отрицали существование закона стоимости.

ления рабочей силы, которая расходуется во время производства, производятся в нашей стране и реализуются как товары, которые подлежат действию закона стоимости. И здесь, именно, становится ясным влияние закона стоимости на производство. В связи с этим на предприятиях имеют практическое значение такие вопросы, как вопрос о хозяйственном расчете и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т.д. По этой причине наши предприятия не могут действовать и не должны действовать, не учитывая закон стоимости»¹.

И в особенности он пишет о рентабельности: «Некоторые товарищи делают из этого вывод, что закон планомерного развития народного хозяйства аннулирует принцип рентабельности производства. Это совершенно неправильно. Дело обстоит совсем наоборот. Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не на период одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и на период, скажем, 10–15 лет, что было бы единственно правильным решением вопроса, то временная и нестабильная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может никаким образом сравниться с той высшей формой стабильной и постоянной рентабельности, которую нам дают действие закона равномерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, гарантирующие непрерывный рост народного хозяйства быстрыми темпами, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и причиняющих обществу колоссальный материальный ущерб.

Другими словами: не может быть сомнения, что в наших нынешних социалистических условиях производства закон стоимости не может быть «регулятором пропорций» в распределении труда между различными отраслями производства»².

И. Вязмин в своей статье «И.В. Сталин о товарном производстве и законе стоимости при социализме» в поддержку указанной работы И.В. Сталина, раскрывая различия между капиталистическим товарным производством и товарным производством при социализме, отмечает: «При социализме товарное производство имеет дело с товарами, которые производятся в социалистических предприятиях. У нас нет капиталистов ни в сфере производства, ни в сфере обращения товаров. И

¹ И. Сталин Экономические проблемы социализма в СССР. Изд. Сигрони Эпохи. 1998. С. 44.

² Там же, с. 49.

удельный вес мелкого личного хозяйства крестьян и ремесленников — незначителен. В социалистическом обществе товар выражает другие производственные отношения, чем в предыдущих обществах, когда товарное производство основывалось на частной собственности на средства производства. И при социализме товар, как и всякий товар, имеет двойственный характер, имеет потребительную и меновую стоимость. Но в социалистической экономике нет антагонистических противоречий, следовательно, и товар в социалистическом обществе не включает в себя антагонистические противоречия...»¹. «Действие закона равномерного развития народного хозяйства приводит к факту, что у нас нет «свободной» игры цен, раз производство и обращение товаров у нас регулируется, цены на товары организованного рынка устанавливаются государством. Стихийное отклонение цен товаров от их стоимости, стихийное колебание цен связано до какой-то степени с товарами неорганизованного рынка. Но при социализме цены на товары в неорганизованном рынке находятся под регулирующим влиянием государства.

Советское государство устанавливает планом цены на товары, учитывая требования закона стоимости. Это значит, что цена одной тонны печеного хлеба должна быть больше цены одной тонны пшеницы, за счет дополнительных затрат на помол и на печение»².

Еще он ссылается на следующий отрывок из работы И.В. Сталина: «Предметы потребления, необходимые для покрытия затрат рабочей силы в процессе производства, производятся у нас и реализуются как товары, которые подлежат действию закона стоимости в производстве. В связи с этим, имеют актуальное значение на наших предприятиях такие проблемы, как принцип хозяйственного расчета предприятий и их рентабельности, вопрос о себестоимости продукции, вопрос о ценах и т.д. Поэтому наши предприятия не могут и не должны не учитывать закон стоимости»³.

¹ Сборник статей по работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Изд. ЦК КПГ. С.99–100. «Вопросы экономики». 12/1952.

² Там же, с.105–106.

³ Там же, с.107. Ссылается на: И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 2-е греч. издание, с.23. Замечание: В данном фрагменте, в греческом переводе статьи И. Вязмина, используется термин «принцип хозяйственного расчета», а не «принцип рентабельности» производственных единиц, как находим в переводах работы Сталина, которые имеем.

⁴ А. Еремин. Сталин и экономическая наука. Ком. Обозрение 6/2000. С.81–105.

Как показывает подобное библиографическое указание А. Еремина⁴, теоретический подход Сталина — продукт его исторической эпохи, когда только ставились практические проблемы экономической политики и вопросы развития экономической науки социализма. Ее формирование было продуктом интенсивной теоретической внутрипартийной конфронтации (дольше десятилетия), в которой приняли участие и экономисты-немарксисты. Конфронтация обострилась после смерти И.В. Сталина. Теоретическое течение, которое поддерживало всестороннюю регулируемую роль закона стоимости в социалистическом/коммунистическом способе производства, впоследствии неуклонно увеличивает влияние на формирование экономической политики.

На уровне экономической политики по оценке выполнения 4-й пятилетки (касалась периода 1946–1950 гг. и была выполнена на год раньше) констатируется проявление определенных диспропорций в производстве и проблем в системе управления. Несмотря на успехи послевоенного восстановления, на успехи в выполнении 4-й пятилетки (в основном по объему совокупного промышленного производства, который опередил на 73% довоенный уровень, росту производительности труда на 37% по сравнению с 1940 г.) руководство КПСС указывало на медленные темпы внедрения новых достижений науки и технологии в ряде отраслей промышленности и в сельскохозяйственном производстве, на существование предприятий с устаревшим технологическим оборудованием и низкой производительностью, на производство устаревшего оборудования. Отмечались явления равнодушия, рутинности, инерции в управлении предприятиями, когда не интересуются задачей борьбы за технический прогресс как постоянного движения за развитие производительных сил. Опоздание в восстановлении сельскохозяйственного производства, низкая урожайность зерновых культур, низкая производительность скотоводства, совокупная продукция которого не достигла довоенного уровня, имели как результат ощутимый дефицит мяса, молока, масла, овощей и фруктов, что влияло на достижение общей цели — повышение уровня общественного благосостояния.

На почве этих проблем после XX съезда КПСС множатся теоретические и политические подходы к преодолению экономических диспропорций и исправлению недостатков в формировании и реализации

централизованного планирования и системы управления предприятий, построенные на основе закона стоимости. Постепенно все больше проводится мероприятий по усилению стимула прибыльности на уровне предприятия, удалению управления социалистическим предприятием от централизованных органов планирования, усиливаются личные стимулы для администрации предприятия, возможности горизонтального товарно-денежного обмена между предприятиями.

Это движение разворачивается постепенно. Если сравнить официальные оценки по проблемам сельскохозяйственной продукции перед XIX съездом и после него, после избрания Первого секретаря ЦК КПСС (1953 г., и в 1958 г. его же председателем Совета Министров), то обнаруживаются значительные различия в направленности экономики.

В решениях правительства и ЦК ВКП(б) «О мерах по устранению нарушений Устава сельскохозяйственной кооперации в колхозах» осени 1946 г. и в решениях Пленума ЦК (февраль 1947 г.) подвергаются критике явления в жизни колхозов, которые сегодня можно характеризовать как злоупотребления в присвоении земли общего пользования и благ колхоза. Были приняты определенные меры, чтобы их изжить и чтобы сократить административный аппарат в колхозах. В начале 1950 г. существовало много мелких колхозов с 10–30 дворовыми хозяйствами, с маленькими территориями, где не использовались в полной мере технические средства, а административно-управленческие расходы были слишком велики. Было дано направление формировать, по инициативе коммунистов, широкое движение колхозников за сращивание мелких колхозов в большие.

К концу 1947 г. распределение продуктов по карточкам было заменено широкой государственной и кооперативной торговлей. Была осуществлена денежная реформа и между 1947 и 1950 г. в три раза снизились цены товаров широкого потребления и увеличились доходы рабочих, служащих и крестьян¹.

В сентябре 1953 г. Пленум ЦК КПСС, рассматривая ход производства сельскохозяйственной продукции, констатирует значительные опоздания, причины которых относит к недостаткам руководства. Указывалось, что не было обращено необходимого внимания на материальный интерес колхозов и колхозников для увеличения

¹ История КПСС. 1980. С.646. Греческое издание.

производства. Цены из-за централизации в покупке многих сельскохозяйственных продуктов оказались низкими, что не позволяло им функционировать в качестве стимула для производства. Пленум своими решениями повысил цены и снизил количество обязательных поставок ряда основных сельскохозяйственных продуктов.

После XX съезда КПСС в 1957 г. конфронтация обостряется внутри партии, в основном на уровне Президиума ЦК, что привело к снятиям с постов многих руководителей. После стабилизации обстановки на уровне руководства партии делаются определенные значительные изменения в экономической политике. Отменяются отраслевые министерства, которые руководили промышленным производством во всем СССР и по республикам, и формируются органы территориального управления «Совнархозы». В феврале 1958 г. Пленум ЦК КПСС принял решение о продаже технических средств МТС (машинотракторных станций) колхозам. Одновременно меняется и система контрактации, давая возможность дифференциации цен между зонами страны. В общем, определенные цели 6-го централизованного плана ставятся под пересмотр, и формируется 7-летний план (1959–1965 гг.).

Как бы ни объяснялось принятие указанных изменений в направлении раздробления общественной собственности на средства производства и укрепления товарного личного или колхозного характера сельского хозяйства, это не согласовывалось с оценкой внеочередного XXI съезда КПСС (1959 г.), согласно которой социализм в СССР победил полностью, окончательно и что СССР творческим трудом народа и после глубоких реформирований во всех отраслях общественной жизни вошел в период широкого строительства коммунистического общества.

Комментируя, я бы сказала, что ослабление плана социалистического соединения кооператива (колхоза) с государством в направлении усиления элементов товарного производства в конечном счете не содействовало смягчению проблем производства сельскохозяйственной продукции. Наоборот, они обострились или появились новые проблемы, такие, как дефицит кормов, отступление в техническом обновлении колхозов.

Наконец, в середине 60-х годов в качестве причин возникших проблем были названы ошибки субъективного характера руководства сельскохозяйственным сектором экономики (Мартовский Пленум ЦК 1965 г. с докладом Л. Брежнева «Неотложные меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства в СССР»). Реформы включали снижение

количества товаров, продаваемых по повышенным ценам, были отменены ограничения по обмену между хозяйствами и колхозниками, налог с личного владения животными. Долги колхозов по кредитам Госбанка были ликвидированы, были отсрочены погашения долгов от денежных авансов, разрешена продажа кормов прямо владельцам животных.

Изменение политики опять двинулось в направлении дальнейшего укрепления товарно-денежных отношений, на основе адаптации экономической политики, централизованного планирования к теоретическому подходу, согласно которому закон стоимости функционирует объективно при социализме и это должно учитываться при распределении.

Аналогичная политика проводилась и в промышленности, обнаруживая замедление промышленного производства (уменьшение темпов роста годовой производительности труда и годового выпуска продукции) в начале 60-х и после изменений в централизованной системе руководства отраслями промышленности. Речь идет об известных реформах А. Косыгина (Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1965 г. по проблеме: «Об улучшении управления производством, совершенствовании планирования и укреплении материального стимулирования промышленного производства»).

Основным элементом реформ стало принятие прибыли предприятия в качестве основного стимула внедрения новой техники, роста производительности труда и объема производства, увеличения ответственности администрации. Происходит реформирование системы управления в направлении так называемого принципа самокупаемости, который вводится в управление государственными предприятиями.

В промышленности он начал применяться «экспериментальным путем» в 1962 году посредством перевода двух предприятий швейной промышленности на показатель прибыли в соответствии с предложенной профессором Е.Г. Либерманом системой управления (известной как Харьковская система). Реформы продвигались в период между XXIII и XXIV съездами КПСС. На XXIV съезде КПСС (1971 год) в «Основных направлениях формирования 9-го пятилетнего плана (1971–1975 гг.)» дается приоритет развитию производства товаров группы II относительно товаров группы I. И после XXIV съезда укрепляется отрыв предприятий от централизованного планирования. Например, хозрасчет принимает форму подряда в строительстве (1973 год).

Экономисты — сторонники системы хозрасчета предприятий — считали основными недостатками централизованной системы отсутствие гибкости, недостаточность стимулов для развития техниче-

го прогресса, распространение бюрократии, чрезмерное использование экономических ресурсов. В качестве причины ее недостаточной эффективности они называли «систематическое отрицание товарного характера производства при социализме, недооценку развития сельского хозяйства, переоценку возможности субъективного вмешательства в управление экономикой». Они утверждали, что невозможно устанавливать стандарты качества, объем реализации, вид технологии, цены на все виды товаров в центральных органах, для этого, они считали, необходимо использовать механизмы рынка при выполнении задач плановой экономики.

Е.Г. Либерман утверждал, что установление прибавок к зарплате (премий) директоров в зависимости от перевыполнения плана привело к возникновению противоречия между интересами директоров и советского общества в целом. И это произошло потому, что директора скрывали подлинный производственный потенциал предприятий, создавали запасы сырья и продукции, проявляли безразличие к производству «брака», препятствовали введению новой технологии с тем, чтобы нормы, на основании которых подсчитывалось выполнение плана, не менялись. Таким образом, например, производили плотную бумагу вместо тонкой, так как нормы измерялись весом. В соответствии с новой системой прибавки к зарплате директоров стали зависеть от выполнения плана (от продаж), а также от полученной прибыли. Центральный план должен был устанавливать лишь общий объем производства и инвестиций в целом. На уровне предприятий должны были устанавливаться себестоимость, производительность занятого персонала, распределение инвестиций, заключаться соглашения с потребительскими и торговыми организациями, то есть должен был учитываться закон стоимости, а количество производимой продукции должно было определяться спросом.

По крайней мере в течение трех десятилетий (конец 30-х — конец 60-х годов) велась острая идеологическая и политическая борьба внутри КПСС относительно причин возникновения проблем при осуществлении социалистического строительства, причин противоречий, относительного отставания или других явлений в экономике СССР. Дискуссию подпитывали также проблемы, которые возникали в странах Европы, которые присоединились к социалистической системе, в особенности так называемое явление «сырьевого барьера» (перевыполнялись планы перерабатывающей про-

мышленности и в то же время не выполнялись планы производства сырья, что имело серьезные последствия для внешней торговли).

Некоторые российские экономисты (Е.Г. Либерман, В.С. Немчинов и др.) высказывали точку зрения, что центральное планирование не в состоянии решить проблемы интенсивного развития, поэтому нуждается в помощи со стороны смежных вспомогательных механизмов. Они утверждали, что проблемы приспособления объема производства к потребностям потребления могут быть решены, исходя из критериев спроса и цен, которые формируются на основании спроса. Проблемой был сочтен способ адаптации производства к развитию производительных сил — материальных и людских, — который в прошлом приводил к перекосам. Эти перекосы списывались на отсутствие соответствия между производственным планом и потребностями.

Поиск решения экономических проблем был направлен на укрепление функционирования рынка (механизма капиталистического способа производства), который бы позволял развиваться своего рода соревнованию (конкуренции) между предприятиями и положительно отразился бы на повышении технического уровня и себестоимости производства. Было сочтено, что установление некоторых экономических величин, например, заработной платы, количества денег в обращении с помощью определенного рыночного механизма не представляет собой частично отхода от социалистических производственных отношений.

Постепенно набирает силу теоретическая схема «социалистического товарного производства» или «социализма с рынком», теоретическая точка зрения о том, что закон стоимости является законом социалистического способа производства, который действует также при строительстве развитого социализма и совместим с формированием материальных предпосылок для перехода к коммунизму.

В экономической политике набирает силу постепенный отход от централизованного планирования, ослабевает общественный характер собственности на средства производства. Обретение предприятием «автономии» в сочетании с возможностью присвоения части производимой продукции (прибыль) с помощью горизонтальных товарно-денежных операций между предприятиями как в промышленности, так и в производстве сельхозпродукции, укрепление независимости директоров при принятии решений и повышение уровня их персональной зарплаты являются почвой для укрепления социального слоя (а потенциально и класса), который имеет возможность присваивать результаты чужого

труда в личных целях и претендовать на законное существование частнособственнических отношений на средства производства. Социалистические производственные отношения и отношения распределения ослабевают и укрепляются товарные отношения. В 1980-е годы с проведением XXVII съезда (1986 год) и принятием в 1987 году закона на политическом уровне узаконивается статус капиталистических отношений (они были деликатно названы многообразием форм собственности).

Я бы хотела подвести итоги тому, что было сказано выше относительно реформ 1965 года, отметив, что:

1) буржуазная экономическая мысль охарактеризовала эти реформы как возврат к капитализму (публикации в журнале «Экономист», газете «Файнейшнл таймс»);

2) их поддерживали западные буржуазные экономисты кейнсианской школы и социал-демократия, которые охарактеризовали «реформы» как улучшение планирования при борьбе с бюрократией;

3) меры экономической политики, которая господствовала в тот период, являлись мерами укрепления отношений, характерных для пережитков досоциалистических экономических систем за счет устанавливавшихся социалистических отношений.

«Предпринимательская» прибыль не является ни показателем абстрактной социальной эффективности, ни автоматическим инструментом или средством выравнивания соотношений в производстве, поэтому колебания средней нормы прибыли при капиталистическом способе производства являются закономерным результатом его развития и связаны с фазами кризисного цикла. Она является категорией капиталистической экономики, а не одного лишь «рынка», который не может быть определен как капиталистический или социалистический в зависимости от господствующих отношений собственности в производстве.

Движение производства при капитализме, а следовательно, привлечение живой и овеществленной рабочей силы происходит на основе стимула максимально возможной прибыли (максимизация прибыли). Закон стоимости, а также закон прибавочной стоимости, когда речь идет о превращении рабочей силы в товар, являются основополагающими для капиталистического производства. Сама рабочая сила, а также все другие привходящие факторы (сырье, промежуточная продукция, станки и т.д.) носят товарный характер. Пережитки простого товарного производства подчиняются капиталистическому товарному производству.

Социализм является организацией общества на основе общих интересов и, следовательно, прибыль не может являться стимулом социалистического производства. Исторический опыт подтвердил, что в противовес капиталистическому способу производства возникает новый коммунистический, который проходит длительный период становления, лишь начинающийся с установления власти рабочих.

Поскольку наши изыскания посвящены переходу от капитализма к коммунизму, то есть периоду, когда коммунистический способ производства еще не достиг своего полного развития, а просто социалистические отношения являются господствующими, я бы хотела отметить следующее.

Первое. Общественная собственность на централизованные средства производства в сочетании с рабочей силой в ходе планомерного производственного процесса, который носит общественный характер, является предпосылкой к установлению нового — коммунистического способа производства. Распределение рабочей силы, сырья, станков, денежных средств и т.д. происходит на основе централизованного планирования, так что их товарный характер упраздняется. Они определяются социалистическими отношениями собственности.

Возможность господства нового способа производства начинает осуществляться с революционного политического акта. Это не означает, что пережитки предыдущих экономических систем (простого товарного или даже капиталистического производства) с самого начала полностью и автоматически упраздняются. Однако речь не идет об их «равноправном» сосуществовании. Обобществление средств производства и земли — при существовании государственной формы общественной собственности — закрепляет упразднение рабочей силы как товара.

На основе централизованного планирования распределяется также рабочая сила и, следовательно, осуществляется право каждого на труд, обеспечивается индивидуальная выгода от повышения уровня общественного благосостояния.

Существование товарного производства в ограниченных масштабах опирается на существование ограниченной частной собственности на средства производства и землепользование, которое продолжает иметь сравнительно низкую производительность. Его пережитки имеют тенденцию к присвоению результатов чужого труда.

Что касается характера отношений обмена между кооперативным сельскохозяйственным производством и социалистическим про-

мышленным производством, то я думаю, что мы не можем подходить к нему главным образом как к простому товарному производству и обмену, так как здесь имеет место также использование общественных средств производства, электроэнергии и т.д. через их распределение, направляемое из центра.

Я бы также хотела отметить, что капитализм не «позволял» отношениям обмена между продукцией сельского хозяйства и промышленности развиваться по законам стихийного действия рыночного механизма. Поэтому даже в наиболее развитых капиталистических экономиках до сих пор существуют сложные системы цен, квот и дотаций, которые устанавливаются в централизованном порядке.

Социалистическое строительство показало направление решения проблем — объединение крестьян-производителей для совместного использования земли в больших масштабах с целью производства общественной (не только кооперативной) продукции, с использованием обобщественной современной механизации и других средств научно-технического прогресса с целью развития производительности труда, обеспечения максимальной защиты продукции от непредвиденных изменений погоды, вертикального объединения производства сельскохозяйственного сырья с его промышленной переработкой.

Второе. В условиях социалистического строительства и на основе советского опыта большую часть подготовки рабочей силы, с тем, чтобы та стала способной к общественно полезному труду, берет на себя государство, считая его «потребностью» всех членов социалистического общества.

Напротив, в условиях капиталистической экономики подготовка рабочей силы является личной ответственностью каждого, она осуществляется в процессе товарного производства (например, покупается процесс обучения, его основное ядро или необходимые дополнения к нему). То же самое происходит и с большей частью воспроизводства рабочей силы.

При социализме существовала всеобщая государственная бесплатная система образования и здравоохранения, осуществлялись другие разнообразные функции воспроизводства рабочей силы при проведении политики отхода от принципа «каждому по труду» и при наличии тенденции приближения к принципу «каждый по способностям — каждому по потребностям». Такими примерами является политика

«цен» на общественный транспорт, потребительскую продукцию для детей, книги, электроэнергию в квартирах, жилые дома для народа и другое.

Однако характерной особенностью переходного периода является относительный недостаток продукции личного потребления, в результате чего часть ее распределяется в зависимости от труда каждого. Однако это чревато некоторой дифференциацией в том, что касается возможностей потребления трудящихся, в частности, возможности обеспечения определенного уровня потребления.

В экономической теории социализма был поставлен вопрос о труде: каков характер отношений распределения в денежной форме в том, что касается значительной части личного потребления и, конечно же, некоторой части заработной платы. Каким законом они определяются?

Определенное течение среди мыслителей и политиков-марксистов, включая в том числе и И.В. Сталина, охарактеризовало отношения в этой сфере обращения как товарно-денежные, регулирующиеся законом стоимости, не являющиеся, однако определяющими, регулирующими социалистическое производство и распределение.

Лично я вижу пробелы и противоречия при анализе и обобщении этого теоретического подхода. Сами его сторонники признают, что действие закона стоимости не соответствует основополагающим законам функционирования социалистического производства, поэтому они говорят о противоречии (однако неантагонистическом), имеющемся в товаре. Они признают, что социалистическое производство не является товарным, однако пытаются объяснить некоторые из явлений перекосов (противоречий) с помощью теории нарушения закона стоимости на уровне предприятий. Думаю, что главным образом они хотели продемонстрировать необходимость постоянного повышения производительности труда, необходимость того, чтобы его результаты превышали совокупные расходы.

Мне кажется, что профессор В.Я. Ельмеев в своем выступлении расскажет о достойном внимания теоретическом подходе к этому вопросу, когда он будет говорить о законе потребительной стоимости как отношении между трудом и его результатом (продуктом) на переходном этапе. Согласно этому подходу мерой потребительной стоимости

¹ Журнал «Коммунистики эпитеориси». 6/2000. С.104.

является освобожденное, а не затраченное время, которое является фактором, регулирующим внутрипроизводственные соотношения и соотношение между расширенным воспроизводством и потреблением.

А.М. Еремин упоминает о том, что «необходимый труд для глубокого осмысления денежных форм как «преобразованных или иррациональных» (то есть не имеющих отношения к закону стоимости) почти не занимал официальную политическую экономию, даже 40 лет спустя после Сталина»¹.

На этом вопросе останавливается также М.В. Попов, который говорит о том, что эти отношения являются товарно-денежными по форме, в то время как по сути они являются непосредственно общественными. Если я это правильно понимаю, то по сути отдельные производители не встречаются через товар на рынке.

Однако концепция и практика социалистического строительства до сих пор оставляют без ответа следующий теоретический вопрос, связанный с трудом: каково отношение (закон), с помощью которого труд в социалистическом производстве взаимодействует с общественным продуктом?

Следствием ответа на этот вопрос являются средства приведения политики в области зарплаты (каждому по труду) в соответствие с ценами на потребительскую продукцию. Из ответа на него следует также, какие средства необходимо использовать при объективной оценке распределенных расходов и результатов производства — этот подсчет необходим при централизованном распределении труда, сырья, станков, исследований и т.д.

Каким образом подсчитывается вклад каждого предприятия, организованного социалистическим путем, в общественную продукцию?

Реальные экономические проблемы, которые возникли как противоречия на основе чрезвычайно быстрого развития производительных сил по сравнению с отношениями производства/распределения, по моему мнению, рассматривались ошибочно с политической точки зрения.

Ход развития социалистического/коммунистического способа производства является процессом расширения социалистических отношений производства и распределения при устранении досоциалистических экономических пережитков, роста объема и производительности планового производства, роста социалистической сознательности по отношению к труду и существенного участия в информировании на всех уровнях снизу доверху, улучшения и осуществления централизо-

ванного планирования в неуклонно расширяющемся распределении «по потребностям». Следовательно, ход социалистического/коммунистического строительства является процессом устранения факторов, которые порождают действие закона стоимости и, следовательно, товарно-денежных отношений.

Я лично разделяю точку зрения, что корень проблемы первоначального теоретического сползания является в первую очередь гносеологическим. Однако я не считаю закономерным скорейшее развитие и утверждение этих идеологических и политических точек зрения, полное принятие категорий капиталистической экономики при решении противоречий на почве длительного перехода от капитализма к коммунизму. Я думаю, необходимо заняться поисками всей совокупности факторов, которые способствовали этой эволюции. Я считаю, что к их числу относятся:

— снижение уровня политического марксистского образования лидеров коммунистических партий из-за специфических условий войны, серьезных потерь и резкого увеличения числа членов компартии. Результатом этого явилось отставание в развитии политической экономии социализма;

— относительная зависимость коммунистической власти в СССР с момента своего зарождения от руководящих и научных кадров, которые были связаны и находились под влиянием культуры капиталистического запада;

— историческое наследие СССР с точки зрения масштаба докапиталистического отставания и неравномерного капиталистического развития;

— жертвы в уровне потребления, которых стоило послевоенное восстановление в условиях конкуренции с капиталистической реконструкцией Западной Европы, которая в значительной степени опиралась на возможности и потребность США в экспорте капиталов;

— проблемы и противоречия, возникшие в ходе присоединения стран Центральной Европы к социалистической системе. В некоторых из них определенную роль играли также исторически сложившиеся межгосударственные отношения, так, например, Румыния входила в немецкую ось, «выплатила» военные контрибуции с помощью продукции, производившейся румыно-советскими предприятиями;

— страх перед новой войной по причине империалистических вмешательств в Корею и т.д., «холодной войной», доктриной Гольштейна в Западной Германии (непризнание Восточной Германии, но, тем не менее, отнесение ее к «зоне советской оккупации»);

— дифференцированные политические вмешательства международного империализма в дела стран, осуществлявших социалистическое строительство, с использованием более или менее гибких торговых отношений со странами Центральной и Восточной Европы;

— вопросы стратегии и раскола международного коммунистического движения.

В послевоенные годы в Европе и в международном масштабе противоречие между капитализмом и социализмом несет в себе элементы взаимного влияния на выбор в вопросах экономической политики. Что касается капиталистического управления, то в Европе после войны утвердилось кейнсианское управление (во многих случаях его основным носителем являлись социал-демократические партии), которое оказало оппортунистическое давление на социалистический мир. Кейнсианское управление продемонстрировало, что представляет собой капиталистическое государственное программирование как средство, которое заменило нескоординированные и случайные вмешательства государства с целью осуществления контроля над последствиями кризиса¹.

Капиталистическая система «заимствует» у социалистической необходимость программирования, приспособленного к потребностям воспроизводства. Она также заимствует определенную социальную политику (одной из наиболее продвинутых является послевоенная система национального здравоохранения в Англии).

¹ В ходе публичной дискуссии, которую организовало Греческое общество программирования на тему: «Программирование, свободная экономика и демократия» в 1965 году в Греции, профессор А. Ангелопулос утверждал: «Таким образом, первый и главный вклад программирования — и позвольте мне особенно подчеркнуть этот пункт — это упразднение опасностей, которые происходят от неуверенности в отношении будущего хода развития рынка, который при режиме свободной экономики порождает у частного предпринимателя нерешительность и становится виновником экономических кризисов или спадов в ходе экономического цикла» (журнал «Нэа икономиа». 1965, апрель. С.332).

К этим условиям приспособливается идеологическое наступление части буржуазных экономистов на «государственный характер» экономики реального социализма.

Антагонизм между двумя системами подталкивает социалистическую систему, вероятно, к некоторому субъективизму в отношении возможностей и задач социалистического развития. Думаю, что сделанный ими стратегический выбор — поддержка некоторых бывших колоний, пошедших по некапиталистическому пути экономического развития, действует как фактор, который усиливает концепцию экстенсивного (за счет интенсивного) развития при централизованном планировании.

В этих исторических условиях власть выбирает политику, которая включает в себя элементы укрепления капиталистической (рыночной) экономики, считая их, по крайней мере на протяжении определенного периода, элементами укрепления социализма. Этот процесс разъедает революционный характер власти и подрывает переход от капитализма к коммунизму. Я не считаю определяющими слабости технико-экономического характера (в том, что касается внедрения математики, информатики) в централизованном планировании (в отношении точного знания данных, сбора информации, правильной оценки существующих возможностей по отраслям и регионам и т.д.), исходя из опыта и успехов в том, что касается крупных научно-технических завоеваний и внедрения их результатов.

Что касается проблем планирования, расширения производства потребительских товаров и, главным образом, их качественного развития, то я не стала бы считать их результатом экстенсивного развития соответствующих отраслей промышленности, но главным образом результатом развития производительности в этих отраслях в качестве необходимости внедрения новой технологии в их производство (преобразование плана, исходя из критериев технологического прогресса, роста производительности труда и т.д.).

Что касается проблем, которые возникли в системе управления, хотя мы не имеем значительных источников предложений в области экономической политики со стороны советских экономистов, которые выступали против проведения реформ, та часть теоретической дискуссии, которая мне известна, подводит меня к мысли о том, что эта

проблема не являлась главным образом технической/административной, а стимулы и результаты — нравственными. Поставленная задача и оценка производимого результата была связана с теоретическим признанием необходимости увеличивающихся результатов (продукция, потребительные стоимости) по сравнению с расходами (вложение труда, станков, сырья, денежных фондов и т.д.). Кроме этого, я также считаю, что важно дать оценку использованию технологии по отношению к производительности труда и показателям качества производства, исходя из долгосрочной общественной пользы, как, например, баланс окружающей среды, здравоохранение.

При проведении экономической политики материальные стимулы не должны изолировать производственную единицу от общества и отделять личную пользу от общественной. Они должны проявляться в принципе «каждому по труду» в большей степени в рамках производственного коллектива, чем по отношению к отдельному человеку (при потреблении новой продукции, поездках внутри страны и за рубеж, улучшении жилищных условий и т.д.). В отношении отдельного человека они выражаются в повышении индивидуальной зарплаты, результатом чего является возможность потребления большего количества товаров.

В рамках производственного коллектива материальные стимулы являются более эффективными и не способствуют увеличению денежного обращения. Часть увеличения заработной платы должна служить обеспечению новых возможностей доступа к высшему профессиональному обучению и образованию. Такой опыт имеется в странах, строящих социализм.

Административно-управленческий персонал в масштабах всей страны не должен иметь особых материальных привилегий по сравнению с непосредственными производителями. Имеется позитивный опыт в отношении зарплаты партийных кадров при капитализме (но не столь позитивный в отношении руководящих кадров предприятий, принадлежащих партиям).

Главным моральным стимулом должно являться развитие коммунистической сознательности в отношении необходимости труда, труда как образа жизни. Необходимой предпосылкой к этому является формирование условий участия в процессе принятия решений, в контроле над их выполнением, в контроле над управлением. Дополнительный добровольный неоплачиваемый труд (известные нам «красные субботы») не должен вступать в противоречие с тенденцией к увеличению нерабоче-

го (свободного) времени и всесторонним развитием человека — члена социалистического общества.

Темой особого исследования, в результате чего должны быть сделаны выводы, должно стать сравнительное изучение форм организации участия рабочих в процессе управления производством, их права и обязанности в различные периоды существования Советской власти. Следует провести сравнительное изучение рабочих комиссий при В.И. Ленине, стахановского движения и «советов самоуправления» при М.С. Горбачеве (проверить, не существовало ли нечто подобное при Л.И. Брежневем) с централизованным планированием и обеспечением общественного характера собственности на средства производства.

Поражение первого опыта перехода от капитализма к коммунизму, по моему мнению, является основополагающим фактором глубокого кризиса, который переживает коммунистическое движение во всем мире. Оно подорвало веру и стойкость значительной части коммунистов в каждой стране, в том числе и в нашей. Оно затуманило мечту о социализме хотя бы для некоторых передовых отрядов рабочего класса.

Длительный относительно «мирный» период и терпимость со стороны режима по отношению к коммунистическому движению, больший радиус действия буржуазного идеологического влияния делают чрезвычайно трудным доступ к марксистскому знанию и, следовательно, затрудняют интерпретацию поражения.

Подводя итоги, я бы хотела сказать следующее.

История социалистического строительства в СССР является историей борьбы за построение нового способа производства на социально-экономической почве сильных докапиталистических пережитков и, следовательно, длительного относительного отставания в том, что касается объема производства и производительности труда. На значительной части территории Советского Союза, так же, как и Китая, индустриализация была осуществлена в условиях отсутствия господства капиталистических отношений.

Первый исторический опыт социалистического строительства дал бой бедности и докапиталистической отсталости иным образом, чем капитализм. Накопление осуществлялось при обеспечении по крайней мере минимального уровня равноправного доступа к труду, права на жилище, питание, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т.д. на основе плановой экономики, которая функ-

ционирует, опираясь на общий стимул общественной пользы. Индустриализация и накопление капитала в крупных размерах при капитализме являлись результатом отчуждения вплоть до катастрофы. В США, основном центре капитализма, который после войны противостоял главному центру социалистического строительства, капиталистическое развитие осуществлялось в более благоприятных исторических, географических и климатических условиях, в результате чего в эту страну хлынул капитал и рабочая сила с трех континентов. Капиталистические общества с глубочайшей неравномерностью капиталистического развития (например, Индия) пока еще не решили проблему голода. Еще более остро эта проблема стоит в обществах стран Африки. Исторической особенностью является влияние неблагоприятных климатических условий на производительность труда и труд, причем в историческую эпоху развития капитализма, когда технологии, компенсирующие неблагоприятные природные условия, не достигли своего полного развития. Частью социалистического строительства стала мощная традиция сельскохозяйственных общин, элементы которых сохранялись и входили в досоциалистические системы. Этот пережиток имеет свои причины и является результатом суровых природных и климатических условий, которые делают возможность «индивидуального» выживания и производительность чрезвычайно низкой. Это наследие мелкотоварного сельскохозяйственного производства являлось фактором отставания социалистического пути развития.

Изучение противоречий, субъективных ошибок всего исторического движения является процессом развития теории социализма/коммунизма, результатом которого станет идеологическое и политическое оживление коммунистического движения с целью осуществления нового штурма.

Раздел II

Проблема рынка и плана в СССР и стратегия развития современного российского общества

После свершения в России Великой Октябрьской социалистической революции наиболее важными проблемами в экономической жизни нового общества явились проблемы рынка и плана. Это объяснялось тем, что основные средства производства из объекта частной собственности (в результате национализации) превратились в объекты общественной — государственной собственности, что требовало единого централизованного управления экономикой, а следовательно, и ее планирования. С другой стороны, и в рамках государственной собственности (не говоря уже о сохранившихся частно-капиталистических укладах) продолжали функционировать товарно-денежные отношения, что указывало на необходимость учета в переходной экономике социализма и роли рыночных отношений. Вполне естественно, что и по вопросу рынка, и по вопросу плана как в теории, так и на практике вспыхнули острые дискуссии и споры, которые не прекращались на протяжении всей истории Советской власти, то есть хронологически — на протяжении 1917–1991 гг. Несмотря на то, что в реальной жизни в переходный период такие экономические явления, как рынок и план, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, с точки зрения их теоретического уяснения и анализа следует, как нам представляется, дискуссии по данным проблемам рассматривать отдельно, применительно к этапам развития советской социалистической экономики, то есть начиная с эпохи так называемого военного коммунизма и заканчивая эпохой так называемого развитого социализма.

Известно, что классики марксизма-ленинизма, указывая на необходимость отмирания товарно-денежных отношений при социализме, тем не менее не отрицали необходимость их сохранения и использования в период перехода от капитализма к социализму. Так, в работе «Очередные задачи Советской власти» В.И. Ленин

прямо указывал на то, что «при переходе от капиталистического общества к социалистическому обойтись без денежных знаков или заменить их в короткий промежуток времени новыми — представляется вещью совершенно невозможной»¹. Однако указанные теоретические воззрения уже были опрокинуты реальной экономической жизнью в первые годы Советского государства — в период политики военного коммунизма (в период продразверстки), когда основной формой хозяйственных связей выступали натуральные отношения, характеризующие собой прямой продуктообмен. Эпоха военного коммунизма охватывала период с января 1919 года по март 1921 года. В этот период по существу была поставлена задача досрочной ликвидации товарно-денежных отношений в новом обществе, о переходе, по словам В.И. Ленина, к непосредственному коммунистическому производству и распределению². Развивая теоретически данную идею, такие известные советские экономисты, как С.Г. Струмилин, Е.С. Варга считали, что учет общественно-необходимых затрат труда уже можно осуществлять не в денежной (стоимостной) форме, а в единицах рабочего времени как естественной меры измерения трудовых функций рабочей силы. Данные идеи как раз и находили свое отражение в натурализации хозяйственной жизни того времени, что подтверждается и некоторыми статистическими данными. Так, если в 1917 году на выплату в натуральной форме приходилось 5% заработной платы, то в 1918 году — 48%, в 1919 году — 80%, а в 1920 году — 93%³.

После окончания гражданской войны экономика Советской России оказалась в крайне тяжелом состоянии. Чтобы активизировать хозяйственную жизнь страны, необходимо было перейти от директивных методов управления народным хозяйством к использованию косвенных методов, а с точки зрения последних перейти от натуральных отношений к стоимостным — товарно-денежным отношениям. Все это и нашло свое воплощение в так называемой Новой экономической политике (знаменитый НЭП). Точкой отсчета НЭПа считается 1921 год. Конкретно новая экономическая политика проявилась в замене продоволь-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 134.

² См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 157.

³ См. История политической экономии социализма. Под редакцией д.э.н., проф. Д.К. Трифонова, д.э.н., проф. Л.Д. Широкограда. Л.: ЛГУ, 1983. С. 260.

ственной разверстки (характерной для эпохи военного коммунизма) продовольственным налогом — хлебным налогом (продналогом).

В политическом плане идея Новой экономической политики была закреплена в документах X съезда РКП(б), который состоялся 15 марта 1921 года. Вот как писал об этом В.И. Ленин: «Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года. Уже весной того же года мы единогласно решили — больших разногласий по этому поводу я у нас не видел — перейти к новой экономической политике»¹.

Переход к НЭПу, оживление товарно-денежных отношений наряду с преодолением кризисных экономических явлений означал и своего рода активизацию капиталистических производственных отношений, на что прямо указывал и сам В.И. Ленин. Так, в работе «О продовольственном налоге» он писал: «Оборот есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени и с бюрократизмом. Мету установит практика, опыт»².

Активизация и расширение границ товарно-денежных отношений в Советской России, а затем и в СССР шли не только по известному классическому пути — активизации сферы торговли, но и по пути внедрения новых форм хозяйствования, в частности — по пути внедрения на производственных предприятиях (в трестах) хозяйственного расчета, чему уделял большое внимание В.И. Ленин. Он же раскрыл сущность и дал социально-экономическую оценку социалистической формы кооперации, признав тем самым наличие в экономической структуре социализма двух секторов экономики: государственного и кооперативного, а следовательно, и двух форм собственности: государственной и кооперативной. Объективно экономическая связь между указанными формами собственности могла осуществляться в рамках товарно-денежных отношений.

Учитывая социалистическую направленность развития экономики и в условиях НЭПа, Советское государство уделяло в этот период большое внимание регулированию рыночных отношений, а также сохранению в руках государства крупной промышленности и транспорта, что в конечном счете полностью себя оправдало. Несмотря на разгул в условиях НЭПа товарно-денежных (рыночных) отношений, Советс-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 282.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 244.

кое государство тем не менее оставалось социалистическим и по экономическому, и по политическому своему содержанию.

Развитие рыночных отношений в период НЭПа напрямую было связано и с проблемой оценки роли денег, с проблемой восстановления финансово-кредитной системы, которая в период так называемого военного коммунизма была по существу парализована. Решение возникшей задачи осложнялось еще и тем, что в первые годы НЭПа имело место как частичное, так и полное отрицание роли золота как всеобщего эквивалента и меры стоимости. И по этому вопросу свое весомое слово высказал В.И. Ленин, прежде всего в работе (1921 год) под названием «О значении золота теперь и после полной победы социализма», где он утверждал, что и в условиях диктатуры пролетариата (поскольку и здесь функционируют товарные отношения) золото выполняет роль денег. Однако по данной проблеме существовали и другие точки зрения. Так, уже известный в то время ученый-экономист С.Г. Струмилин предложил создать свободную от золота «товарную валюту», считая, что функцию меры стоимости успешно могут выполнить бумажные деньги. Е. Преображенский, пропагандируя так называемую «Теорию воспоминаний», считал, что роль денег выполняет не реальное, а идеальное (абстрактное) золото. Представители же старой буржуазной школы (С. Киселев, Н. Деревенко, Л. Волин, С. Первушин) наоборот указывали на непосредственную связь в период НЭПа между бумажными деньгами и золотом, отождествляя по сути переходную экономику социализма с капиталистической экономикой, что противоречило экономическим реалиям.

Такие советские экономисты как А. Леонтьев, В. Мотылев, И. Трахтенберг и другие вполне справедливо считали, что основу советских денег должно составлять золото. Все это и было учтено в денежной реформе 1922–1924 гг. Именно в это время Советским государством была введена в обращение устойчивая денежная единица — червонец, который обеспечивался на $\frac{1}{4}$ драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой по золотому курсу, а также легко реализуемыми товарами. Введение в оборот червонца явилось большой удачей не только в сфере денежного обращения, но и с точки зрения развития всей переходной экономики социализма.

Начиная с 20-х годов и вплоть до разрушения СССР в экономической литературе не прекращалась дискуссия о роли закона стоимости

как регулятора товарно-денежных отношений. А начиналось все с проблемы соотношения «объективного» и «субъективного» в социалистической экономике. Для многих советских экономистов закон стоимости оставался стихийным регулятором рыночных отношений. Данная проблема, с одной стороны, была связана с так называемой объективностью экономических законов социализма, с другой — с проблемой осознанного их использования посредством прежде всего планирования социалистической экономики. Определенная ясность в вопросе об объективном характере экономических законов становящегося социализма, включая и закон стоимости, появилась после дискуссий, по докладу И.И. Скворцова-Степанова «Что такое политическая экономия» в 1925 г., докладу представителя троцкистской оппозиции Е. Преображенского «Закон ценности в Советском хозяйстве» в 1926 г., а также организованной ЦК КПСС в ноябре 1951 года дискуссии по новому макету «Учебника политической экономии». В результате выше-названных дискуссий многие советские экономисты пришли к выводу, что и при социализме действие экономических законов носит объективный характер, что не противоречит субъективному фактору — их целенаправленному использованию посредством централизованного управления и планирования социалистической экономики.

Дискуссии по планированию социалистического производства, так же, как и об использовании товарно-денежных (рыночных) отношений, начались сразу же после свершения Октябрьской революции. Этому способствовали национализация Советской властью частной собственности на средства производства, а также введение Рабочего контроля. Отрицая сам факт национализации и введения рабочего контроля, буржуазные экономисты (А. Долгов, С. Прокопович, В. Гриневецкий, Л. Каффенгауз) категорически отрицали планирование как социально-экономическое явление, считая, что советская экономика должна развиваться в рамках стихийного частно-капиталистического хозяйства.

В отличие от буржуазных экономистов представители партии большевиков во главе с В.И. Лениным сразу же признали необходимость планирования национализированной экономики, о чем говорит экономическая программа состоявшегося в мае 1918 года I съезда СНХ (Советов народного хозяйства).

Вопреки буржуазным экономистам идею планирования Советской экономики твердо поддержали такие экономисты как С. Гусев,

И. Скворцов-Степанов, В. Милютин. Большое значение в этом плане имела работа С. Гусева «Очередные вопросы хозяйственного строительства». Именно эта работа и была положена в основу постановления «Об едином хозяйственном плане», принятого на IX съезде РКП(б). Причем, как В.И. Ленин, так и вышеназванные экономисты считали, что планы народного хозяйства должны опираться на новую техническую базу, что и нашло отражение в плане ГОЭЛРО — первом едином плане народного хозяйства Советского государства.

Выдающуюся роль в разработке концепции планирования народного хозяйства на основе общественной собственности сыграл Г.М. Кржижановский. Этой идее Г.М. Кржижановский остался верен и в эпоху НЭПа — в эпоху оживления стихийных рыночных отношений. Именно ему В.И. Ленин поручил внести дополнения в подготовленный отчет Госплана к IX Всероссийскому съезду Советов о том, что «новая экономическая политика не меняет единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению¹».

Сторонниками социалистического планирования в 20-х гг. были известные партийные и государственные деятели: Ф.Э. Дзержинский, Л.Б. Красин, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, А.Д. Цюрупа, В.Я. Чубарь и другие.

Необходимо отметить, что проблема оптимального сочетания плана и рынка возникла еще в 20-е годы прошлого столетия. Эта проблема оставалась актуальной на всех этапах существования Советской власти. При этом одни экономисты противопоставляли план рынку, другие же считали вполне приемлемым их сосуществование в рамках социалистической экономики. Лозунг «не план», а «рынок» открыто отстаивали прежде всего буржуазные экономисты. И наоборот, руководители партии и государства, советские экономисты вполне резонно рассматривали народнохозяйственный план как инструмент, с помощью которого можно преодолеть стихийность товарно-денежных (рыночных) отношений. Подобной позиции активно придерживались Г.А. Александров, Г.М. Кржижановский, В.В. Куйбышев, Л.Б. Красин, С.Г. Струмилин. В этом плане показательна позиция С.Г. Струмилина, по мнению которого необходимо разграничивать стихийные капиталистические рыночные (товарно-денежные)

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 101.

² Струмилин С.Г. На плановом фронте. М.: 1958, с.252.

отношения и социалистические товарно-денежные отношения, поддающиеся планомерному регулированию². Однако среди советских экономистов были ученые, которые считали, что в любом случае товарно-денежные отношения могут проявляться только в стихийной форме. Поэтому, по их мнению, при социализме объективно могут существовать только нетоварные связи (отношения).

Говоря о развитии процесса планирования в СССР, нам представляется вполне обоснованным подход В.И. Межлаука, который выделял два этапа в советском планировании: до 1928 г., когда разрабатывались годовые планы народного хозяйства, и после 1928 г., когда начали разрабатываться и претворяться в жизнь пятилетние планы развития народного хозяйства¹.

Дискуссия о предпосылках и особенностях социалистического планирования в 30-е годы обострилась и в связи с появившейся на Западе теорией «Планового капитализма». И здесь определенную ясность внес В.В. Куйбышев, по мнению которого объективно народнохозяйственное планирование может возникнуть только на основе общественной собственности на средства производства и при наличии диктатуры пролетариата. Поэтому планирования при капитализме в масштабах общества объективно не может быть².

Успешное выполнение двух первых пятилетних планов выдвинуло в повестку дня вопрос о преимуществах социалистического планирования, о чем писали государственные деятели (К.Е. Ворошилов, С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе) и советские экономисты (И.А. Гладков, А. Леонтьев, Г.М. Кржижановский)³.

Как уже было сказано, дискуссии по проблемам рынка и плана, их взаимосвязи и соотношения возникали на всех исторических этапах развития Советского общества. Наиболее значимыми в этом плане этапами были: победа социализма в нашей стране в результате успешного выполнения второго пятилетнего плана в 1938 году; вступле-

¹ См. Межлаук В.И. Большевицкий план. — План, 1936, №4, с. 5–9.

² См. Куйбышев В.В. Ленин и Сталин о социалистическом планировании. — Большевик, 1934, №1, с. 13–22.

³ См., например, Ворошилов К.Е. Об итогах первой пятилетки. М., 1933.

Киров С.М. На историческом рубеже между первым и вторым пятилетним планом. М., Л.: 1932.

Леонтьев А. Основные установки пятилетки. М., Л., 1930.

ние СССР в середине 60-х гг. минувшего столетия в период стагнации, объявленный этапом развитого социализма. На протяжении всего этого времени — вплоть до развала СССР, активно велись дискуссии о законе планомерного развития социалистической экономики, о соотношении таких понятий, как планомерность и пропорциональность, о месте и роли прогнозирования, народнохозяйственных балансов в системе планирования социалистической экономики. Интересен в этом плане взгляд на роль баланса народного хозяйства известного государственного деятеля и не менее известного ученого-экономиста Н.А. Вознесенского, по мнению которого «баланс народного хозяйства как выражение процесса расширенного социалистического воспроизводства включает в себя: во-первых, производство и распределение общественного продукта; во-вторых, производство и распределение основных фондов; в-третьих, баланс и распределение рабочей силы; в-четвертых, производство и распределение народного дохода; в-пятых, баланс денежных доходов и расходов населения; в-шестых, баланс и распределение материальных фондов»¹.

Исследование истории дискуссий в СССР по проблеме рынка и плана (1917–1991 гг.) показало, что обе эти проблемы на протяжении всего периода существования Советской власти находились в центре внимания как теории, так и практики социалистического строительства. Навязанная нынешней России так называемая неолиберальная модель развития экономики полностью зиждется именно на концепции стихийного развития рыночных отношений. При этом игнорируется положительный исторический опыт развития товарно-денежных отношений как в бывшем СССР, так и в нынешних Китае и Вьетнаме. Именно развитие экономики в указанных странах подтвердило тот факт, что рыночные отношения могут эффективно регулироваться государством.

Будучи составной частью общественного прогресса, позитивная экономическая реформа исторически устремлена в будущее. В этом выражается ее стратегический вектор. С точки зрения же содержательной направленности такая реформа призвана удовлетворить назревшие экономические и иные потребности общества как социальной

¹ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, с. 64–65.

целостности, а не отдельного слоя. Признаком прогрессивной экономической реформы является то, что она связана не только с совершенствованием общественных производительных сил (в основе которых лежит научно-технический прогресс), но и социально-экономической структуры общества и как результата — политической системы. Чисто экономически результатом экономической реформы должно быть повышение эффективности общественного производства, связанной с максимальным удовлетворением потребностей членов данного общества. Именно с этих исторических позиций необходимо оценивать и так называемую экономическую реформу в России. Более чем десятилетний опыт российского экономического «реформирования» показал, что ни один из вышеперечисленных критериев не был реально претворен в жизнь. Следовательно, в данном случае в научно-практическом плане точнее было бы говорить не столько об экономической реформе, сколько о широкомасштабных экономических «экспериментах». Это верно и в воспроизводственном плане: экономическая реформа объективно должна осуществляться только в рамках расширенного общественного воспроизводства, экономические же эксперименты на людях — и в рамках суженного воспроизводства, что реально имело место в России. Известно, что за период так называемых экономических реформ в РФ основной макроэкономический показатель, каковым является валовой внутренний продукт, сократился более чем в 2 раза, а по ВВП на душу населения Россия по самым оптимистичным подсчетам оказалась на 71-ом месте в мире. Реальные доходы населения за этот период сократились в 3–4 раза.

На этом фоне произошла резкая социальная дифференциация населения: так доходы 10% наиболее богатых граждан России в 24 раза превышают доходы 10% наиболее бедных граждан. Для сравнения: в США — в 4 раза, Германии — в 3,9 раза, в таких реформированных странах как Польша — в 3 раза, Венгрия — в 2,6 раза. В бывшей Советской России указанный разрыв составлял всего 3,3 раза. Обанкротившиеся отечественные реформаторы в этой связи заявляют, что для успешного проведения экономической реформы им необходимы более широкие исторические рамки. Как показывает опыт мирового хозяйствования, это не так. Десять лет вполне достаточный срок, чтобы экономическая реформа вышла на положительные социально-экономические результаты. В послевоенной разрушенной Германии проводимая под руководством ученого и государственного деятеля Л. Эрхарда реформа через 4 года принесла ожидаемые экономические

результаты. Столько же времени потребовалось Советской России после разрушительной гражданской войны, чтобы выйти на самые высокие показатели царской России — показатели 1913 года. Последние примеры говорят о том, что и реформа Л. Эрхарда и Новая экономическая политика (НЭП) Советской России изначально обладали всеми экономическими, историческими характеристиками и критериями экономической реформы — отсюда и ее положительные результаты. Почему же объективно назревшая экономическая реформа в России и в других постсоциалистических странах по существу не состоялась? Здесь можно выделить несколько причин, а также практических и теоретических ошибок. Во-первых, отсутствие в указанных странах (в том числе и России) национально ориентированной, научно выверенной экономической модели реформирования. Глубоким заблуждением (особенно среди либерально ориентированных реформаторов) является утверждение о безусловной эффективности рыночных отношений независимо от особенностей национальной экономики. Как показывает опыт мирового хозяйствования, в том числе рыночного, рынок — это лишь средство решения экономических и других социальных задач в нужном направлении. И то общество (страна), где эффективно используется данное средство, выигрывает. Достаточно сказать, что из 180 так называемых рыночных стран, успешно развиваются лишь около 30. В остальных же странах уровень жизни в десять и более раз ниже, чем в развитых рыночных странах.

Значит, ни о какой всеобщей эффективности рыночных отношений речь вести нельзя. Эта эффективность зависит не столько от самого рынка как такового, сколько от эффективности национального механизма хозяйствования и от той роли, какую рынок играет в его структуре. С другой стороны, известно, что национальный механизм хозяйствования — это сложное социально-экономическое явление, структурно включающее экономические, иные социальные, этические отношения и ценности, исторические особенности и традиции той или иной страны, а также населяющих ее этнических и национальных общностей — вплоть до их исторического самосознания и менталитета. Следовательно, каждый национальный механизм хозяйствования индивидуален (как и человек, если подобное сравнение в данном случае уместно). Нет в мире хотя бы двух абсолютно идентичных национальных механизмов хозяйствования. Что ни страна, то свой индивидуальный механизм хозяйствования. Национальным является и рыночный механизм. В этом суть проблемы экономического реформирования — в нахождении каж-

дой страной своего эффективного национального механизма хозяйствования, — другого историей не дано. На это обращают особое внимание западные экономисты. По существу не противопоставляя принципиально капитализм социализму (в отличие от наших рыночников-антикоммунистов) они делают упор и на историко-национальные особенности экономических преобразований при решении стратегических экономических целей. Так авторы знаменитого Учебника по «Экономикс» Макконелл и Брю пишут: «Цель состоит в том, чтобы добиться такого сочетания капитализма и социализма, которое обеспечит жизнеспособность и надлежащую эффективность экономике данной страны в рамках ее историко-культурных традиций».

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что и рыночные закономерности в любом случае должны быть модифицированы в рамках той или иной национальной экономики, а более точно — в рамках конкретного национального механизма хозяйствования. Вот почему невозможно (как это считали и по сей день считают либеральные горе-реформаторы) перенести в неизменном виде хозяйственный механизм одной страны в другую страну. В этом, пожалуй, и заключается главная ошибка российских псевдо-реформаторов. Отсюда и негативные результаты реформирования. Национальный механизм хозяйствования, как об этом уже было сказано, наряду с экономической составляющей структурно включает этическую (нравственную), а более широко — культурологическую составляющую, которая оказывает существенное влияние не только на ход самой реформы, но и на ее результаты.

Уже очевидно, что рыночная капиталистическая экономика по своему духу противоречит нравственным началам, а значит и менталитету российского общества и его членов. Рыночная экономика, а точнее говоря капитализм, в духовном плане есть выражение прежде всего западной культуры с ее ярко выраженным духом наживы и так называемого голого рационализма. В этом смысле наиболее точную характеристику капитализма в начале 20 века дал Макс Вебер в своей знаменитой книге «Протестанская этика и дух капитализма». Говоря о капитализме, он писал: «Мы имеем в виду капитализм как специфически западное современное национальное предпринимательство». Это «западное предпринимательство», как известно, опирается на смитовского так называемого экономического человека (*homo economicus*), в основе поведения которого лежит голый экономический

эгоизм (расчет). Вот почему американская и европейская модели рыночной экономики исходят из признания экономического индивидуализма как движущей силы социально-экономического развития. Именно подобные модели рыночной экономики уже 10 лет пытаются навязать российскому обществу отечественные либерал-реформаторы.

Нет смысла доказывать очевидное, что российскому обществу как социальной целостности, а также составляющим его субъектам исторически присущ дух коллективизма, а не воинствующего индивидуализма. Вот почему искусственно насаждаемый в нашем обществе агрессивный индивидуализм обернулся всеобщим духовным опустошением и всеобщей криминализацией экономической, общественной жизни. Это и есть основной показатель воинствующего индивидуализма на российской почве. Другого быть и не могло. Даже с этих позиций можно сделать однозначный вывод: никакие западные модели реформирования экономики объективно не приемлемы для российского общества.

Это со всей очевидностью подтвердила в свое время и столыпинская реформа. Именно Столыпин пытался насадить вопреки общинному самосознанию российского крестьянства западную модель землепользования (именуемую ныне фермерским хозяйством). Как известно, за Столыпинской реформой последовала лишь четвертая часть крестьянского населения России, но и эта часть крестьян спустя несколько лет по существу отвергла навязанную ему западную модель реформирования. Историческая правда (вопреки нынешним лживым утверждениям либералов) говорит о том, что Столыпинские реформы в России провалились. Только нахождение и построение своего национального механизма хозяйствования обеспечат условия для российского экономического, социального реформирования. С другой стороны, не совсем верно (да и в теоретическом, и в практическом плане узко) сводить все неудачи (ошибки) экономической реформы России только к культурологической (нравственной) составляющей национального механизма хозяйствования. Безусловно, здесь не меньшую, а в отдельных случаях и более важную роль играет экономическая составляющая — и прежде всего проблема собственности.

Эпоха свободной конкуренции с ее абсолютизацией частной собственности — это эпоха так называемого чистого капитализма. Эпоха же смешанной экономики, каковой является нынешнее рыночное хозяйство — это эпоха социально-ориентированной рыночной экономики (ка-

питализма) в рамках которой наблюдается и социализация самой частной собственности — ее многосубъектность. Именно этого не поняли (а, может быть, и не хотели понять) российские так называемые реформаторы. Последние через обвальную приватизацию начали насаждать в России давно уже умерший в других рыночных странах чистый капитализм с его абсолютизацией частной формы собственности. В условиях современного уровня обобществления производства и социализации частной формы собственности подобный шаг в экономике носит не только протivoестественный, но и антиэффективный, разрушительный характер. Вот почему вместо повышения эффективности общественного производства Россия получила убыточную, кризисную экономику. Огромными для страны оказались и чисто финансовые потери в силу явного занижения стоимости активов приватизируемых предприятий. Только по самым общим подсчетам в результате так называемой приватизации страна потеряла свыше 1 триллиона 300 миллиардов долларов (то есть 60 с лишним бюджетов 2000 года). Более половины приватизированных предприятий оказались убыточными.

В теоретическом плане с точки зрения собственности в процессе ее реформирования (если считать, что реформаторы действительно преследовали экономические, а не идеологические — антисоциалистические цели) были допущены следующие непростительные ошибки: во-первых, имела место абсолютизация одной формы собственности — частной, что привело к насаждению так называемого (уже исторически изжившего себя) чистого (а применительно к России) — криминального капитализма. Во-вторых, насаждение (через различного рода олигархов) частной индивидуальной собственности, что было обусловлено непониманием (или нежеланием понять), что в современных условиях произошла, как уже было сказано, социализация самой частной собственности, ее диффузия (рассеивание), превратившая частную собственность в ассоциированную собственность. Отсюда — отчуждение от собственности в результате проведения приватизации большинства населения. А ведь экономическая реформа наоборот должна была ликвидировать отчуждение от собственности, прежде всего, непосредственных производителей, каковыми является большинство членов российского общества. Да это и было основной задачей так называемой переходной экономики.

Непонимание отечественными реформаторами особенностей социализации частной собственности выражается не просто в абсо-

лютизации частной собственности, но в абсолютизации прежде всего индивидуальной частной собственности, агрессивном навязывании ее современному обществу, что противоречит как духу новейшего времени истории, так и менталитету российского населения. Что имеется в виду? Как уже было сказано, психология большинства членов российского общества носит в основе своей коллективистский характер. Поэтому с позиции национального механизма хозяйствования нашим людям (в данном случае имеются в виду средние и крупные предприятия) ближе государственные предприятия и коллективные формы предпринимательства: открытые и закрытые акционерные общества с равномерным распределением акций между всеми работниками производства, а в отдельных случаях чисто коллективные формы хозяйствования, каковыми являются в нынешних условиях во многих рыночных странах народные предприятия.

Необходимо отметить, что идея создания так называемой рабочей собственности, рабочих предприятий имеет глубокие исторические корни. Впервые данную идею еще в XIX веке высказал Прудон. В XX веке эта идея нашла свое отражение прежде всего в трудах американских ученых Келсо и Адлера. В настоящее время идея рабочей собственности (ее еще называют собственностью работников производства) нашла реальное подтверждение и воплощение в американской системе ЕСОП, испанской Мондрагоне, в различных формах кооперативной собственности Италии. Все это находит свое организационно-экономическое выражение в так называемых народных предприятиях.

Российские либерал-реформаторы, проповедуя ложную идею индивидуальной частной собственности, пытаются любыми способами передать даже крупные предприятия индивидуальным собственникам — по их выражению стратегическим собственникам, а на самом деле различного рода капитализированной номенклатуре или криминально разбогатевшим нуворишам. Дело даже доходит до насильственного захвата так называемыми собственниками отдельных народных или государственных предприятий — пример тому Выборгский ЦБК, Санкт-Петербургский фарфоровый завод, Московское химико-фармацевтическое предприятие и другие фабрики и заводы. Причем это все происходит с ведома и санкции властных структур, создавая тем самым социальное напряжение в обществе. Хотя и экономически, и политически целесообразно было бы данные предприятия оставить в собственности трудовых коллективов.

В условиях смешанной монополевой экономики индивидуальная частная собственность реально существует лишь на уровне малого бизнеса. На уровне же среднего и крупного бизнеса существует ассоциированная частно-коллективная собственность. Именно этого не поняли или не хотели понять отечественные псевдореформаторы.

Известно, что в рамках командной экономики произошло реальное отчуждение непосредственных производителей от собственности, хотя в рамках формального обобществления социалистического производства все члены общества выступали как сособственники материальных условий производства и результатов труда. В результате же нынешней капитализации российской экономики произошло как формальное, так и реальное отчуждение непосредственных производителей, а значит большей части членов общества от собственности. Крупная собственность оказалась в руках узкого слоя общества — 5% населения, что конечно, не может устроить большинство ни в настоящее время, ни в будущем.

С точки зрения собственности ошибочным (применительно к российской реформе) оказалось отождествление форм собственности с формами хозяйствования, наивное представление о том, что частная собственность автоматически способна решить и проблему эффективности производства. Как показывает практика мирового хозяйствования, сама по себе форма собственности нейтральна к эффективности производства. В этом смысле нет плохой или хорошей собственности. Масса примеров, когда государственная собственность в тех же рыночных странах по своей эффективности оказалась не ниже, а в отдельных случаях и выше частной — и наоборот. Если бы частная форма собственности автоматически решала проблему эффективности производства, то все бы рыночные страны оказались среди развитых стран. Например, в латиноамериканских странах уже на протяжении двух веков преобладающей является частнокапиталистическая форма собственности. Однако эти страны по уровню экономического и в целом социального развития остаются в структуре развивающихся стран: уровень жизни в данных странах в десять и более раз ниже, чем в США. А все дело в том, что указанные страны не нашли свой эффективный национальный механизм хозяйствования. С другой стороны, в результате обвальной приватизации в России уже свыше 80% предприятий и хозяйственных единиц находятся в структуре частного сектора экономики. Эффективно же (прибыльно) особенно среди крупных и средних предприятий работает всего около 40% приватизированных предприятий.

Именно этот пример полностью опровергает идею о якобы генетической предопределенности частной собственности к эффективности.

Простая смена форм собственности как и статуса собственника автоматически не решает проблемы эффективности общественного производства. В структуре современной смешанной экономики проблему эффективности, а следовательно, и успех всей экономической реформы решает не одна какая-либо форма собственности, а, как уже было сказано, оптимальное соотношение в рамках той или иной национальной экономики различных форм собственности. В той стране, где найдено это оптимальное соотношение, национальный механизм хозяйствования эффективен — и наоборот, что наглядно видно на примере российских так называемых реформ. В поиске же оптимальной структуры собственности на первый план выступает не столько экономический, сколько исторический момент, а вернее национальные традиции.

Исторически так сложилось, что в России во все времена определяющей являлась социализированная форма собственности: в сфере промышленности — в царское время так называемая казенная собственность, в Советской России — государственная общественная собственность; в сельскохозяйственном производстве — в царское время — общинная собственность, в Советское время — коллективная (или как ее называли колхозно-кооперативная собственность). Именно социализированная форма собственности во все времена составляла экономическую основу российского государства, а тем более в Советской России, где на долю государства приходилось около 90%, а на долю коллективной собственности — около 10% собственности. Поэтому огульная приватизация государственной и коллективной собственности заранее была обречена на провал, поскольку она для России носила противоестественный характер.

Ну как можно согласиться и экономически, и стратегически с тем положением, что в руках государства в настоящее время осталось всего 15—17% собственности, а количественно это выглядит весьма условно и экономически ненадежно. По существу в результате обвальной приватизации государство потеряло свою экономическую опору, что грозит и потерей Российской Федерацией своей экономической безопасности. С учетом исторических традиций, геополитического положения России, сохранения ее экономической безопасности государственная

собственность в России (имеется ввиду, прежде всего, крупное производство) должна составлять, на наш взгляд, не менее 70%.

С учетом сказанного объективно назрела необходимость деприватизации (национализации) прежде всего стратегических отраслей народного хозяйства — в первую очередь природоэксплуатирующих отраслей: газовой, нефтяной, угольной, а также энергетических систем. Именно эти отрасли исторически составляли и составляют по сей день основу экономической безопасности страны. С другой стороны, национализация добывающих отраслей промышленности сулит немалые экономические выгоды государству. Только по предварительным расчетам (с учетом рентных отчислений, упорядочения экспорта природных ресурсов) государство может получить в результате национализации дополнительно в казну около 100 миллиардов долларов ежегодно, что значительно превышает нынешний российский бюджет. В настоящее же время эта огромная сумма по существу оседает в карманах так называемых олигархов и других нуворишей. Помимо всего прочего бесконтрольная добыча природных ресурсов служит основной базой и бесконтрольного вывоза за границу капитала, что для нашей страны приняло, прямо скажем, устрашающий характер. Известно, что из России ежегодно вывозится за рубеж огромная сумма капитала, равная бюджету страны (ежемесячная утечка капитала составляет около 2 миллиардов долларов).

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что в условиях капитализма национальный механизм хозяйствования российского государства может развиваться только в рамках социально-ориентированной рыночной экономики, государственного регулирования рыночных отношений, что предопределено самой историей развития Российского общества. Поэтому навязывание России так называемыми реформаторами либеральной модели развития рыночных отношений — или принципа *laissez faire* (полного невмешательства государства в экономику) носит антиэффективный и антиисторический характер. Известно, что современная рыночная экономика — это в основе своей монополия экономика, которая объективно требует государственного вмешательства и регулирования. Даже в так называемых либерально-ориентированных рыночных странах государственное регулирование экономики осуществляется не только по линии государственного сектора экономики, но и по линии налогового, антимонопольного, экологического, социального законодательства. Так, в США независимо от форм собствен-

ности государственный контроль осуществляется за всеми хозяйственными единицами по 150-ти экономическим и социальным параметрам. Во Франции, Японии, Южной Корее элементами государственного регулирования рыночной экономики являются научно выверенное прогнозирование, а также планирование рыночной экономики. Все это должно быть учтено и при формировании Российского национального механизма хозяйствования. Ведь объективно российская экономика была и остается в основе своей самодостаточной.

Само понятие экономической самодостаточности напрямую связано с понятием экономической безопасности страны. Именно та национальная экономика самодостаточна, где обеспечена в полной мере экономическая безопасность, в основе которой лежит прежде всего экономический рост. Последний же характеризуется, как известно, макроэкономическими показателями — в первую очередь показателем валового внутреннего продукта (ВВП). О какой экономической самодостаточности России, а тем более ее экономической безопасности можно говорить, если, как уже было сказано, на протяжении всего периода реформ в России имеет место не только не расширенное и даже не простое, а суженное воспроизводство. Еще в начале 90-х годов наша страна входила в первую десятку стран по объему ежегодно производимого ВВП. На долю России приходилось около 3% мирового ВВП. В настоящее же время объем ВВП в России по сравнению с 1990 годом снизился более, чем в 2 раза. Произошло резкое снижение ВВП на душу населения, характеризующего социальный стандарт жизни народа. Данный показатель составляет лишь около 10% от подобного показателя США. Общий объем ВВП России в десять раз меньше, чем в США. Сложность и драматичность экономической и социальной жизни в России находит свое проявление и в продолжающейся инфляции — особенно в такой ее крайней форме, как стагфляция: одновременный рост цен и безработицы, падение общественного производства.

Таковы экономические реалии сегодняшней России. Есть ли выход из сложившегося экономического коллапса? И да, и нет. Да, потому, что в России еще в определенной степени сохранены экономические ресурсы, как интеллектуальные, так и материальные, включая и природные ресурсы. Нет, потому, что действующая на сегодняшний день модель реформирования экономики антиэффективна, а следовательно, и антисоциальна. Настоящая экономическая реформа направлена прежде всего

на повышение эффективности общественного производства, через которую появляется возможность более полного удовлетворения материальных и социальных потребностей населения той или иной страны. Однако повышение эффективности общественного производства объективно достижимо только через углубление мотивации труда непосредственных производителей. В нынешней же России сложилась спекулятивная модель экономики, где честный труд производителя не только экономически не стимулируется (чего стоит невыплата на предприятиях заработной платы), но и морально занижен. Объективно это связано с тем, что в результате номенклатурно-криминальной приватизации государственности, как уже было сказано, произошло как формальное, так и реальное отчуждение непосредственного производителя от собственности на средства производства и результатов труда. Последние, как известно, оказались в руках номенклатурных и теневых дельцов (чего стоит так называемая директорская приватизация). Поэтому на основе сложившейся структуры собственности в настоящее время невозможно восстановление мотивации труда непосредственных производителей. Подобное положение можно было бы восстановить путем создания (наподобие хотя бы американской ESOP) коллективной формы собственности на производственных предприятиях с персонификацией долей собственности (в виде определенного пая или закрытых именных акций) за работниками предприятий. Но это, как говорится, дело будущего. При нынешней же структуре собственности углубление мотивации труда с ориентацией на повышение эффективности производства реально можно было бы осуществить только с помощью современных эффективных форм хозяйствования. Пока подобных форм хозяйствования в российской экономике не просматривается.

С точки зрения совершенствования форм хозяйствования (в том числе и в рамках смешанной экономики) важное значение имеет дальнейшее совершенствование форм и систем заработной платы — важнейшего экономического рычага стимулирования производительного труда. Что же мы имеем в России на сегодняшний день в сфере трудовых отношений? Цивилизованного рынка труда, прямо скажем, не сложилось. В сфере материального производства у работников наемного труда (в первую очередь у рабочих и инженерно-технических работников) наблюдается резкое отставание уровня заработной платы (как цены товара рабочая сила) от ее стоимости. Нередко вообще не выплачивается заработная плата, что говорит не только о дискриминации производительного труда и его работников, но и о новой форме эксплуа-

тации капиталом труда. В социальном аспекте дискриминация в области заработной платы связана и со слабостью в нынешней России институциональной защиты работников наемного труда. В данном случае под институциональной защитой подразумевается прежде всего деятельность такого общественного института, как профсоюзы.

Известно, что в рыночных (капиталистических) странах именно профсоюзы (благодаря своей твердой экономической позиции) не дают возможности работодателям (особенно частным) опускать уровень заработной платы ниже стоимости товара рабочая сила, тем самым создавая определенный стимул производительному труду. Что же касается российской реальности, то объединенные в Федерацию независимых профсоюзов России профсоюзы оказались полностью в услужении нового российского капитала и буржуазного государства. На повестке дня развитие новых профсоюзов, которые по примеру профсоюзов докеров и авиадиспетчеров могли бы защищать экономические интересы людей наемного труда. В этом плане профсоюзы — это институт, который может оказать определенное влияние на укрепление экономической самодостаточности страны, а следовательно, и на укрепление ее экономической безопасности. Что же касается стимулирования труда (как условия повышения эффективности производства), то здесь важное значение имеет и повышение минимальной заработной платы как минимального официального стандарта, который устанавливает вполне естественно само государство. Основным недостатком минимальной заработной платы является ее недопустимый (в 8–10 раз) отрыв от уровня прожиточного минимума, сориентированного на так называемую потребительскую корзину. А ведь минимальная заработная плата является тем социально-экономическим нормативом, на основе которого рассчитывается ставка первого разряда, устанавливаются должностные оклады в бюджетных организациях.

Экономическая самодостаточность страны создается не только за счет экономического роста, в основе которого лежит рост эффективности производства и труда, но и через развитие отечественного производства, сориентированного прежде всего на внутренний рынок. Последняя проблема связана с так называемой степенью открытости национальной экономики. Отечественные псевдореформаторы, не зная законов развития мировой и национальной экономики, обвалью переориентировали российскую экономику на так называемый мировой рынок, способствуя тем самым ее развалу. Как показывает практика мирового хозяйствования, 2/3 объема выпускаемой в любой стране продукции (включая высокоразвитые страны) идет на удовлетворение потребностей внутреннего рынка. Известно и другое: если страна, например, по продовольственным товарам импортирует (ввозит) более 30% объема

Раздел III

К рынку ли надо было идти?

Выявляя уроки разрушения социализма в СССР, необходимо иметь в виду, что в силу планового централизованного управления экономикой социалистической страны то или иное понимание сути экономики, относящееся непосредственно к сфере общественного сознания, трансформируется в соответствующее направление изменения экономической практики. Та теория, которой руководствовалась правящая партия — РКП(б), ВКП(б), КПСС, определяла ключевые моменты экономической политики, затем планирования как инструмента реализации этой политики и закреплялась в соответствующих преобразованиях.

В СССР эти преобразования можно разбить на 3 периода. Первый — это период построения социализма как первой фазы коммунизма с момента установления диктатуры пролетариата в ходе Октябрьской революции 1917 года до начала 30-х годов. Второй период — период социалистического развития с начала 30-х годов до 1956–1961 годов, знаменовавшихся изменениями в теории и практике управления советским обществом, закрепленными в третьей, хрущевско-сусловской программе партии. И, наконец, период реставрации капитализма, начало которому положили решения XX съезда КПСС и который завершился в начале 90-х годов возвратом к предыдущей общественно-экономической формации, базирующейся на капиталистическом способе производства.

История показала, что пока правящая в СССР партия придерживалась понимания социализма как непосредственно общественного, нетоварного хозяйства и ориентировалась прежде всего на потребительно-стоимостные, а не на стоимостные критерии, до тех пор успешно осуществлялись социалистическое строительство и социалистическое развитие. Когда партия от этой теоретической позиции отступила, стали набирать силу реставраторские тенденции. А когда был прямо взят курс на превращение социализма в товарное хозяйство, произошла реставрация капитализма. Вот почему для понимания хода истори-

ческого развития социалистической страны дискуссия о характере производства — это, по сути дела, дискуссия о направлении развития, и такая связь должна иметься в виду. При этом дискуссия о характере производства в СССР сводится к общему вопросу о характере производства при социализме.

Дискуссия о характере социалистического производства началась задолго до непосредственного приступа к социалистическому строительству, не затухала в ходе строительства и развития социализма в СССР и получила новые аргументы от практики, когда одна из теоретических концепций — концепция так называемых «товарников» — была положена в основу практических преобразований и привела к разрушению социализма, распаду СССР и реставрации капитализма в России и в ряде других стран. Без анализа дискуссии о характере производства при социализме глубокое понимание истории строительства, развития и падения социализма в России невозможно.

Понимание советского периода истории России требует правильного ответа не только на вопрос о характере социалистического производства, но и на вопрос о роли товарности в социалистическом непосредственно общественном хозяйстве. Что собой представляют стоимостные и товарно-денежные формы в социалистической экономике — выражение его непосредственно общественной сущности или ее отрицание? А непосредственно общественные по виду формы экономики полностью лишены товарности или также несут на себе ее следы? От ответа на эти вопросы зависит правильный выбор экономической политики и ход строительства и развития экономики социализма.

Противоположные ответы на эти вопросы имеют объективную экономическую основу — противоречивость экономического положения членов социалистического общества, которые объективно, по своему положению, заинтересованы не только в росте общественного богатства, но и в увеличении своей доли в нем. Это рождает противоположные тенденции в экономической жизни, получающие и свое теоретическое отражение.

В истории СССР имелись и псевдодискуссии, когда слово в центральном органе партии давалось представителям только одной, товарной тенденции (лето 1965 г.), а затем проводилась реформа как бы по итогам дискуссии. Товарность была одной из объективных причин и инструментов экономической реформы 1965 года, сориентировавшей предприятия на стоимостные показатели и давшей старт развитию товарности в ущерб непосредственно общественной природе социализ-

ма. В этом плане события конца 80-х — начала 90-х годов в СССР явились результатом развития товарности как отрицания социализма, простор которой предоставила экономическая реформа 1965 года.

В центре дискуссий 1951–1991 гг. после выхода в свет работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» стояли три крупных взаимосвязанных проблемы: проблема характера социалистического производства, проблема товарности при социализме и проблема разрешения противоречия между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью. Остановимся на них подробнее.

1. Дискуссия о характере социалистического производства в СССР

В чем прежде всего выражается коммунистическая природа социализма? В.И. Ленин говорил: «Коммунист значит — общий. Коммунистическое общество значит — все общее: земля, фабрики, общий труд, — вот что такое коммунизм»¹. Коммунистическая природа социализма выражается, следовательно, прежде всего в том, что как средства производства, так и их использование являются общественными, или, другими словами, основные средства производства находятся в общественной собственности.

Конкретизируя марксистское определение собственности², советские экономисты показали, что общественная собственность — это отношение общества к объективным условиям производства как к своим, как к таким условиям, над которыми оно может господствовать, подчиняя их использование своим экономическим интересам. Это отношение реализуется посредством производства. Так что свое реальное бытие общественная собственность имела в таком производстве, которое подчинялось обществу, то есть велось в общественных экономических интересах.

Производство общества, вышедшего из недр капитализма, выступило как результат разрешения противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Капиталистическое «производство не является непосредственно общественным, не представляет собой продукт ассоциации, распределяющей труд среди своих членов. Индивиды подчине-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 314.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 473, 479–485.

ны общественному производству, существующему вне их наподобие некоего рока, а не общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием»¹.

Социалистическое производство непосредственно подчинялось ассоциированным индивидам, их общественным интересам и являлось поэтому непосредственно общественным. Поскольку оно являлось общественным, то есть поскольку все производственные процессы слились в один общественный производительный процесс, стали частями, элементами этого единого процесса, постольку подчинение такого производства общественным интересам требовало сознательного согласования действий участников единого процесса и могло быть поэтому только планомерным. Непосредственно общественный характер социалистического производства выражался, следовательно, в планомерном подчинении производства общественным интересам. Из этого исходил И.В. Сталин в вышедшей в 1952 г. работе «Экономические проблемы социализма в СССР». На этом настаивала так называемая московская школа экономистов во главе с заведующим кафедрой политической экономики МГУ Н.А. Цаголовым, такие экономисты, как Н.В. Хессин, А.М. Еремин, А.А. Сергеев, Н.А. Моисеенко, М.В. Попов, Р.И. Косолапов, А.И. Кашенко, В.Г. Долгов и другие. Благодаря борьбе этих экономистов такая позиция в теории стала преобладающей.

К. Маркс писал: «Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией»². Социалистическое общество поэтому представляло собой единый кооператив. «Кооператив, — указывал В.И. Ленин, — если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм». Переход от капитализма к социализму явился переходом «к единому всенародному кооперативу»³.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 101.

² Там же. Т. 23. С. 337.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 161–162. — Опираясь на такое понимание социалистического производства, В.В. Куйбышев утверждал, что «с полной победой социализма» экономика страны превращается в «единый народно-хозяйственный комплекс» (Куйбышев В.В. Избр. произв. М., 1937. С. 378).

Таким образом, исходным пунктом социалистического (коммунистического) производства явилась всенародная кооперация — кооперация в масштабах всего общества. Наличие двух форм социалистической собственности не меняло дела по существу, так как это были две формы одной, общественной собственности, две формы подчинения производства единым, общественным интересам, или, можно сказать, это одна, общественная собственность на средства производства, но выступающая в двух различных формах¹.

С победой социализма, следовательно, коренным образом изменились экономические отношения. Раньше это были не отношения всенародной кооперации, а отношения производства для обмена. Кооперация, подчеркивал К. Маркс, есть «прежде всего, непосредственное — не опосредствованное обменом — взаимодействие многих рабочих для достижения одного и того же результата...»². Обмен же — это взаимное отчуждение продуктов труда и иных объектов собственности на основе свободного договора или соглашения. «Обмен, опосредствованный меновой стоимостью и деньгами, предполагает, правда, всестороннюю зависимость производителей друг от друга, но вместе с тем он предполагает и полную изоляцию их частных интересов и такое разделение общественного труда, при котором единство различных видов труда и их взаимная дополняемость существуют вне индивидов и независимо от них...»³.

В отличие от этого в обществе ассоциированных производителей, планомерно расходующих свои рабочие силы как одну совокупную рабочую силу, при передаче продукта с одного завода или фабрики на другой завод или фабрику не происходило отчуждения, поскольку движение продуктов совершалось в рамках одной и той же собственности. На вопрос о том, можно ли говорить об обмене в точном политико-экономическом смысле этого слова при социализме, у К. Маркса советские экономисты находили следующий ответ: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как

¹ При этом кооперативная собственность является формой общественной собственности лишь при определяющей роли собственности социалистического государства.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 285.

³ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 101.

стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда»¹. На невозможность существования товарного обмена в непосредственно общественном хозяйстве указывал и Ф. Энгельс: «Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары...»². Здесь один из критериев построения социализма. В.И. Ленин писал: «Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить»³. С построением социализма обмен должен был быть вытеснен кооперацией, с чем связано и отмирание при переходе к социализму рынка. В резолюции XII съезда РКП (б) «О промышленности» подчеркивалось, что «в своем окончательном развитии плановые методы могут и должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его»⁴. В противоположность товарному в непосредственно общественном производстве труд не путем обмена, а непосредственно выступал как общественный труд. «Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 18. — В советской экономической литературе широко цитировалось также следующее высказывание К. Маркса: «...производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о *differentia specifica* (характерных особенностях) данных способов производства, не можем ничего сказать о них, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения» (там же. Т. 23. С. 124, примеч.). Из этого высказывания иногда делается вывод о том, что при социализме есть товарное обращение или даже что социалистическое производство является товарным. Однако «самые разнообразные способы производства» — это еще не все способы производства. То, что верно для рабовладельческого, феодального и капиталистического производства, нельзя механически переносить на социалистическое производство.

² Там же. Т. 20. С. 320.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 127.

⁴ Двенадцатый съезд РКП (б): Стеногр. отчет. М., 1983. С. 677.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 321.

Естественно, что создаваемый непосредственно общественным трудом продукт являлся непосредственно общественным продуктом, а не продуктом, производимым для обмена. Вот почему в политико-экономическом смысле его нельзя было считать товаром. К. Маркс отмечал: «Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых частных работ противостоят один другому как товары»¹. Согласно марксистско-ленинскому пониманию социалистическая революция предстает как «уничтожение частной собственности на средства производства, переход их в общественную собственность и замена капиталистического производства товаров социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов»². Как указывал В.И. Ленин в наказе Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям, составленном в 1921 году, в переходный период «государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром...»³. В Замечаниях на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» В.И. Лениным были выписаны и подчеркнуты следующие слова из текста книги: «...поскольку на место стихии выступает сознательный общественный регулятор, постольку товар превращается в продукт и теряет свой товарный характер». И здесь же относительно слов «товар превращается в продукт» указано, что это «неточно: превращается не в «продукт», а как-то иначе. Etwa: в продукт, идущий на общественное потребление не через рынок»⁴.

С завершением переходного периода и построением социализма в СССР произошло превращение товара в непосредственно общественный продукт. Это явилось лишь более конкретным выражением завершения процесса построения социализма как первой фазы коммунистического способа производства, непосредственно общественного по своему характеру. Тем самым был устранен и двойственный характер тру-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 204.

³ Там же. Т. 43. С. 276.

⁴ Ленинский сборник. Т. XL. 1985. С. 417.

да, ибо в точном политико-экономическом смысле нетовары стоимости не имеют, а потребительная стоимость сохраняется и развивается.

Поскольку в социалистическом производстве совершался непосредственно общественный труд по производству продукта в соответствующей (непосредственно общественной) форме, закономерно характеризовать его как «форму производства, диаметрально противоположную товарному производству»¹. Ф. Энгельс подчеркивал, что «раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство...»². В.И. Ленин высказывался не менее категорично. Он писал: «...для организации крупного производства без предпринимателей нужно уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих...»³. Перед пролетариатом была поставлена задача замены «товарного производства социалистическим...»⁴. В переходный от капитализма к социализму в нашей стране период В.И. Ленин отмечал: «У нас борьба первой ступени перехода к коммунизму с крестьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товарное производство»⁵. Исходя из этой посылки, что совершается «социалистическое преобразование общества, невозможное без уничтожения товарного производства»⁶, В.И. Ленин подчеркивал: «...именно уничтожение товарного производства и капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а в человеческих формах»⁷. Все эти фундаментальные положения классиков марксизма-ленинизма, на которых базировалось строительство и развитие социализма в СССР, сводятся к одному — социалистическое непосредственно общественное производство по своему характеру есть отрицание, противоположность капиталистического товарного хозяйства. Подчеркивая в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР», что средства производства — не товары, И.В. Сталин опирался на эти фунда-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т 23. С. 104 (примеч.).

² Там же. Т. 20. С. 294.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 253.

⁴ Там же. Т. 6. С. 199.

⁵ Там же. Т. 51. С. 357.

⁶ Там же. Т. 13. С. 397.

⁷ Там же. Т. 36. С. 151.

ментальные положения. В дальнейшем советские экономисты показали, что когда социализм построен и сохраняется, предметы потребления при социализме также являются не товарами, а непосредственно общественными продуктами.

Известно, что подрыв товарного производства начинает происходить уже при империализме. Товарный обмен ликвидируется, по существу, в пределах крупных монополий, но товарное производство и закон стоимости в обществе в целом господствуют. В ходе социалистической национализации основных средств производства из сферы товарного производства была изъята основная масса продуктов. В переходный период товарное производство использовалось пролетарским государством для восстановления разрушенных производительных сил, и это, как указывал В.И. Ленин, было не только целесообразно, но и необходимо¹. По мере выполнения планов социалистического строительства сфера товарного производства неуклонно сужалась. С победой же социализма, означавшей превращение всей экономики в единый кооператив, в единую монополию, но обращенную на пользу всего народа, в непосредственно общественное планомерно организованное хозяйство, товарная организация производства на основе закона стоимости как таковая была уничтожена и заменена планомерной организацией на основе закона потребительной стоимости непосредственно общественного хозяйства.

Капитализм, будучи товарным хозяйством на том этапе его развития, когда и рабочая сила становится товаром, строится «на основе закона стоимости, который поэтому является основным экономическим законом капиталистического способа производства»². Ф. Энгельс указывал в «Анти-Дюринге», что «закон стоимости — основной закон как раз товарного производства, следовательно, также и высшей его формы — капиталистического производства»³. И.К. Смирнову при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 57, 79, 228, 244; Т. 44. С. 168, 215, 217; Т. 45. С. 112.

² Смирнов И.К. Экономический закон движения капитализма в «Капитале» К. Маркса // Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука / Под ред. Ф.Ф. Вязкерева. Л., 1984. С. 84. Подробнее об этом см.: Смирнов И.К. Метод исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» К. Маркса Л., 1984. С. 103–107.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 324.

надлежит разъяснение того, что понимаемый как закон товарного производства закон стоимости не может быть законом общественного хозяйства, прямо противоположного товарному производству.

В политико-экономическом смысле непосредственно общественный труд, затраченный на производство продуктов, не является как стоимость этих продуктов, а если нет явления, то нет и его закона. Когда же говорят о законе стоимости при социализме, то, как правило, имеют в виду, что «по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»¹. Только так можно было правильно толковать суждения о законе стоимости при социализме. Речь, следовательно, идет не о действительной стоимости во всем богатстве ее определений, которое она получает лишь в товарном хозяйстве, а об определении стоимости рабочим временем, о том, что планомерное регулирование рабочего времени в непосредственно общественном хозяйстве не только не исчезло, но явилось господствующим, и закон экономии рабочего времени получил адекватную форму своего выражения и полный простор для своего действия. Основной экономической закон социализма — это закон потребительной стоимости, и, соответственно, критерий экономии труда у потребителей применяется с тем, чтобы обеспечить их полное благосостояние и свободное всестороннее развитие..

Эти выводы, являющиеся теоретической основой строительства и развития социализма, вытекают не из специфики социализма как первой, низшей фазы коммунизма, а из того, что и в своей низшей фазе коммунизм является коммунизмом, что социализм и коммунизм не представляют собой двух различных способов производства, а коммунистическое производство, возникая как отрицание капиталистического товарного хозяйства, является производством непосредственно общественным.

Итак, если исходить из коммунистической природы социализма, он должен быть охарактеризован как непосредственно общественное

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 421. См. также т. 19. С. 18–19.

хозяйство, сознательно, планомерно регулируемое на основе закона потребительной стоимости. Это понимание социалистического производства как целого, выражающее коммунистическую природу социализма. Но именно поэтому оно является лишь правильным, достоверным, но также и односторонним, следовательно, еще не вполне истинным пониманием социалистического производства. Должен быть учтен, принят во внимание и отрицательный момент — товарность. Она проявляла себя и в переходный период, и в период социалистического развития, так что дискуссия о товарности при социализме требует отдельного самостоятельного рассмотрения.

2. Дискуссия о товарности при социализме в СССР

Как следует из предыдущего параграфа, коммунистическая природа социализма выражается в непосредственно общественном характере социалистического производства. Однако в принятой XXVII съездом Программе КПСС (новая редакция) подчеркивалось, что только «на высшей фазе коммунистической формации полностью утвердится непосредственно общественный характер труда и производства»¹. При этом непосредственно общественный характер социалистического производства Программой замалчивался, что открывало дорогу ревизионизму.

В то же время социализм — это неполный коммунизм, это коммунизм с отрицанием его в себе, связанным с выходением из старого строя. Социалистическое непосредственно общественное производство, являвшееся отрицанием товарного производства, не могло не нести отпечатка своего выхода из этого производства. В результате переходного периода, который есть становление социализма, непосредственно общественное производство стало в СССР наличным бытием, а «наличное бытие есть вообще по своему становлению бытие с некоторым небытием, так что это небытие принято в простое единство с бытием. Небытие, принятое в бытие таким образом, что конкретное целое имеет форму бытия, непосредственности, составляет определенность как таковую»². Вышедшее из товарного хозяйства непосредственно общественное производство содержало в себе отрицание самого себя, которое, будучи небытием непосредственно общественного производства в нем самом, может быть названо поэтому товарностью, составляющей определенность и одновременно противоположность непосредственно

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 138.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 170.

общественного производства на социалистической стадии его развития. Товарность — это отрицание непосредственно общественного производства как момент, связанный с выхождением из товарного хозяйства.

Отрицание непосредственно общественного характера социалистического производства, выражающегося в планомерном подчинении его общественным интересам, состояло в отрицании этого планомерного подчинения. Следовательно, товарность — это момент подчинения производства каким-либо иным, не общественным интересам, когда удовлетворение общественных интересов выступало не как цель, а лишь как средство для удовлетворения каких-либо иных интересов. Товарность — это момент производства для обмена в непосредственно общественном производстве, находящийся с ним в отношении противоположности.

Действие, для которого удовлетворение общественных интересов есть лишь средство удовлетворения каких-либо иных интересов, противоположно действию, непосредственно направленному на осуществление общественных интересов. Следовательно, из различия в экономических интересах, которое имело место в первой фазе коммунизма, вытекала противоположность в действиях, соответствующих непосредственно общественному характеру производства, с одной стороны, и товарности, — с другой. На этой же почве возникала и противоположность теоретических позиций, выражающих противоположные стороны неразвитого коммунистического производства. К. Маркс указывал: «Только в том случае, если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм, только в этом случае политическую экономию можно превратить в положительную науку»¹.

Авторы, отстаивавшие товарное понимание социализма (рыночники, товарники), такие как Я.А. Кронрод, Е.Г. Либерман, Я.Г. Либерман, Н.Я. Петраков, Б.В. Ракитский, Д.А. Смолдырев и др., нередко утверждали, что для принятия их точки зрения достаточно просто взглянуть на факты действительности. При этом они вольно или невольно делали две серьезные ошибки. Первая заключалась в отождествлении являющихся форм, нередко превращенных, с сущностью яв-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 145.

² Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. философские произв.: В 5 т. М., 1956. Т. 1. С. 704.

лений, познание которой составляет истинную задачу науки. Вторая ошибка — забвение того, что сами факты действительности противоречат друг другу. Г.В. Плеханов писал: «Когда метафизик слышит, что общественный деятель должен опираться на действительность, он думает, что ему советуют мириться с нею. Он не знает, что во всякой экономической действительности существуют противоположные элементы и что помириться с действительностью значило бы помириться лишь с одним из ее элементов»². Марксистский же критерий практики означает опору не на всякую практику, а именно на такую, которая обеспечивает прогрессивное развитие.

Если бы производство в СССР в целом характеризовалось как опосредствованно общественное, как производство для обмена, оно должно было бы быть названо товарным производством. Но при социализме мы имели дело с товарностью не как с целым, не как с каким-либо укладом (если говорить об общественном производстве, совершающемся в пределах общественной собственности), а лишь как с отрицанием непосредственно общественного производства в нем самом, то есть с его противоположностью. Поэтому применительно к периоду социализма в отличие от периода социалистического строительства и следует говорить не о товарном производстве в СССР, а лишь о товарности как противоположности непосредственно общественного производства, отрицающем это производство в нем самом.

Производство товаров вполне правомерно связывать с экономической обособленностью производителей. Товаропроизводитель «является изолированным, обособленным производителем»¹. Разделение труда создает обособленных производителей именно «в обстановке товарного хозяйства», на что специально указывал В.И. Ленин². Но с начала 30-х годов в СССР этого условия уже не было, производители не могли уже считаться обособленными. Нельзя было социалистических производителей называть и относительно обособленными. Такими являются производители при капитализме, которые в силу общественного характера капиталистического производства обособлены друг от друга уже не абсолютно.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 451.

² См. там же. Т. 3. С. 621.

³ Моисеенко Н.А. Преодоление экономической обособленности // Экономические науки. 1985. № 4. С. 61.

В отличие от оперативно-хозяйственной самостоятельности «экономическая обособленность означает отношения между различными собственниками»³. Поскольку общество взяло во владение средства производства, оно стало уже не обществом обособленных, а обществом ассоциированных производителей, и если применять количественную меру, то следовало бы говорить не о той или иной степени обособленности, а о той или иной мере ассоциированности, единства социалистических производителей. Понятия «относительно ассоциированные производители» и «относительно обособленные производители» — противоположны.

Если товарное производство означает обособленность производителей, то товарность означала лишь момент, состоящий в обособлении ассоциированных производителей. Абсолютизировать этот момент, превращать его из момента в целое значило бы разделять общественную собственность по коллективам, провозглашая их владельцами средств производства по типу акционерных обществ, и не признавать на деле той истины, что социалистическое производство в СССР было непосредственно общественным производством.

Отход от этого фундаментального положения в целом ряде теоретических работ не мог не оказать негативного влияния на хозяйственную практику. Можно согласиться с В.А. Пешехоновым в том, что в значительной мере «товарность «приходит» к социалистическим государственным предприятиям «сверху», в результате сознательно направляемых действий»¹. А.М. Еремин, например, отмечал: «Товарное (или «полутоварное») истолкование характера социалистического производства явно способствовало неясностям в конкретно-экономических разработках и в рекомендациях практике»².

Поскольку социалистическое непосредственно общественное производство в СССР являлось отрицанием капиталистического товарного хозяйства и поскольку «в диалектике отрицать не значит просто сказать «нет»³, а еще и удержать, сохранить то, что может слу-

¹ Пешехонов В.А. Непосредственно общественный характер производства и товарно-денежные отношения // Непосредственно общественное производство в условиях развитого социализма / Под ред. Н.Д. Колесова. Л., 1984. С.85.

² Еремин А. Развитие политической экономии социализма — решающее условие усиления ее влияния на практику // Экономические науки. 1983. № 11. С. 7.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 145.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 88–89.

жить для выражения новой сущности, постольку новая сущность, естественно, выступала не единственно в новой, непосредственно общественной форме, но и как противоположный момент старой, товарно-денежной, стоимостной формы. Эта новая сущность, взятая в единстве со своей формой, означала новое содержание, которое, как указывал В.И. Ленин, «может и должно проявить себя в любой форме, и новой, и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»⁴.

По поводу использования выработанных в лоне товарного хозяйства форм В.И. Ленин как до революции в России, так и после нее высказывался неоднократно, опираясь на соответствующие указания К. Маркса¹. Эти ленинские высказывания были отражены впоследствии в Программе Коммунистического Интернационала, принятой на VI Конгрессе Коминтерна в 1928 г. В ней говорилось: «Связанные с рыночными отношениями, по внешности капиталистические формы и методы хозяйственной деятельности (ценностный счет, денежная оплата труда, купля-продажа, кредит и банки и т. д.) играют роль рычагов социалистического переворота, поскольку эти рычаги обслуживают во все большей степени предприятия последовательно-социалистического типа, т.е. социалистический сектор хозяйства»².

Руководствуясь этими положениями, ВКП(б) отмежевалась от настроений в пользу свертывания торговли и формальной отмены денег с победой социализма. В докладе «Итоги первой пятилетки» на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г., с которым выступил И.В. Сталин, говорилось: «...советскую торговлю нельзя ставить на одну доску с торговлей на первой стадии нэпа, хотя бы и регулируемой государством. Если торговля на первой стадии нэпа допускала оживление капитализма и функционирование частнокапиталистического сектора в товарообороте, то советская торговля исходит из отрицания, из от-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 332; Т. 34. С. 307; Т. 36. С. 132.

² Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 24.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 203.

⁴ Там же. С. 343.

существования как того, так и другого»³. В Отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) по вопросу о природе и функциях денег в экономике социализма говорилось, что они «являются тем инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма»⁴. Партия добивалась понимания на основе диалектики того, что «в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового. Так обстоит дело не только с товарами, но и с деньгами в нашем экономическом обороте, так же как и с банками, которые, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем»¹.

Ярко выраженную товарно-денежную форму имеют, например, отношения распределения по труду, но, как отмечали Э. Андрес и Л. Галкин, «в политэкономическом смысле отношения между обществом и работниками государственных предприятий и учреждений являются в значительной и, пожалуй, в не меньшей степени, чем любые другие отношения, товарными лишь по форме, но не по существу»². Не являлись товарными в целом и отношения между государством и колхозами. Здесь мы имели дело с двумя формами одной и той же общественной собственности, отношения в пределах которой по своей внутренней природе, точно так же, как отношения между государственными предприятиями, были отношениями кооперации. На поверхности же они выступали как товарно-денежные. Однако надо иметь в виду, что «деньги, обращающиеся в социалистическом обществе, не являются деньгами в политико-экономическом смысле»³. Они выступают всеобщим эквивалентом непосредственно общественных продуктов, выражением овеществленного в них непосредственно общественного труда.

Таким образом, так называемые товарно-денежные отношения, хотя они и содержат в себе товарность как свой момент, нельзя

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 53.

² Андрес Э., Галкин Л. Хозрасчетные отношения государственных предприятий в период строительства коммунизма. М., 1968. С. 26.

³ Андрес Э. Основы теории денег социалистического общества. М., 1975. С. 55.

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 147.

было в целом считать товарными отношениями, существующими в дополнение к непосредственно общественным. И не случайно, что ни у К. Маркса, ни у Ф. Энгельса, ни у В.И. Ленина такой термин не встречается применительно к товарным отношениям. Тут же, то есть при социализме, речь могла идти лишь об особой разновидности непосредственно общественных отношений — непосредственно общественных отношениях, выступающих в товарно-денежных формах. За такими отношениями, непосредственно общественными в целом по содержанию и товарными по внешней видимости, и закрепился термин «товарно-денежные отношения». В Программе уже умиравшей КПСС (новая редакция) и то еще подчеркивалась необходимость «полнее использовать товарно-денежные отношения в соответствии с присущим им при социализме новым содержанием»⁴. Но их продолжали использовать противоположным образом, поэтому их новое непосредственно общественное содержание ослабевало, а товарность как их отрицательный момент усиливалась.

Считать товарно-денежные отношения товарными, что было характерно для так называемых экономистов-товарников, представителей ревизионистской концепции рыночного социализма, означало представлять себе экономику социализма соединением двух противоположных укладов, в одном из которых должны были бы действовать непосредственно общественные отношения, управляемые планом на основе закона потребительной стоимости, в другом — товарные, регулируемые рынком, законом стоимости. Подобное понимание социалистической экономики наиболее яркое воплощение получило в схеме теоретиков «рыночного социализма», пытавшихся совместить план и рынок и не отдававших себе отчета в том, что намечавшееся ими «будущее» социализма списано с прошлого, с переходного периода, в котором господствовала стихия рынка и плановые методы еще не подчинили себе рынок и тем самым еще не упразднили его. Отмежеваться от ревизионистской концепции «рыночного социализма» можно было только при условии понимания товарно-денежных отношений как непосредственно общественных отношений, но содержащих в себе свою противоположность, адекватную их товарно-денежным формам.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 40.

² Там же.

В то же время подобное понимание в принципе позволяло «преодолеть и предубеждение относительно товарно-денежных отношений...»¹. Все дело в таком применении данных отношений, при котором усиливалось бы новое, непосредственно общественное содержание экономики и ослаблялась товарность как отрицательный момент. Обеспечивать же «здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе...»², использование их в интересах укрепления и развития социализма после экономической реформы 1965 г. не удавалось, ибо приоритет был отдан противоположной тенденции.

Чтобы понять диалектическую суть постановки вопроса об использовании товарно-денежных отношений, надо было в то же время расстаться с поверхностными представлениями о том, что в старых товарно-денежных формах проявляет себя только новое, непосредственно общественное содержание, а старое, товарное, стоимостное полностью изжито. Нельзя было не видеть за этими формами и товарности как содержательного негативного момента, характерного для производственных отношений низшей фазы коммунизма. Однако неверно было бы полагать, что старое содержание проявляется только в старой форме, что отпечаток товарности несли на себе лишь некоторые отношения социализма, а другие его отношения, будучи социалистическими, от всех следов товарности были абсолютно свободны. Не был свободен от следов товарности и социалистический непосредственно общественный продукт. И хотя эти следы старого содержания не определяли целое, они не могли не проявляться в любой форме, как в старой, так и в новой.

Отнюдь не случайно, что товарность в нашей экономике проявила себя не только в погоне предприятий за ростом стоимостных показателей, но и в ориентации их на «вал» в натуре без учета конкретных требований общественных интересов к структуре и качеству выпускаемой продукции. Продукция плодоовощной консервной промышленности, например, за 1965–1980 гг. увеличилась в два с лишним раза. Однако рос только так называемый вал, то есть общий выпуск плодоовощной консервной продукции в миллионах условных банок. Что же касается ряда (как раз наиболее дефицитных) видов ее, то выработки их систематически сокращались. В частности, в Молдавии при бурном росте производства томатной пасты и яблочного пюре из года в год снижались

¹ Поздний Е. Странный дефицит или миллионы условных банок // Труд. 1980. 30 окт.

объемы заготовки черешни, вишни, абрикосов, персиков. «Большинство хозяйств, располагавших ранее значительными площадями этих насаждений, постепенно их выкорчевали, заменив яблоневыми садами. Почти полностью исчезли смородина, малина, клубника»¹.

Поскольку непосредственно общественный характер социалистического производства выражает себя в планомерном подчинении производства общественным экономическим интересам, противоположность между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью выступила и как противоположность между планомерностью и товарностью. Эта противоположность присутствует как в старой, товарно-денежной, так и в новой, непосредственно общественной форме. И никакие показатели — ни натуральные, ни тем более стоимостные — не могут сами по себе исключить полностью проявления товарности: если из средства осуществления общественных интересов они превращались в самоцель, то действия производителей, сориентированных на их выполнение, вступали в противоречие с общей целью социалистического производства.

Вместо того, чтобы начать применять потребительностоимостные критерии оценки, *во-первых*, техники и, *во-вторых*, работников, исходя из того, какую экономию труда у потребителей дает переход к новой технике или к использованию более квалифицированных работников, вместо того, чтобы, *в третьих*, и в оценке предприятий, производящих предметы потребления, начать использовать потребительностоимостной критерий суммы снижения цен на производимую продукцию, характеризующий экономию у потребителей, административным путем был осуществлен переход от показателя снижения себестоимости к показателям прибыли и рентабельности.

Различие рассматриваемых групп производственных отношений социализма состоит не в том, что в старой форме присутствует товарность, а в новой ее нет совершенно, а в том, что старая форма более соответствовала этому отрицательному моменту социалистического производства и в ней он сильнее себя проявлял. Когда на первый план в оценке деятельности предприятий после экономической реформы 1965 г. выдвинулись стоимостные показатели, на чем настаивали товарники, товарность усилилась, что повело к усилению действия негативных тенденций в социально-экономическом развитии и ослаблению социализма.

¹ Лирмян Р. Оправданию не подлежит // Коммунист. 1985. № 8. С. 113.

Летом 1965 г. в «Правде» вышла статья члена-корреспондента АН СССР Л.А. Леонтьева, пропагандировавшая ориентацию предприятий на прибыль, затем как бы от практиков выступил в поддержку этой идеи директор ленинградского Станкостроительного объединения им. Свердлова Г.А. Кулагин, затем «Правдой» была опубликована явно заказная статья харьковского экономиста-товарника, хрущевско-го протеже Е.Г. Либермана, яро агитировавшего за ориентацию на прибыль и, таким образом, как бы была проведена «дискуссия» в поддержку товарной концепции намечавшейся экономической реформы 1965 г., открывшей дорогу разрушению социалистического хозяйства¹.

Из сказанного нельзя, однако, делать вывод, что товарность, являясь противоположностью социалистического непосредственно общественного производства, рождала только негативные результаты. Раз этот момент находился в противоречивом единстве с сущностью социалистического производства, он также мог быть использован для развития социализма и, следовательно, для ослабления себя самого. Для удовлетворения общественных интересов должно было быть использовано и стремление посредством их осуществления удовлетворить какие-то особые интересы, что составляло задачу организации материального стимулирования. Но надо, чтобы это было действительно использованием товарности для развития социализма, а не использованием социализма для развития товарности и обогащения отдельных лиц или коллективов. С учетом этого должен был решаться и вопрос о применении товарно-денежных отношений.

Даже М.С. Горбачев, до провозглашения своей антисоциалистической перестройки, вынужден был озвучивать такое мнение: «У нас немало и обоснованно говорят о необходимости более полной реализации возможностей и преимуществ социалистической системы хозяйства в современных условиях. Но бывает и так, что перспективу повышения темпов развития экономики и роста ее эффективности ставят лишь в зависимость от развития товарно-денежных отношений. Что можно сказать по этому поводу? Да, товарно-денежные отношения присущи социализму. Их инструменты широко применяются в социалистической экономике. И важно научиться еще лучше использовать эти инструменты, не забывая, разумеется, о том, что при социализме изменяются их природа и назначение. Для этого требуются серьезные научные рекомендации в части применения в нынешних условиях таких экономических рычагов, как цена, себестоимость, прибыль, кредит и некоторые другие.

¹ Горбачев М.С. Живое творчество народа. М., 1984. С. 15.

Вместе с тем сведение задачи более полного использования потенциальных возможностей социалистической системы хозяйства только к этому означало бы принижение таких коренных принципов и преимуществ социализма, как плановый характер нашей экономики, приоритет социальных целей экономического развития, возможность его сознательной оптимизации для осуществления глубоких качественных сдвигов в производстве в интересах общества»¹.

Непосредственно общественное производство и товарность при социализме находились в единстве как противоположности. Но поскольку товарность — это отрицательный момент непосредственно общественного производства, постольку непосредственно общественное производство и товарность были противоположны в рамках одной социалистической сущности. Мы имели единство противоположных сторон, каждая из которых содержала в себе другую сторону как свое отрицание в себе самой, как свой собственный момент. В силу этого взаимопроникновения каждая сторона рассматриваемой противоположности непосредственно общественного характера производства и товарности сама была противоположностью. Мы имели, следовательно, единство взаимоисключающих противоположностей — противоречие.

Имевшее место при социализме в СССР противоречие непосредственно общественной природы социализма и товарности после завершения переходного периода и до периода капиталистической реставрации неправильно было бы понимать как противоречие двух сущностей, одна из которых отождествлялась бы с непосредственно общественными отношениями, а другая — с товарными. Одному способу производства соответствует одна сущность. Социализм не является особым способом производства. Это лишь низшая фаза коммунистического способа производства, непосредственно общественного по своей сущности. В социалистическом непосредственно общественном производстве все отношения — непосредственно общественные, и все содержат в себе свое отрицание, товарность. Противоречие между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью присутствовало в каждом производственном отношении.

Не отражало фактического положения вещей и отстаивавшееся московским экономистом Н.И. Шехетом представление о том, что социалистическое производство в СССР было как бы двуслойно: нижний, более глубокий слой — непосредственно общественный, а верхний — товарный. При таком понимании непосредственно общественной сущ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 321.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

ности производства она оказывалась вещью-в-себе, оторванной от поверхности явлений, а действительной сущностью оказывалась сущность товарная, и даже удвоения сущности не происходило. На самом же деле непосредственно общественная сущность социалистического производства являлась, а товарность не только являлась, но и была в сущности как ее противоположность. Материалистическая диалектика учит, что не может не быть в сущности того, что есть в явлении, ибо что есть в явлении, то есть и в сущности. Товарность противоположна сущности непосредственно общественного социалистического производства в ней самой. Это — характеристика социализма как незрелого, неполного, неразвитого коммунизма. Про непосредственно общественный характер производства и товарность социалистического производства в СССР можно было сказать, что это «противоположные определения одной и той же сущности»¹, непосредственно общественной, потребительстоимостной сущности социализма. Для правильного выражения данной сущности нужна именно диалектика, которая, по выражению В.И. Ленина, «есть изучение противоречия в самой сущности предметов...»². Недостаточное изучение диалектики советскими экономистами ослабляло их позиции в борьбе с ревизионистами-товарниками.

Поскольку «закон» и «сущность» — категории однопорядковые, постольку наличие товарности в сущности непосредственно общественного производства на первой стадии его развития не могло не накладывать своего отпечатка и на действие законов этого производства.

Противоречие между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью проявляло себя в СССР в том, что, хотя цель социалистического производства потребительстоимостная — обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества, одним из побудительных мотивов деятельности предприятий выступало повышение величины тех показателей их работы, с ростом которых был связан рост материального поощрения.

Это противоречие отражалось и в характере труда при социализме. Непосредственно общественный в целом труд при социализме не был только трудом на общее благо, без всякой другой определенности. Он содержал в себе и иной, противоположный общей направленности социалистического непосредственно общественного труда момент — момент труда с целью вознаграждения.

Являясь противоречием объективной экономической действительности, противоречие между непосредственно общественным ха-

рактором социалистического производства и товарностью отражалось и в советской экономической науке. Причем при решении вопроса о характере социалистического производства обычно сталкивались односторонности двух видов.

Первая из них представляла собой подчеркивание непосредственно общественной природы социализма без указания на существование противоположного момента. По существу эта односторонность не являлась ошибочной, если, будучи непосредственным выражением определенности социалистического производства как целого, выступала логически необходимой ступенью в познании противоречия между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью.

Вторая односторонность состояла в стремлении к тому, чтобы товарность, являющаяся моментом социалистического производства, противоположным его сущности в самой этой сущности, возвести в ранг целого, объявив социалистическое производство в СССР типом товарного производства, или, что то же, производством, имеющим товарный характер. Эта односторонность рисовала картину, прямо противоположную действительности, и являлась поэтому не просто ошибкой. Эта точка зрения была не просто заблуждением. Хотя противоположным образом она отражала реальный момент социалистической действительности, подчеркивая то, что нередко упускали из виду некоторые экономисты, но она толкала к усилению товарности, подрыву непосредственно общественного характера социалистического производства и возвращению в переходный период, где вновь возникало противоречие двух сущностей, но с тенденцией уничтожения непосредственно общественной сущности и абсолютного возобладания товарной.

Истинную картину давали лишь те экономисты, которые в теории отражали не только противоположные стороны противоречия между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью, а движение всего противоречия в целом, рассматривая его как единство и борьбу противоположностей. Тогда его стороны, взятые в борьбе друг с другом, полагали друг друга как взаимоисключающие. Победить должна лишь одна из сторон. Поскольку победила товарность, произошла реставрация капитализма.

Противоречие между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью конкретизирует противоречие между коммунистической природой социализма и отри-

цанием его в себе. Разрешение противоречия между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью было поэтому одновременно и разрешением всеобщего противоречия развития социализма как первой фазы коммунизма, как противоречия между коммунистической природой социализма и его отрицанием, связанным с выхождением из капитализма. От того, как разрешалось это противоречие, зависело, пойдет ли СССР по линии развития социализма в полный коммунизм или, сориентировавшись на рынок, перестанет быть социалистической страной и распадется.

3. Дискуссия о разрешении противоречия между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью в СССР

Положение о том, что во всяком противоречии единство его сторон относительно, а борьба противоположностей абсолютна, является всеобщим, а потому оно верно и применительно к существовавшему в СССР противоречию между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью. «В экономической литературе, — писал А.И. Кашенко, — иногда переоценивается значение единства противоречивых сторон реальной действительности, что ведет к превращению противоположных сторон явлений в непосредственное их тождество. Нередко формулу материалистической диалектики о единстве и борьбе противоположностей заменяют тезисом об их «органическом единстве». На практике это приводило к дезориентации хозяйственных руководителей, которые привыкали к «лакировке» действительности, вследствие чего не могли разобраться в жизненных противоречиях. Нельзя было соглашаться с тем, что ввиду растущей социальной общности при социализме момент единства противоположностей приобретает абсолютную силу. «Даже в этих условиях единство противоположностей различных сторон общественного продукта остается временным, преходящим, относительным, тогда как их борьба абсолютна, поскольку абсолютно движение и развитие»¹.

¹ Кашенко А.И. Методология анализа противоречий в развитии общественной формы продукта при социализме // Непосредственно общественный продукт и механизм социалистического хозяйствования / Под ред. А.И. Кашенко. Ярославль, 1982. С. 7.

Из борьбы основанного на законе потребительной стоимости непосредственно общественного социалистического производства с товарностью вытекала позитивная тенденция усиления непосредственно общественного потребительностоимостного характера производства и ослабления товарности. Из борьбы товарности с непосредственно общественным характером социалистического производства следовала тенденция, противоположная первой, т.е. тенденция ослабления непосредственно общественной природы социализма и усиления товарности.

Указанные тенденции были потенциально неравносильны ввиду неравноценности сторон противоречия, с борьбой которых они связаны. Поскольку социалистическое непосредственно общественное производство — это было развивающееся под воздействием развития производительных сил целое, а товарность была лишь его противоположным моментом, постольку генеральной тенденцией являлась тенденция к ослаблению товарности и усилению непосредственно общественной потребительностоимостной природы социализма. Эта тенденция основой своей имела неуклонный рост общественного характера производства. С ней были связаны развитие социализма и перерастание его в полный коммунизм.

Из наличия двух противоположных тенденций следовало в то же время, что действительное историческое движение социалистического производства являлось не выражением только одной какой-либо тенденции, а результатом борьбы двух противоположных тенденций, равнодействующей сил, их поддерживающих. Действиям, вытекающим из непосредственно общественного характера производства и направленным на его усиление, противостояли действия, направленные на усиление товарности и объективно тормозящие процесс развития непосредственно общественной потребительностоимостной природы социализма или обращающие этот процесс вспять.

Поскольку непосредственно общественное производство состояло в планомерном подчинении его общественным интересам, закону потребительной стоимости, постольку усиление непосредственно общественной природы социализма выражалось во все более полном и последовательном проведении общественных интересов в жизнь, во все более широкое применение потребительностоимостных критериев. Противоположная тенденция выражалась в ослаблении или подрыве

¹ Игнатовский П. Технический прогресс и социалистическое производство: политэкономический анализ // Плановое хозяйство. 1985. № 3. С. 84.

этого планомерного подчинения, в возрастании числа нарушений общественных интересов и отступлений от них, в игнорировании закона потребительной стоимости как основного закона социализма, в подмене потребительностоимостных критериев стоимостными.

Именно тенденцией к усилению товарности, которая при имевшемся уровне развития производительных сил пока еще была объективно обусловлена, и активностью ее носителей в экономической науке и хозяйственной практике объясняется целый ряд наших хозяйственных затруднений. Речь идет, в частности, о тех явлениях, когда в денежном, стоимостном исчислении отмечался значительный рост, а должного прироста производительности труда и, соответственно, удешевления продукции не происходило. Причем это относилось и к отраслям, определяющим техническое развитие производства. Возможность наращивать стоимостные величины без совершенствования техники и технологии производства по критерию экономии труда у потребителей не только сдерживала технический прогресс, но и резко ослабляла всякие стимулы его, включая мобилизующую функцию плана. П. Игнатовский отмечал, что «прежде всего по этой причине сдвиги в технологическом совершенствовании производства еще не стали всеобщими, существенными для народного хозяйства в целом и отдельных отраслей, не достигнуто крутого поворота в повышении производительности труда, экономии материальных ресурсов, наращивании экономической эффективности общественного труда»¹. Это еще раз подтверждало правильность сделанного ранее П. Игнатовским вывода: «...решая вопросы по оздоровлению политической обстановки в низовых звеньях народного хозяйства, следует иметь в виду, что, пока на предприятиях не преодолено сведение экономики преимущественно к стоимостным результатам и оценкам, политика в хозяйствовании, хотим мы того или не хотим, отстает перед напором денежного оборота, денежного интереса...»¹.

Дело здесь, однако, было не только в денежных, стоимостных измерителях как таковых, а в выдвигании их на первый план, превращении их в самоцель при игнорировании потребительностоимостных критериев, тогда как использование товарно-денежных отношений, развивающее непосредственно общественный характер производства и ослабляющее товарность, предполагало, что денежные измерители будут

¹ Игнатовский П. О политическом подходе к экономике // Коммунист. 1983. № 12. С. 67.

служить лишь средством для осуществления общественных интересов и решения потребительностоимостных проблем. Дело в имевших место попытках отдельных лиц или коллективов поставить выше интересов общества интересы увеличения своего дохода (с какими бы показателями оно ни было связано), то есть утвердить приоритет не всеобщих, общественных, а каких-либо особенных интересов. Такие попытки и порождали тенденцию к усилению товарности и ослаблению непосредственно общественного характера социалистического производства как тенденцию, противоположную перерастанию социализма в полный коммунизм. Генеральная же тенденция к усилению непосредственно общественной потребительностоимостной природы социализма и ослаблению товарности может быть осуществлена лишь благодаря тому, что в тех случаях, когда действия, порожденные общественными и иными интересами, приходят друг с другом в противоречие, это противоречие разрешается не за счет ущемления общественных интересов, а посредством их первоочередного осуществления, не за счет выставления стоимостных критериев, а путем перевода всей планоуправленческой деятельности на потребительностоимостную основу.

Вопрос о том, какая тенденция будет брать верх, был, следовательно, вопросом о том, приоритет каких интересов — общественных или каких-либо иных — будет осуществляться, станет ли на основе приоритета общественных экономических интересов укрепляться диалектическое единство общественных, коллективных и личных интересов или оно начнет ослабевать вследствие попыток утвердить приоритет не общественных, а каких-либо иных интересов, и, соответственно, подменить потребительностоимостные критерии стоимостными.

Борьба за разрешение противоречия между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью по линии усиления непосредственно общественного характера производства и ослабления товарности состояла, таким образом, в осуществлении приоритета общественных интересов и потребительностоимостных начал во всей хозяйственной жизни. В этом прежде всего более конкретно выражалась борьба за перерастание социализма в полный коммунизм.

¹ Давидович В. Советское общество: единство в многообразии // Правда. 1986. 12 сентября.

² Покрытан А., Лапин В. Теория воспроизводства общественного продукта и вопросы совершенствования хозяйственного механизма // Плановое хозяйство. 1984. № 8. С. 108.

Обеспечение на основе закона потребительной стоимости приоритета общественных интересов как выражающих главное содержание личных интересов всех членов общества тождественно обеспечению реального функционирования общественной собственности и ее дальнейшего развития. Приоритет иных интересов и, соответственно, стоимостных критериев над потребительностоимостными означал ослабление и подрыв общественной собственности.

Вопрос о приоритете интересов, разумеется, мог вставать только потому, что в рамках единства, существующего в первой фазе коммунизма, сохранялись еще и различия в интересах. В силу этого «там, где частные устремления, даже законные и оправданные, начинают довлеть над общими интересами, там возникает угроза единству действий, общественной целостности»¹. Например, «когда отношения хозяйственной самостоятельности приобретают самодовлеющий характер, интересы всего общественного производства отодвигаются на задний план, что фактически равнозначно превращению отдельных предприятий в групповых собственников»², то есть переходу к товарному хозяйству, управляемому законом стоимости.

Неравноценность, неравносильность двух противоположных тенденций (одной — к ослаблению, другой — к усилению товарности), определяющую роль тенденции к усилению непосредственно общественного характера и потребительностоимостной природы социалистического производства не следует понимать в том смысле, что приоритет общественных интересов и примат потребительной стоимости могли осуществляться автоматически, сами собой, без борьбы. Нельзя понимать дело и таким образом, что борьба за приоритет общественных интересов, выражающих коренные интересы каждой социалистической личности, при всех условиях и всегда должна была быть победоносной. Это было бы упрощением. Однако потенциально силы противоположных тенденций были не равны. Поэтому, если бы борьба за усиление непосредственно общественной природы социализма, за приоритет общественных интересов развертывалась в полную силу и с использованием всех возможностей и преимуществ, данных социалистическим строем, тенденция к усилению непосредственно общественной природы социализма и ослаблению товарности на основе развития закона потреби-

¹ Жданов Ю. Исторические судьбы общественных антагонизмов // Коммунист. 1984. № 1. С. 85.

² Ципко А.С. Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983. С. 170.

тельной стоимости непременно брала бы верх. Только при этом условии «попытки отдельных лиц или групп утвердить свои интересы в ущерб общественным безнадежны и исторически обречены; в конечном итоге они неизбежно будут искоренены и подавлены как чуждые глубинной сущности социалистических отношений»¹.

Самоотверженный труд советских людей явился прямым порождением и выражением непосредственно общественной природы социализма. Выработывавшаяся у все большей части населения привычка ставить общественные интересы выше личных никак не была похожа поэтому на придуманное некоторыми теоретиками «стремление людей в массе своей к личной выгоде»². Если бы было так, как писал А.С. Ципко, то построение справедливого общества было бы вообще неосуществимо. На место энергии коммунистического созидания пришло бы тогда полное безразличие к делам общества. Опосредствование удовлетворения личных интересов удовлетворением общественных, выражающих передовое в личных интересах, делало трудящихся материально заинтересованными во всем ходе социалистического (коммунистического) строительства.

Эту задачу следовало понимать с учетом того, что общественные интересы — не какие-то надличностные интересы. Они тоже являются личными, но такими личными, следование которым обеспечивает наивысший общественный прогресс, общее благо всех членов общества, каждой социалистической личности, с учетом всех ее потребностей. Если будет обеспечена реализация общественных интересов, то будут созданы условия и для свободного развития каждой индивидуальности, каждой личности. Обратное неверно, и И.В. Сталин вполне доказал это в свое время в полемике с анархистами, провозглашавшими, что «личность превыше всего» и что, освободив личность, мы-де освободим и массу. Побеждала марксистская точка зрения, состоящая в том, что «масса превыше всего» и что, освободив массу, мы сделаем свободной и каждую личность.

Ослабление приоритета общественных интересов, задержка с введением и применением потребительностоимостных критериев вели к усилению товарности, стремлению рассматривать развитие личности трудящегося не более как средство для роста личной собственности. Истинная же забота о всестороннем развитии личности

¹ Горбачев М.С. Живое творчество народа. С. 16.

каждого члена общества без исключения предполагает приоритет общественных экономических интересов как экономическое условие реализации этой задачи.

Иногда, совершенно справедливо говоря о необходимости сочетания общественных, коллективных и личных интересов, далеко не отдельные граждане пытались тем не менее поставить под сомнение приоритет общественных интересов. Но ведь при социализме, как уже говорилось, имелись неантагонистические противоречия между общественными и коллективными, общественными и личными интересами, и они не могли себя не проявлять. В силу наличия этих противоречий вопрос стоял только так: либо приоритет личных (коллективных), либо приоритет общественных интересов. По тем вопросам развития хозяйства, которые в силу единства интересов решаются одинаково, какой бы из перечисленных интересов ни был поставлен во главу угла, проблема приоритета, разумеется, не возникала. Она возникала лишь тогда, когда требования, вытекающие из общественных, коллективных и личных интересов, не совпадали. В этих случаях неизбежно приходилось решать вопрос о том, каким же интересам отдать предпочтение, первенство, приоритет. Характер собственности на средства производства определял приоритетность интересов — во главу угла в условиях общественной собственности должны были ставиться общественные интересы. На словах и М.С. Горбачев, разрушавший систему осуществления приоритета общественных интересов, признавал, что система интересов является социалистической, когда «осуществляется их координация и субординация на базе коренных интересов народа»¹.

Другими словами, мало было говорить о сочетании интересов или о правильном их сочетании. Надо было отдавать отчет в том, какое же их сочетание является правильным, т.е. соответствует природе социализма и задаче усиления непосредственно общественного характера социалистического производства. Активизация, гармонизация, оптимизация, согласование специфических интересов социальных групп, коллективов, личностей должно было осуществляться на основе приоритета общественных интересов.

¹ Енукидзе Г. Непременное условие утверждения коллективистской морали и социалистического образа жизни // Коммунист. 1980. № 15. С. 78.

² Смолдырев Д.А. Роль стоимостных форм в развитии социалистической экономики. М., 1980. С. 152-153.

То, что выгодно обществу, в экономике, основанной на законе потребительной стоимости, было выгодно каждому коллективу, каждому работнику, и в этом была основа единства интересов при социализме. В то же время не все, что выгодно какому-либо члену общества или данному коллективу, было выгодно и обществу. Нередко бывало, что заработная плата работников, премии коллективам росли, а общество терпело ущерб. Так стало происходить все чаще, когда премии стали зависеть от прибыли, и предприятия с целью увеличения прибыли вместо нужных населению дешевых предметов потребления выпускали дорогие, добивались занижения планов или, наоборот, завышения цен, совершали приписки и т.д.

Благосостояние, удовлетворение нужд и интересов трудящихся были тем выше, чем энергичнее и активнее велась борьба с попытками подменить принцип первенства, приоритета общественных интересов принципом максимальной личной или узкогрупповой выгоды. Борьба эта легкой не являлась, так как «носители своекорыстных интересов способны приспособливаться и маскироваться в любых условиях и даже находить себе оправдательные мотивы»¹.

В литературе иногда задача осуществления приоритета общественных интересов по отношению к коллективным и личным интересам подменялась внешне похожей задачей «согласовать, состыковать эти интересы, найти их равнодействующую, направленную на достижение народнохозяйственного оптимума интересов»². Однако поиск равнодействующей интересов искажал суть истинной постановки проблемы. Искать «равнодействующую» интересов — значит отступить от общественных интересов, выражающих коренные интересы всех членов общества, пытаться обойти их приоритет, который в условиях социализма и означает действительный народнохозяйственный оптимум интересов. Редко, но встречались и такие случаи, когда хозяйственникам от имени экономической науки внушалась приоритетность локальных задач. П.Г. Олдак, например, писал: «Каждый регион (отрасль, производственное объединение, предприятие) стремится обеспечить первоочередность решения своих локальных проблем, что неизбежно порождает не-

¹ Олдак П.Г. Сохранение окружающей среды и развитие экономических исследований. Новосибирск, 1980. С. 31.

² Левиков А.И. Калужский вариант. М., 1980. С. 189.

обходимость определения приоритетности локальных задач»¹. Трагически ошибочным и вредным явилось хлесткое утверждение А.И. Левикова: «Нет ничего нелепее плоского утверждения, встречающегося порой, о том, что надо подчинять коллективные и личные интересы интересам общества»².

Таким образом, планомерное осуществление приоритета общественных интересов происходило в борьбе с попытками утвердить приоритет каких-либо иных интересов, причем приходилось бороться не только с отступлениями от общественных интересов на практике, но и с попытками теоретически оправдать эти отступления, превратить их в правило, в норму. Подтверждалось тем самым, что и тенденция к усилению товарности и ослаблению непосредственно общественного характера социалистического производства имела не только своих носителей, но и теоретических выразителей, способных придать борьбе за усиление товарности умышленный характер. Отсюда следовало, что для преодоления этой тенденции и осуществления тенденции к усилению непосредственно общественного характера социалистического производства борьба за приоритет общественных интересов и развитие потребительно-стоимостных основ социализма должна была быть более сознательной, более творческой, более активной, более наступательной. Только при этом условии противоречие между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью могло разрешаться по линии перерастания социализма в полный коммунизм, а не по линии реставрации капитализма. Если бы борьба за планомерное осуществление приоритета общественных интересов на основе закона потребительной стоимости была развернута в полную силу, то тенденция к усилению непосредственно общественного характера социалистического производства и ослаблению товарности стала бы неодолимой.

Борьба за планомерное осуществление приоритета общественных экономических интересов, в свою очередь, конечно, должна была получить свою конкретизацию. Для этого надо было выяснить, что лежит в основе единства интересов членов социалистического общества, с чем связаны различия и противоречия в интересах, какие интересы и почему выступают в качестве общественных. Тогда борьба за планомерное осуществление приоритета общественных интересов была бы предельно более содержательной.
м. об этом М.В. Попов: Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма. М.: Изд-во Ленинградского университета, 1961, отстаивавшие в дискуссиях непосредственно общественный потребительно-стоимостной характер социалистического производства, в теории одержали победу над товарниками. К чес-

Раздел IV

О товаре «рабочая сила» и эксплуатации труда

1. Отношения эксплуатации труда

Понятие эксплуатации используется во многих науках. В самом общем виде оно восходит к понятию использования, то есть извлечения полезных свойств из объекта для достижения чего-либо необходимого. В этом значении термин эксплуатация широко применяется в технике и технических науках для обозначения процесса, необходимого для получения результата труда.

В общественных науках это понятие используется применительно к общественным отношениям как критерий выделения определенного их вида. По своей природе любое общественное отношение как отношение между по крайней мере двумя социальными субъектами предполагает, что социальные субъекты удовлетворяют определенную потребность через участие в данном отношении, тем самым используя («эксплуатируя») другого социального субъекта, находящегося по другую сторону отношения. В этом смысле практически все общественные отношения предстают как отношения использования других для удовлетворения потребностей, реализации интересов, достижения целей и т.п. Использование в данном случае будет выступать как использование человеческой деятельности и ее результатов. Эксплуатация же будет выражать меру, степень этого использования, а также то, насколько данное конкретное отношение является взаимным, возмездным или безвозмездным. В этой связи термин эксплуатация носит негативный оттенок, поскольку обозначает такое использование одного общественного субъекта другим, которое, во-первых, является безвозмездным, и, во-вторых, осуществляется до такой степени, которая нарушает процесс расширенного социального воспроизводства эксплуатируемого субъекта. А коль скоро через расширенное социальное воспроизводство общественных субъектов, через их непрерывное обновление осуществляется развитие самого общества, то эксплуататорский характер обще-

ственных отношений оказывает существенное негативное влияние на процесс социально-экономического развития.

Необходимость удовлетворения потребностей является естественным законом и основным условием жизни человека и любого человеческого общества и происходит через участие в определенных общественных отношениях. В свою очередь любое общественное отношение возникает постольку, поскольку существует в нем необходимость (потребность) хотя бы у одной из сторон, участвующих в данном отношении. Общественное отношение не обязательно является взаимным, симметричным, то есть соотносящиеся в нем социальные субъекты могут вкладывать разный смысл и иметь разное трудовое участие в данном отношении, а также не принимать смысл установки и трудовой вклад своего контрагента. Тем самым понятие общественного отношения «...как таковое ничего не говорит о том, идет ли речь о «солидарности» действующих лиц или о прямо противоположном».¹ Поэтому составляющие стороны общественного отношения субъекты могут через участие в нем в разной степени удовлетворять свои потребности или же не иметь возможности их удовлетворения, но при этом обеспечивать реализацию интересов своих контрагентов.

Эксплуатация в данном случае будет характеризовать степень использования одних социальных субъектов другими. А значит, как таковая эксплуатация не образует самостоятельного, отдельного общественного отношения, а выступает характеристикой уже имеющихся общественных отношений как субстанции своего существования.

Однако не ко всем общественным отношениям может быть применено понятие эксплуатации в качестве их характеристики, а лишь к тем из них, которые складываются относительно труда и его результатов. Исторически эксплуатация возникает тогда, когда возникает основа устойчивого воспроизводства прибавочного продукта, поскольку как воспроизводственный механизм эксплуатация труда была невозможна на основе необходимого продукта, ведь изъятие хоть какой-либо части этого продукта означало бы невозможность физического воспроизводства работника. Следовательно, эксплуатация в общем и в целом характеризует общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, обмена, распределения и потребления (то есть в процессах опредмечивания и распредмечивания труда, а также опосредствующих их звеньев) и выступает как эксплуатация труда.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.630–631.

При этом она характеризует не каждое отдельное такое отношение, а взятые все вместе в своей комплексности и целостности. Тем самым понятие эксплуатации выступает характеристикой всей системы общественных отношений по производству, распределению, обмену и потреблению результатов труда, сложившейся в данном конкретном обществе на данной ступени его исторического развития.

Проблема определения границы, которая будет отделять эксплуататорские системы общественных отношений от неэксплуаторских, упирается в проблему определения меры труда и меры потребления, соответственно разные в каждом конкретном социуме. Но в любом случае в общем и целом к эксплуататорским будут относиться такие общественные системы, которые в своем функционировании реализуют безвозмездное отчуждение результатов труда одной части общества в пользу другой части общества. Такая реализация может осуществляться через различные механизмы, что лежит в основе выделения форм эксплуатации труда. Так, например, экономическая форма эксплуатации, осуществляющаяся посредством экономических механизмов, реализуется в основном через социально-экономические отношения, складывающиеся непосредственно в процессе производства.

Эксплуатация труда как характеристика общественных отношений по производству, распределению, обмену и потреблению результатов труда тесно связана с отношениями собственности, а именно со становлением частных ее форм.

Принципиальным отличительным моментом частной формы собственности от общественной выступает момент отчуждения, реализуемый как закрепление одной части общества (отсюда и название — частная), численность которой может варьироваться от одного индивида до достаточно большого количества людей (но никогда это не будет все общество в целом), за определенной долей общественного богатства в виде жизненно необходимых средств и прежде всего средств производства, и одновременно исключение другой части общества от доступа к этим средствам. Развитие форм частной собственности закрепляет возможность эксплуатации труда, когда можно стать собственником за счет чужого труда.

Процессы формирования частной собственности в недрах общественной в условиях первобытного коммунизма, которые впоследствии привели к его отрицанию, основывались на развитии общественного разделения труда как фактора, направленного на овладение силами природы,

социальной гарантии от ее прихотей. Совершенствование форм трудовой деятельности, усложнение процесса производства неизбежно влечет за собой усложнение его организации, что ведет к выделению социально разделенных видов труда, умственного и физического, производительного и непроизводительного, управленческого и исполнительского.

Закрепление за функцией производства материальных благ способно в значительной мере ограничить всестороннее развитие человека, превратив его в частичную рабочую силу. В то же время производство духовных благ требует ставить человека в качественно иные условия, когда обществом гарантируется удовлетворение его материальных потребностей с тем, чтобы, в полной мере раскрыв его личный духовный потенциал, обеспечить себе необходимый рост духовного богатства.

Понятно, что труд по производству духовных благ обеспечивает человеку лучшие условия для его личного всестороннего развития, в большей мере отвечает природе и тенденциям собственно человеческого бытия. Он становится привилегированным и порождает у людей естественное стремление любым способом закрепиться за ним на всю жизнь, обеспечив себе лучшие условия существования и развития и оставляя в удел другим опять-таки пожизненное закрепление за производством материальных благ. Такое закрепление людей за социально-экономически неоднородными видами труда и вводит отношения эксплуатации труда. «Разделение труда делает возможным, более того — действительным, что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; добиваться того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречие, возможно только путем устранения разделения труда».¹

В самом общем виде эксплуатация труда выступает как узаконенное в данном обществе безвозмездное присвоение одной его частью результатов труда другой его части. Поэтому собственность на чужой труд и его результаты выступает сущностной характеристикой отношений эксплуатации.

История учит, что само по себе экономическое соединение труда и собственности как, например, у мелкого товаропроизводителя, мелкого буржуа, не гарантирует отсутствие отношений эксплуатации, поскольку остается возможность присвоения результатов чужого труда, а именно присвоение осуществляется через распределение и перераспределение овеществленного труда после завершения процесса производства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.31.

Капиталистическое товарное производство обеспечивает меньшинству собственность на чужой труд в условиях общественного производства — происходит преобразование трудовой частной собственности в частную капиталистическую собственность. Разрыв, разединение труда и собственности через утрату работником своих средств производства, когда он становится лишь собственником своей способности к труду, с одной стороны, и с другой — появление субъектов, имеющих возможность и необходимость покупки товара «рабочая сила», предоставляет широкие возможности для эксплуатации чужого труда через экономические механизмы функционирования рынка. Сам же рынок удваивается: с одной стороны, существует рынок продуктов труда, с другой — рынок рабочей силы. Тем самым эксплуатация труда принимает экономическую форму, которая скрывает ее под маской «эквивалентного» обмена между капиталистом и наемным работником при купле-продаже рабочей силы. Присвоение чужого неоплаченного труда осуществляется здесь непосредственно в самом процессе производства, когда процесс производства есть одновременно и процесс эксплуатации труда.

Нетоварное, потребительственно-стоимостное производство социалистического общества предполагает соединение не единичного, а уже общественного работника со средствами производства, то есть вновь соединение труда и собственности. Попытное движение к рынку приводит к разложению социализма, превращению рабочей силы вновь в товар, а общества — в эксплуататорское, что и демонстрирует опыт современной истории России.

Эксплуатация своими корнями уходит в социальное неравенство, которое, в свою очередь, основывается на социальной дифференциации. Однако не всякое неравенство выступает основой реализации эксплуатации труда. Так, в первобытном обществе индивиды в силу существования естественного, половозрастного разделения труда занимали неодинаковое, неравное положение в данной конкретной общности. Между тем отношения эксплуатации труда отсутствовали. В данном случае решающую роль играет основание, по которому осуществляется социальное неравенство. В первобытнообщинном обществе несмотря на существование естественного разделения труда и соответствующее ему разное положение в системе разделения труда, во-первых, реализуется одинаковое отношение всех членов общности к главному средству производства — земле. Во-вторых, наличие прибавочного продукта носит случайный характер, относительно независимый от количества и каче-

ства труда, затраченного на его получение. Поэтому там не существует социального неравенства относительно доступа к основному средству производства (земле) и распределения (получения своей доли) прибавочного продукта.

Эксплуатация труда исторически возникает лишь на определенном этапе развития человеческого общества, а именно с появлением прибавочного продукта, и является своего рода результатом этого развития. Впоследствии достигнутый уровень развития производительных сил создает основу устойчивого воспроизводства общественного прибавочного продукта, но объем этого продукта еще недостаточен для удовлетворения потребностей и для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития способностей всех членов общества. Поэтому отношения эксплуатации труда обеспечивают улучшение общественного положения одних членов общества за счет других его членов.

Усложнение процесса производства и его организации потребовало разделения труда на управленческий и исполнительский, а появление прибавочного продукта дало возможность выделения отдельного социального слоя, занимающегося через механизмы политической власти организацией общественной жизнедеятельности, что позволило обществу более эффективно противостоять силам природы, успешнее отражать агрессию соседей и самим нападать на них (происходило поглощение более слабых, то есть менее организованных), при этом политическая власть обеспечивала закрепление отношений эксплуатации труда.

Свое окончательное оформление политическая власть получает через социальный институт государства как высшей формы организации, которая одновременно выступает как главный элемент любой политической системы. Становление классов с присутствующими им антагонистическими интересами требует регулирования общественных отношений и разрешения социальных противоречий в масштабах всего общества, что становится обязательным условием существования самого общества как единого социального образования. Поскольку государственный аппарат был представлен привилегированными классами (в чью пользу происходило безвозмездное отчуждение результатов труда), то посредством социального регулирования обеспечивалось господство этих групп над всеми остальными членами общества.

Государственная власть разрешает в интересах правящего класса противоречия интересов социальных групп по поводу распределения общественного богатства.

Противоречия между этими интересами разрешаются не столько на основе взаимочета, сколько на основе подавления и игнорирования одной из сторон. Эксплуатация в данном случае характеризует такое разрешение противоречий, которое реализует распределение общественного богатства в пользу немногочисленных групп в ущерб общественным интересам и интересам больших групп населения, тормозит развитие общественного характера труда, который входит в противоречие с частным, нетрудовым характером присвоения его результатов.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, эксплуатация труда возникает по поводу прибавочного продукта, хотя впоследствии ее степень может затрагивать и распределение необходимого продукта. Она представляет собой не отдельное общественное отношение, а является характеристикой общественных отношений по производству, распределению, обмену и потреблению в условиях разделения труда и прежде всего социального разделения труда на умственный и физический, производительный и непроизводительный, управленческий и исполнительский. Поэтому эксплуатация труда закрепляется посредством частной формы собственности и связана с ее функционированием.

Во-вторых, эксплуатация труда всегда предполагает существование политической власти для своего закрепления. Даже экономическая форма эксплуатации труда подкрепляется соответствующими механизмами политической власти.

В-третьих, поскольку окончательное оформление политической власти получает через социальный институт государства, постольку завоевание рабочим классом государственной власти и соответствующая государственная политика становятся определяющими при формировании социальных условий преодоления эксплуатации труда.

В-четвертых, объективной основой преодоления эксплуатации труда выступает становление непосредственно общественного характера труда, реализуемого посредством общественных форм организации трудовой деятельности.

¹ Веселов Ю.В., Мацукова Т.К. Экономическая социология. СПб., 1997. С.77.

Первобытнообщинное состояние общества выступает исходной ступенью развития человечества. Экономика как сферы, основанной на денежном обмене, в таких обществах не существует. Однако экономика как социальная система материального обеспечения жизнедеятельности существует в любом обществе, в том числе и первобытнообщинном.¹

Известна историческая тенденция постепенного перехода от биологической зависимости от стихийно протекающих природных процессов к зависимости социальной, гарантирующей в то же время защиту от капризов природы. Дело в том, что от природной нестабильности человеческое сообщество могло защититься только посредством совершенствования орудий труда, трудовых приемов и навыков, что повышало результативность трудовой деятельности. В то же время усложнение технической стороны труда вело к изменениям в социально-экономической стороне труда, изменениям в его организации и прежде всего к появлению общественного разделения труда и его дальнейшему развитию. Поэтому развитие трудовых отношений и, соответственно, основанных на них общественных отношений выступает предпосылкой становления эксплуатации труда.

В первобытнообщинном обществе как исходной ступени развития человечества большую роль наряду с социальными играют биологические отношения. Однако последние не определяют характер общественных отношений, они лишь задают рамки, форму существования сообщества как племени. Характер общественных отношений складывается на основе отношений между производителями по поводу средств производства и потребления.

Первобытнообщинное общество располагает еще минимальным накопленным потенциалом общественного труда, поэтому круг производительно используемых сил природы ограничивается биологическими процессами, в которые вовлечен человек, исходя из своей живой природы. В собирательстве, охоте, рыболовстве, земледелии и животноводстве основу производства составляет естественный процесс воспроизводства природой самой себя, то есть кругооборот веществ, совершающийся прежде всего на биологическом уровне. Этот внешний по отношению к человеку процесс

¹ Кузьминов Я.И. Основное отношение первобытнообщинного способа производства. М., 1984. С.10–11.

естественного воспроизводства всегда дополняется его собственной производительной деятельностью.¹

Доминирование природных условий производства выражается, во-первых, в ограниченности количества производимого продукта естественной производительностью данной территории. Во-вторых, протекающие независимо от человека природные процессы, на которых основано производство, обуславливают относительную независимость между затратами труда и его результатом (большую роль здесь играет удача, благоприятные или неблагоприятные природные условия и т.п.). Это означает, что производитель в разные моменты времени получает то меньше, то больше продукта, необходимого для своего воспроизводства. Поэтому в данных условиях для воспроизводства всех производителей становится необходимым механизм социальной компенсации природной случайности в сфере производства. Для каждого производителя в отдельности естественные предпосылки производства оказываются недостаточными для его выживания, то есть воспроизводства. Поэтому необходимым условием воспроизводства производителей выступают отношения между ними по поводу производства, вне зависимости от того, какую форму труда — индивидуальную или коллективную — диктуют природные условия данной территории, а сама община представляет собой необходимое условие выживания каждого отдельного индивида, поскольку воспроизвести себя он может только через коллектив общины, способной уравновесить постоянные колебания результатов труда отдельных производителей.

Низкая производительность труда, доставляющая как правило только необходимый продукт и лишь случайно прибавочный, требовала практически поголовного участия всех общинников в добывании (производстве) пищи, то есть строй первобытно-общинного коммунизма предполагает всеобщность труда прежде всего в главном — пищевом производстве. Следовательно, труд здесь являлся экономически однородным. Экономическая однородность труда общинников при естественном (поло-возрастном и личном) их неравенстве предполагает одинаковое, то есть равное, отношение к природным условиям и предпосылкам производства и прежде всего к земле. Поэтому страховочный обмен продуктами внутри общины выступает как обмен однородной деятельностью, при котором общинники находятся в равном друг к другу положе-

нии, поскольку затраты и результаты их труда и потребности в принципе одинаковы. В итоге ни один общинник не выигрывает за счет других.

Так как только община служит социальной гарантией выживания любого общинника в отдельности, то каждый из них объективно заинтересован в воспроизводстве со-общинников так же, как и в своем собственном, поэтому индивидуальный интерес здесь совпадает с общественным в силу объективных условий производственных отношений. Поэтому даже при отсутствии реального контроля со стороны общинников глава общины не может распорядиться вверенным ему продуктом таким образом, чтобы выиграть лично в ущерб общине, ведь наилучшим способом реализации его индивидуального интереса, как и интереса всех других общинников, является способ обеспечения интереса общины.¹

Отсюда для первобытнообщинного общества характерно уравнительное распределение, хотя абсолютной уравнительности не существовало: наиболее производительные работники имели определенные привилегии, однако эти привилегии ограничивались необходимостью поддержания жизни каждого члена общины. Уравнительное распределение, тем самым, выступало необходимым условием выживания общины, в том числе и сохранения жизни для более искусных и сильных производителей, а пропорциональное несоответствие трудового вклада и доли потребления воспринималось как нормальное, справедливое явление.

Сказанное позволяет выделить основные социально-экономические условия первобытнообщинного общества, которые определяли отсутствие эксплуатации труда.

Во-первых, это отсутствие устойчивого воспроизводства прибавочного продукта (так как эксплуатация труда складывается по поводу прибавочного продукта) в условиях низкой производительности труда и господства природных процессов, являвшихся основой трудовой (присваивающей) деятельности.

Исторически более менее устойчивое воспроизводство прибавочного продукта возникает при переходе от присваивающего к производящему хозяйству, то есть к земледелию и скотоводству. На этот период приходится становление классовых обществ, поскольку эксплуатация труда как безвозмездное отчуждение прибавочного продук-

¹ Кузьминов Я.И. Основное отношение первобытнообщинного способа производства. М., 1984. С.11–17, 19.

та и возникающее на этой основе социально-экономическое неравенство требуют иной, нежели общинная, социальной организации, защищающей интересы обособившихся частных собственников.

Устойчивое (гарантированное) производство прибавочного продукта предполагало закрепление и расширенное воспроизводство его присвоения как привилегии определенных социальных групп (как правило общинной верхушки), и в конечном счете привело к разделению общества на классы.

Во-вторых, экономическая однородность труда (то есть отсутствие общественного разделения труда) в основном по добычи пищи предполагает обмен экономически однородной деятельностью при одинаковости базовых потребностей (в пище и одежде). Отсюда такой обмен имел смысл лишь в случае недостатка у кого-либо из общинников необходимого для его воспроизводства продукта. Компенсация более удачливому работнику переданной им ранее доли продукта при отсутствии у него в этом потребности не имела смысла. В силу этого обмен носил безвозмездный характер. Безвозмездная форма обмена обуславливалась также и относительной независимостью результата производства от трудового вклада. В таких обществах продукт выступал, таким образом, лишь как потребительная стоимость.

Переход от присваивающего хозяйства к земледелию и скотоводству более жестко, чем раньше, привязал затраты труда к его результатам, оставив меньше места природной случайности, а также дал толчок к развитию общественного разделения труда, снявшего экономическую однородность труда и определившего возрастающее разнообразие потребностей. Тем самым постепенно, по мере развития общественного разделения труда, стала исчезать основа безвозмездного обмена, который все более становился возмездным.

В-третьих, это совпадение индивидуального социально-экономического интереса с общественным (интересами общины) при доминировании (примате) общинного как гаранта реализации индивидуального. В этом смысле каждый общинник объективно заинтересован в выживании своих сообщинников так же, как и в своем собственном, поэтому в результате ни один из них не может выиграть за счет других.

С появлением устойчивого воспроизводства прибавочного продукта как материальной основы противопоставления частных интере-

сов общественному появились альтернативы распределения продукта в пользу тех или иных групп без ущерба для воспроизводства общины в целом и каждого общинника в отдельности. Тем самым определена возможность частного присвоения излишков. Поэтому начинается постепенное расхождение частных социально-экономических интересов и общественных. Возникает возможность выигрыша одних за счет других.

Постепенное изменение вышеуказанных условий привело к разложению первобытного общества и становлению форм эксплуатации труда при переходе к классовым обществам.

К. Маркс выделил три формы общины — азиатскую, античную и германскую.¹ Все эти три формы базируются на производящем хозяйстве и представляют собой различные этапы вызревания отношений частной собственности в рамках общественной. Соответственно во всех трех формах, объединенных на основе того, что земля как основное средство производства находится в собственности всей общины, присутствуют внеэкономические формы эксплуатации труда. В этом смысле данные формы, на наш взгляд, неправомерно ставить в один ряд с первобытной формой общины, основу которой составляет присваивающее хозяйство.

Азиатская форма является первой из трех стадий развития частнособственнических отношений внутри отношений общественной собственности. Отдельный индивид наделяется землей как основным средством производства только как член данной общины. Эта форма предполагает существование некоего единого деспотического начала, объединяющего под своей властью совокупность отдельных общин. Данное начало выступает верховным собственником всех земель, а его наличие определяется необходимостью строительства ирригационных каналов, требующего координации усилий многих общин, каковая и осуществляется через существование этого деспотического начала.

Тем самым уже самая первая, азиатская форма общины является собой достаточно сложное социально-экономическое образование с системой горизонтальных и вертикальных связей.

Горизонтальные социально-экономические связи обособленных производителей в данной форме выражены гораздо слабее верти-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.461–472.

кальных, поскольку их реализация осуществляется посредством обмена (в том числе товарного) предполагающего, в свою очередь, наличие общественного разделения труда. Между тем хотя натуральное хозяйство и не предполагает обмена внутри общины между семьями, но условие для него в виде обособленного ведения хозяйства на выделенном земельном участке уже имеется.

В условиях существования обособленных производителей на основе обособленного владения ими основным средством производства (землей) при неразвитости социально-экономических отношений обмена (натуральном хозяйстве) средством их объединения в единую общность могут выступать только вертикальные, иерархические связи, социально-экономической формой реализации которых выступало распределение. Распределение включало в себя две стороны. Во-первых, это распределение земли как основного средства производства при наделении ею отдельных семей. Во-вторых, осуществляется распределение произведенного продукта, когда каждый производитель обязан произведенный им прибавочный продукт (его размер устанавливался законодательным путем) передавать в свою общину, а она затем часть этого продукта отдает дальше, в более высокую инстанцию, элементом которой является.¹

К.Маркс отмечает два варианта реализации этой формы. Согласно первому из них азиатская форма общины складывается как собственность одного лица (деспота), стоящего во главе общины, а отдельно взятый общинник «никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единое начало общины, и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношений».²

По второму варианту азиатская форма общины (например, в виде славянской) может сложиться как демократическая, реализуя отношения общественной собственности, обеспечивающей возможность одинакового (равного) отношения всех общинников к основному средству производства (земле) как к собственности всех и каждого, а не как к собственности верховного деспота.

¹ Лигай Г.А. Собственность и распределение в экономических системах. М., 1990, с. 35–40.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, Ч. 1, с. 482.

Наличие вариантов функционирования азиатской формы общины показывает роль таких внеэкономических факторов, как политическая организация и социально-экономическая политика, которые тем самым выступают важным условием реализации сложившихся отношений собственности и возможной реализации эксплуатации труда.

Античная форма общины, в отличие от азиатской, которая представляет собой семью или семью, разросшуюся в род, имеет в своем основании город, то есть поселение, являющееся результатом социально-экономического развития. Земли, окружающие город, также были его территорией. Земля делилась между городами (общинами), но по разным причинам возникающие взаимные претензии приходилось разрешать посредством войны. Поэтому война становится важным и необходимым средством, необходимой совместной работой.

Общинная собственность здесь выступает в виде государственной. В данном случае собственность отдельного индивида по сути не является общинной собственностью, что отличает данную форму от азиатской, где отдельный индивид лишь владел землей общины как ее член. Получение земли в частную собственность в античной общине опосредуется членством в ней. Маркс подчеркивает, что община в данном случае представляет объединение свободных и равных частных собственников против внешнего мира с целью защиты, которая не может быть обеспечена отдельно каждым из них. Эту функцию реализует община как военная организация. Собственность на свой труд и его результаты выводится из собственности на земельный участок, наличие которого в свою очередь, гарантируется существованием общины, существующей за счет прибавочного труда ее членов в виде военной службы.

Античная форма общины также имеет варианты реализации в зависимости от конкретно-исторических условий. Так, выделяются демократический и олигархический варианты, главной отличительной чертой которых служит исторически сложившийся характер рабовладения. В олигархических общинах (полисах) превалировала эксплуатация рабов в сельском хозяйстве, а рабами становилось местное, некогда покоренное завоевателями население. При демократическом варианте труд в сельском хозяйстве оставался привилегией свободных граждан, то есть крестьян, отстаивших свою свободу в ходе соци-

¹ Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / Под ред. Г.Л.Курбатова, Э.Д.Фролова, И.Я.Фроянова. Л., 1986. С.19–20.

альных смут, а рабство было распространено в городских промыслах. Причем здесь пользовались покупными рабами, ввозимыми из-за границы, а не из числа своих соплеменников.¹

Основное различие между азиатской (или восточной) и античной формами общины заключается в том, что в азиатской форме собственность выступает как общественная, хотя с элементами частной, поскольку уже существуют горизонтальное обособление непосредственных производителей, в то время как античная форма основана уже на частной (обособленной) форме собственности, но с элементами общего присвоения, так как частная собственность отдельных граждан перекрывалась, гарантировалась и регулировалась верховной собственностью всего гражданского коллектива.

Это различие проявлялось и в том, что в азиатской форме в общину отчуждался прибавочный продукт, созданный трудом ее членов, а в античной — прибавочное время, расходуемое в общих интересах, то есть для обеспечения сохранности общины. Вертикальные экономические связи в античной общине при растущем экономическом обособлении хозяйств все более замещаются политическими отношениями, поэтому по отношению к своим гражданам государство выступает не столько в качестве высшего собственника, как это происходит в азиатской общине, сколько институтом, гарантирующим существование и сохранность их частной собственности при противостоянии рабам.¹

В то же время и азиатская, и античная формы общины представляют рабовладельческий способ производства. Однако К. Маркс не рассматривает и не анализирует факт использования труда рабов.

Между тем рабство как социальное явление представляет собой закономерный результат общественного развития. В ту эпоху техническая сторона производства, несмотря на определенный ее прогресс по сравнению с техникой производства первобытного общества, была еще довольно несовершенной и примитивной. Поэтому труд не был еще производительным настолько, чтобы постоянно (бесперебойно) и полностью обеспечить удовлетворение потребностей общественного развития. Общественный прогресс был возможен только при высвобождении части общества от физического труда при полном удовлетворении возрастающих потребностей этой части общества за счет эксплуатации труда непосредственных производителей, то есть за счет

¹ Лигай Г.А. Указ.соч. С.41–43.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.186.

использования в больших количествах принудительного труда рабов: «Введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший в начале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния».²

Германская форма общины (третья форма) отличается от двух предыдущих тем, что земля здесь делится на собственно общинные угодья и на земли отдельных членов общины. Отдельный индивид (общинник) не выступает совладельцем общей собственности, как это происходит в азиатской общине. Частные земли (наделы) общинников не являются общинной землей, что отличает эту форму и от античной общины, когда вся земля, занятая членами общины, выступает как общинная. Здесь налицо уже противопоставление общинной земли частным наделам. Именно наличие этой отдельной общинной земли и связывает между собой отдельных общинников как частных собственников своей земли. Наличие общинных земель диктуется потребностью в средстве производства, продукты которого жизненно важны, но их невыгодно получать с небольшого частного надела. Так, в общинной собственности находились пастбища, луга для заготовки сена, лес для рубки, рыбные водоемы и т.п. Пользоваться этими землями могли только общинники как члены данного коллектива. Кроме того объединение общинников как отдельных частных собственников в общину необходимо для защиты как их частных наделов, так и общинных земель от посягательств соседних таких же общин.

Важнейшей хозяйственной ячейкой здесь выступает крестьянское домохозяйство, то есть крестьянский двор, который в идеале не реализовывал эксплуатацию труда. То же можно сказать и о крестьянской общине, куда входили крестьянские домохозяйства в качестве составных элементов. Но кроме общины крестьянские дворы входили еще в одну социально-экономическую систему — феодальное поместье. В своем классическом варианте феодальное поместье делится на две части — на землю, которая принадлежит феодалу (домен), и на землю, занятую крестьянской общиной, но которая также принадлежит феодалу. Поэтому собственность на землю здесь раздвоена: у

¹ Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып.1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1997. С.45–50.

одного объекта собственности — два собственника, причем крестьянин выступал как подчиненный собственник земли, а феодал — как верховный собственник крестьянских земель.

Являясь элементом разных социально-экономических систем (крестьянской общины и феодала), крестьянский двор выступает в них в разных ролях. Как элемент крестьянской общины частное индивидуальное крестьянское хозяйство представляет собой ячейку по производству необходимого продукта, а по отношению к феодалу — по производству прибавочного продукта. Поэтому общинный уклад здесь не представляет собой самостоятельного хозяйственного уклада, а входит в феодальный в качестве своеобразного экономического основания.

Верховная собственность феодала на крестьянские земли проявляется в том, что он безвозмездно присваивает часть крестьянского труда в виде оброка (натуральной ренты), когда крестьянин отдает часть продукта, созданного в своем хозяйстве, и в виде барщины (отработочной ренты), когда крестьянин своими орудиями труда работает на землях домена, урожай с которых полностью становится собственностью феодала.¹

Если первые две формы общины реализовывали рабовладельческий способ производства, германская форма представляет собой феодализм как социально-экономическую систему, развившуюся, как правило, на основе непосредственного разложения общинно-родового строя, и на периферии стран с исторически сложившейся рабовладельческой системой.¹

Несмотря на это у всех трех форм общины есть определенные сходства. В условиях развития отношений частной собственности на средства производства и прибавочный продукт на основе общины, соединяющей непосредственного производителя со средствами производства, собственность на эту часть продукта у непроизводителей могла возникнуть только через внеэкономические социальные механизмы.

Экономически собственность на продукт труда вообще и на прибавочный продукт, в частности, возникает только на основе собственности на условия (факторы) производства — на средства производства (материалы труда, орудия труда и основные средства труда) и рабочую силу как потенциальный труд. Основным средством производства в то

¹ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. СПб., 1998, С.395–396.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.485–486.

время выступала земля, которая, кроме всего прочего, отличается от машины (как основного средства производства капитализма) тем, что работающий на земле производитель здесь же (на этой же земле) и живет. Поэтому возникающая частная собственность на землю через завоевания, через долговые обязательства, либо через выделение общинной или жреческой верхушки как собственника на основное средство производства и одновременно условие и среду жизнедеятельности и воспроизводства производителя, как правило, предполагала и собственность на самого производителя. «Рабство, крепостная зависимость и т.д. всегда являются вторичными формами, никогда не первоначальными, несмотря на то, что они необходимый и последовательный результат собственности, основанной на общинном строе и на труде в условиях этого строя».² Однако феодализм и германская форма общины как его основание характеризовались новыми особенностями. По сравнению с рабовладением, феодализм был относительно более прогрессивной формой, прежде всего потому, что в его условиях создавалась относительная заинтересованность у непосредственных производителей (крепостных крестьян) в результатах своего труда. Соответственно и внеэкономическая зависимость крестьянина при феодализме была менее полной, чем зависимость раба. Помимо этого для феодализма характерен переход от коллективной эксплуататорской собственности к частно-индивидуальной.

Развитие частнособственнических отношений на этапе рабовладения и феодализма подготовили условия для становления экономических форм эксплуатации труда, реализовавшихся при капитализме через два социально-экономических фактора. Во-первых, это появление лично свободного работника, лишенного своих средств производства и являющегося собственником только своей способности к труду. Во-вторых, наличие собственников средств производства, имеющих необходимость и возможность покупки товара «рабочая сила».¹

Появление работника, обладающего личной (гражданской) свободой предполагало исчезновение прежде всего крепостной зависимости работника, что в европейских странах произошло в XIV–XV вв., а «начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию».²

¹ Афанасенко И.Д., Давыденко Л.Н. Новый способ производства продовольствия. М., 1992. С.198.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.729.

³ Там же. С.757.

Организация труда на капиталистических предприятиях требовала наличия достаточного количества наемных работников, которые были бы не только лично свободны, но и лишены своих средств производства, и тем самым были вынуждены продавать свою способность к труду. Между тем, несмотря на ликвидацию крепостной зависимости крестьян, большинство из них владело участками земли и орудиями труда, оставшимися от феодальной эпохи. Кроме того, сохранялось совместное пользование общинными землями. Поэтому с конца XV в. до XIX в. имело место явление «огораживания» земель (например, в Англии), с которых насильственно удаляли, сгоняли крестьян. «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только высвобождает для промышленного капитала рабочих, их жизненные средства, материал их труда, но и создает внутренний рынок».³

Однако наличие лично свободного работника, лишенного собственных средств производства и потому вынужденного продавать свою рабочую силу, является недостаточным условием возникновения капитализма и соответствующих ему экономических форм эксплуатации труда. Так, например, в Древнем Риме в течение нескольких веков существовали тысячи лично свободных граждан, не имеющих своих средств производства, а также были развиты товарно-денежные отношения, существовал наемный труд (в особенности сезонный), однако капитализма как социально-экономической системы не возникало, как не сформировалось и элементов буржуазного уклада. Более того, государство материально поддерживало пролетариев и средствами существования, и деньгами, которые, в свою очередь, являлись трансформированными результатами труда рабов.¹

Поэтому сущностные причины появления капитализма связаны с уровнем развития производительных сил. Исторически исходной формой капиталистического предприятия была ремесленная мастерская, основанная на простейшей кооперации труда. Ее сменила мануфактура, которая уже предполагала разделение труда на отдельные операции, за счет чего повышалась его производительность. Между тем и в мастерской, и в мануфактуре основным энергетическим источником все равно продолжала выступать физическая сила человека. Поэтому отдельные ремесленники за счет совершенствования своих навыков и

¹ Елецкий Н.Д. Основы политической экономии. Ростов-на-Дону, 1997. С.336–344.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23, С.397.

умений, а также повышения интенсивности труда могли конкурировать на рынке с владельцами мануфактур. А поскольку технический базис производства не имеет принципиальных отличий от феодального, то социально-экономическая организация его функционирования не требовала формирования новой социально-экономической системы.

Кардинальные изменения в существующей социально-экономической системе начали происходить в результате промышленной революции (машинного переворота) в конце XVIII — начале XIX в. «В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания».² Именно машинный переворот обусловил переход к новому технологическому способу производства, которому соответствуют капиталистические производственные отношения, а адекватная им социально-экономическая система носит название капитализма.

В отличие от земли, механические средства производства не являются принципиальным условием жизнедеятельности производителей, поэтому существует возможность полного их отчуждения от этих средств производства.

Но для того, чтобы стать собственником продукта труда недостаточно быть собственником одних лишь средств производства. Необходимо присвоить и рабочую силу как другое обязательное условие процесса производства. При рабовладении и феодализме такое присвоение осуществлялось через внеэкономические механизмы личной зависимости производителя от собственника земли, когда сам работник становился его собственностью. При капитализме необходимость присвоения рабочей силы производителя на основе внеэкономического принуждения к труду отпадает.

При капитализме способность человека к труду — рабочая сила принимает форму товара. Тем самым рынок как форма разрешения противоречия между производством и потреблением удваивается: с одной стороны, функционирует рынок результатов труда, принявших форму товаров, с другой — складывается рынок труда.

Рабочая сила, как и любой другой товар, имеет стоимость и потребительную стоимость. Ее стоимость определяется общественно-необходимыми затратами на ее воспроизводство. Однако особенность ее потребительной стоимости, в отличие от других товаров, состоит в

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.23. С.137.

том, что она в процессе своего потребления (то есть в процессе производства) имеет способность создавать стоимость большую, нежели стоит сама. Именно эта способность выступает как полезное и необходимое капиталисту свойство. Поэтому на поверхности купля-продажа рабочей силы как обмен товара на его стоимость выглядит эквивалентной, в то время как в процессе производства, то есть реализации потребительной стоимости данного товара, создается большая стоимость, избыток которой, в свою очередь, безвозмездно присваивается собственником капитала. Стоимость рабочей силы в виде заработной платы в данном случае представляет собой ту форму, которую принимает необходимый продукт в условиях капитализма.

Экономические формы эксплуатации труда основаны на присвоении прибавочного продукта как неоплаченного чужого труда. По сравнению с внеэкономическими формами экономические формы эксплуатации труда являются скрытыми, наблюдаемыми непосредственно как эквивалентные и возмездные формы обмена и реализуются в самом процессе производства, а не только после его завершения. Однако изменение формы эксплуатации труда при капитализме не затрагивает ее сущности: «Рабство, крепостничество и капитализм одинаковы в этом отношении. Изменяется только форма эксплуатации — эксплуатация остается».¹ Фактором, определяющим ту или иную форму эксплуатации, выступает уровень развития производительных сил и производственных отношений: «способ грабежа опять-таки определяется способом производства».¹

Присущее любой эксплуататорской системе стремление собственников средств производства повысить степень эксплуатации труда производителей реализуется при капитализме посредством производства и присвоения абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Присвоение абсолютной прибавочной стоимости связано с максимально возможным удлинением рабочего времени и соответственно с увеличением прибавочного рабочего времени в его структуре. Но удлинение рабочего времени имеет свои физические и социальные пределы. Повышение степени эксплуатации труда возможно и путем сокращения необходимого рабочего времени за счет роста производительности труда при сохранении од-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.12, С.724.

² Там же. Т.23, С.247.

³ Там же.

ной и той же продолжительности рабочего дня, то есть через производство относительной прибавочной стоимости.

Эксплуатация труда при капитализме по своей степени превосходит все другие формы эксплуатации. Это связано прежде всего с тем, что основной целью производства здесь становится производство меновой стоимости: «если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный продукт ограничивается более или менее узким кругом потребностей».² Моментом, определяющим в данном случае степень эксплуатации труда, будет выступать цель производства, а не социально-экономический уклад хозяйства. «Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, когда дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме — в производстве золота и серебра... Труд негров в южных штатах Американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей».³

Однако экономический механизм присвоения неоплаченного чужого труда предполагает внеэкономические, прежде всего, законодательные рамки своей реализации. «...свое право всасывать достаточное количество прибавочного труда [капитализм] обеспечивает пока не одной лишь силой экономических отношений, но и содействием государственной власти...».¹ Эти рамки задают и регулируют степень эксплуатации труда в обществе, выступают в качестве некоего компромисса в борьбе интересов собственников средств производства и непосредственных производителей. «Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим».² Поэтому, с одной стороны, они узаконивают существующую эксплуатацию труда, с другой, задают ее границы (верхний предел), выступая в первом случае гарантом ее существования, а во втором — гарантом ее ограничения.

Способность государства регулировать степень эксплуатации труда непосредственных производителей имеет важное значение для формирования социальных условий ее преодоления. В то же время го-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.280.

² Там же.

сударственное ограничение эксплуатации труда (как перехода к ее преодолению) на каждом конкретно-историческом этапе развития общества имеет свои пределы. Эти пределы задаются текущим уровнем развития производительных сил общества и соответствующих им производственных отношений. Так, все докапиталистические способы производства, где основным средством производства выступала земля, характеризовались достаточно низкой долей прибавочного продукта в структуре результатов труда. Поэтому общественное развитие могло быть обеспечено лишь за счет концентрации этого прибавочного продукта в руках немногочисленной социальной группы (класса) для осуществления ею определенных общественных функций. Безусловно, практически вся история человечества демонстрирует разного рода и в разной степени злоупотребления правящей верхушкой своим общественным положением. Однако нельзя отрицать, что только через концентрацию прибавочного продукта могло при низкой производительности труда осуществляться общественное развитие, а сами политические режимы оказывались настолько долговечными, насколько полно они реализовывали общественные интересы.

Ситуация меняется с введением машин в качестве основного средства производства, поскольку появляется не только устойчивое, почти независимое от природной случайности производство прибавочного продукта, но и его доля в общественном продукте значительно возрастает, что, в свою очередь, становится условием формирования предпосылок преодоления эксплуатации труда.

2. Формирование социальных предпосылок преодоления эксплуатации труда

Разрешение противоречия между развивающимся общественным характером производства и частным нетрудовым характером присвоения становится предпосылкой преодоления эксплуатации труда. А поскольку частный нетрудовой способ присвоения базируется на отчуждении непосредственного производителя от основных средств производства, то преодоление эксплуатации труда предполагает в первую очередь его соединение со средствами производства, то есть превращение в собственника условий труда.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23, С.774.

Превращение непосредственных производителей в собственника средств производства выступает основным условием преодоления экономических форм эксплуатации труда.

Соединение непосредственных производителей с основными средствами производства, то есть превращение человека труда в собственника условий труда, предполагает отрицание нетрудового способа присвоения, а именно переход к собственности исключительно трудовой. В свою очередь надо иметь в виду, что трудовые формы собственности могут быть и частными, что снятие экономических форм эксплуатации труда не обязательно предполагает становление общественной формы собственности на основные средства производства. «Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний не только составляет прямую противоположность первому, но и вырастает на его могиле»¹. Этот момент приобретает особую актуальность в условиях формирования общественного способа присвоения основных средств производства.

Однако в условиях высокоразвитого общественного разделения труда труд приобретает общественный характер, поэтому частные трудовые формы собственности теряют господствующее положение, и именно становление общественной формы собственности на основные средства производства выступает предпосылкой преодоления эксплуатации труда, характеризующейся тем, что одна часть общества живет за счет безвозмездного присвоения труда другой его части. Кроме того, частная собственность на средства производства и землю, даже когда она основывается на собственном труде, в условиях современного высокообобществленного производства не дает возможности использовать громадные силы развивающегося обобществления труда и производства, которые не могут принадлежать обособленному, отдельному работнику как носителю обособленного труда и частной собственности.¹

В настоящее время проблема возможности существования общественной собственности на основные средства производства вновь стала

¹ Ельмеев В.Я., Синютин М.В. Модель человека как субъекта собственности // Социология экономики и управления / Под ред. Л.Т. Волчковой. СПб., 1998, С.75–76.

² Предприятие и формация / Под ред. Д.Д. Москвина. М., 1999, с.33.

дискуссионной. Главным тезисом противников общественной собственности как таковой выдвигается ее якобы ничейный характер, поскольку средства производства выступают ограниченным ресурсом и, следовательно, обладают свойством исключаемости. «Обществу через все средства массовой информации начала навязываться идея о том, что предприятиям, основанным на государственной (общенародной) собственности, якобы имманентно присуща неэффективность в силу того, что работник такого предприятия отчужден от применяемых им средств производства, не становится хозяином произведенного продукта, собственность является «ничейной» и т.д. и т.п.»². Отсюда если средства производства принадлежат всем членам общества, что и предполагает общественная собственность, то это значит, якобы, что они никому не принадлежат. Если же кто-либо завладеет данным средством производства, то он исключает (отчуждает) от него всех других, общественная собственность теряет свою сущность и становится частной.

Кроме того, получившие в настоящее время широкое распространение концепции постиндустриального (информационного, технотронного и т.п.) общества постулируют, что основной производительной силой современных обществ становится уже не материальное производство, а знания, представленные в виде информации, высоких технологий и т.п. А поскольку одним из свойств информации выступает неотчуждаемость, то считается, что общество, в котором основой производства становится информация, вступает в новую, «постиндустриальную» стадию своего развития, где доминирующей формой собственности выступает общественная форма. При этом основное противоречие между трудом и капиталом будто бы снимается. Поэтому такие общества можно считать чуть ли не социалистическими.

Помимо этого, поскольку знания и информация превращаются в важнейший ресурс производства, то контроль над этим ресурсом и возможность им распоряжаться выставляется как основа отношения людей к господствующему классу¹ (хотя общественная форма собственности как равное отношение к средствам производства определяет отсутствие классового господства). Основными признаками этого «класса» становятся, во-первых, высокие стандарты образования; во-вторых, независимость от традиционного класса буржуа, поскольку могут приобретать не-

¹ Иноземцев В.Л. // Социологические исследования. 2000. № 6. С.67.

² Там же, С.71, 69–70.

обходимые им средства производства в личную собственность; в-третьих, это востребованность представителей данного класса в разных структурных элементах социальной иерархии и их исключительная мобильность. Утверждается, что «сегодня в развитых обществах образовался слой интеллектуальных работников, которые обладают неотчуждаемой собственностью на информацию и знание, являются равными партнерами собственников средств производства, не эксплуатируемы как класс; их деятельность мотивирована качественно новым образом».²

Современное производство, в самом деле, уже не может обойтись без высоких технологий, а знания стали важным элементом средств производства. Однако их роль в концепциях постиндустриального общества неоправданно абсолютизируется, поскольку базовые, биологические и социальные потребности индивиды все равно удовлетворяют не через присвоение информационных потоков, а через потребление (распредмечивание) результатов труда, созданных в материальном производстве. Сами высокие технологии направлены прежде всего на совершенствование материального производства, увеличение его экономической эффективности (то есть увеличение доли прибавочного продукта при минимальных затратах). Это значит, что, материализуясь, то есть воплощаясь в итоге в конкретном, материальном продукте труда, они как составная часть этого продукта тут же выпадают из общественной формы собственности в сфере информации и становятся объектом частного присвоения собственников средств производства. Поэтому переход к так называемому постиндустриальному обществу по сути не разрешает противоречия между частной формой присвоения результатов производства и общественным характером труда, и, соответственно, сам по себе, то есть взятый в отдельности, не является предпосылкой преодоления эксплуатации труда.

Что касается выделения особого «класса интеллектуалов» как господствующего класса постиндустриального общества, то, во-первых, несмотря на высокие стандарты своего образования представители данной группы востребуются в разных структурных элементах, а значит и уровнях социальной иерархии (что следует из третьего признака), то есть занимают разное положение в общественной системе и играют разную роль в общественной организации труда. Во-вторых, востребованность в самых разных элементах общественной системы и исключительная мобильность предполагает наемный характер их труда,

¹ Предприятие и формация / Под ред. Д. Д. Москвина. С. 71.

что ставит под сомнение независимость «класса интеллектуалов» от традиционного класса буржуа, то есть от собственников средств производства. В третьих, результаты их труда замыкаются на материальное производство и основные средства производства, а значит полезный эффект от этих результатов через увеличение производства прибавочного продукта отчуждается в пользу собственников средств производства, что отрицает тезис об отсутствии эксплуатации их труда. «Теория «постиндустриального общества» пытается подменить действительный конфликт борьбой части интеллигентов за карьеру, конкуренцией «талантливых» «компетентных» карьеристов за проникновение в высшие «страты», в элиту и конкуренцию элит — интеллигентской сварой».¹

Что же касается материальных средств производства (земли и промышленности) и возможности их функционирования на основе общественной формы собственности, то при развитом общественном разделении труда их создание и их использование (присвоение) осуществляется напрямую или опосредствованно коллективным, практически общественным трудом. Общественный характер производства и труда входит в противоречие с частным, нетрудовым характером присвоения. А поскольку это противоположные по своей природе, то есть взаимоисключающие друг друга сущности, то противоречие между ними обязательно разрешается в сторону исчезновения одной из них и установления другой в качестве единственной и необходимой. Однако механизмы разрешения этого противоречия лежат вне экономической сферы, реализуются не через экономические, а через общественные механизмы, среди которых основное место занимает политическая борьба.

Нельзя забывать также и то, что сами производственные отношения и соответствующее им общественное устройство зависят от уровня развития производительных сил. Поэтому для анализа становления уничтожающей эксплуатацию общественной формы собственности на средства производства необходимо обратиться к выявлению изменений в самих производительных силах и соответствующих им производственных отношениях.

Наука, знания, технология, информация заняли прочное положение как источник развития производственной базы общества. Это означает, что наука как всеобщая общественная производительная сила стала полноправной составляющей в структуре общественных производительных сил, а современное производство не может развиваться без таких видов производственной деятельности как планирование, конструирование, проектирование, прогнозирование и т.п. Результаты этой деятельности вопло-

щаются в материальных результатах труда через повышение эффективности производства, производительности труда, экономичности и т.п.

В то же время одной из основных общеисторических тенденций развития производительных сил является облегчение физического труда. В эпоху научно-технического прогресса эта тенденция приняла форму постепенного вытеснения физического труда из производства, то есть замену человека машиной (роботизация производства). Поэтому современной тенденцией развития производительных сил выступает уменьшение доли физического труда в производстве.

Изменение в соотношении физического и умственного труда в принципе свидетельствует о процессах не только экономического соединения этих видов труда, но также и социального. На протяжении тысячелетий умственный и физический виды труда были социально разделены, причем это разделение коррелировало с разделением общества на классы, поскольку занятие умственным трудом, как правило, не обеспечивало материальный доход, а значит, занимающийся им человек должен был быть заранее обеспеченным, то есть владеть какими-либо средствами производства для присвоения чужого прибавочного труда как основы своей жизнедеятельности.

Однако увеличение доли умственного труда и, соответственно, доли занятых этим трудом может опираться не только на увеличение прибавочного продукта на основе совершенствования средств производства, но также и на повышение степени эксплуатации труда производителей.

Вытеснение физического труда умственным как тенденция соединения умственного и физического труда имеет две стороны. С одной стороны, внедрение научных разработок в производство все более усложняет его техническую базу и требует от работника владения не только определенными производственными навыками, но обладания знаниями как общеобразовательного, так и специального характера. С другой стороны, в процессе совершенствования производства человек заменяется машиной, соответственно сам человек вытесняется из производства, а почти полностью автоматизированное производство постепенно стано-

¹ Разделение на управленческий и исполнительский труд соотносится с разделением труда на умственный и физический, но к нему не сводится, поскольку управленческий труд относится к умственному труду, а исполнительский может быть и умственным и физическим.

² Сорокин С.Ф. Распределение собственности и эффективность хозяйственной деятельности: общий и региональный аспекты. Саранск, 1999, с.21.

вится относительно независимым, приобретая в определенной мере свойство «второй природы».

Другой еще более важной для процессов соединения производителей со средствами производства и преодоления эксплуатации труда тенденцией выступает соединение управленческого и исполнительского труда¹, то есть становление субъекта коллективного, общественного самоуправления.

Экономически собственность выступает как процесс присвоения средств производства и результатов труда, где определяющее значение имеют средства производства, их использование в интересах определенного субъекта, а это становится возможным лишь через социальное соединение труда со средствами производства, способ которого обусловлен уровнем развития производительных сил. Само же присвоение как социально-экономические отношения по поводу использования средств производства в чьих-либо интересах осуществляются в процессе управления, организации использования факторов и элементов производства, то есть управление выступает как инструмент, способ реализации собственности. «Отношения собственности и отношения управления, организации, распоряжения, командования, распределения не автономны: в совокупности они образуют одну систему отношений собственности».²

История постоянно доказывала верность тезиса о том, что юридический титул собственности рано или поздно переходит к фактическому ее реализатору, то есть управляющему. Юридическая форма собственности выступает как законодательное закрепление права собственности за определенными субъектами, в чьих интересах должны использоваться объекты собственности. На практике при передаче (делегировании) управленческих функций (полномочий) по фактическому производственному присвоению средств производства другому субъекту, не являющемуся субъектом собственности, последний постепенно начинает подменять интересы «хозяина» своими интересами, сам становясь хозяином вверенной ему собственности. Происходит вытеснение юридического собственника через устранение (в данном случае самоустранение) его из структуры социально-экономической организации трудового процесса, а значит, и уменьшение его влияния на производство, на определение его конечных целей и задач, распределение полученных результатов труда.

¹ Кузнецова А.П. Социальные отношения производства. М., 1990. С.94–95.

Перераспределение производственных функций между участниками производственного процесса при переходе к капитализму лишило непосредственных производителей влияния на ход трудового процесса, на производство в целом. Так и ремесленник, и крестьянин в простом процессе труда самостоятельно распределяли трудовые функции, средства производства, участников производства во времени и пространстве, совершенствовались и развивали труд в соответствии со своим пониманием его целесообразности для создания определенной потребительной стоимости. Лишь в эпоху капитализма непосредственный производитель отчуждается от целеполагания в простом процессе труда.

Капитал отстраняет и отчуждает производителя и сосредотачивает в своих руках функции по определению конечных целей и задач процесса производства, по выявлению целесообразного расчленения операций, их распределения и закрепления между рабочими, по созданию совокупного работника, управлению кооперацией труда и средствами производства, исходя из своих интересов, прямо исключая реализацию интересов непосредственных производителей. В таких условиях последние не играют определяющей роли в управлении трудом, совершенствовании его разделения, кооперации и в развитии технологических процессов, поскольку он отвечает лишь за частичную операцию.¹ Тем самым они отчуждены от процесса реальной, фактической реализации собственности, им не на что было опираться в борьбе против снижения оплаты труда до уровня стоимости рабочей силы, то есть до уровня необходимого продукта. Поэтому снятие отчуждения от средств производства предполагает расширение степени участия непосредственных производителей в определении целей производства, повышение их влияния на принятие решений, то есть участие в управлении средствами производства, а значит и влияние на распределение произведенного продукта, на определение способа данного распределения.

Различные формы участия рабочих в управлении предприятиями начали распространяться с середины 20-х годов прошлого столетия. Их появление обусловлено, с одной стороны, стремлением собственников средств производства в большей мере заинтересовать рабочих в выполняемом ими труде с тем, чтобы они больше способствовали достижению целей предприятия, то есть опять же производству прибыли; с другой стороны, давлением борьбы рабочего класса за снижение степени эксплуатации своего труда. Однако практически все

¹ Маркович Д. Социология труда. М., 1988, С. 560–561.

формы участия рабочих в управлении предприятием в условиях капитализма сводятся лишь к управлению организационно-технической стороной труда (осуществлению определенной организации труда, внедрению более экономичных операций, улучшению условий труда, поддержанию дисциплины и т.п.). Практически не предусматривается участие рабочих в выработке экономической (и тем более социальной) политики предприятия, инвестиционных программ и т.п. Если все-таки рабочие и допускаются к данной стороне деятельности предприятия, то их мнение носит совещательный характер.

Поэтому, несмотря на множество форм участия рабочих в управлении, они несут в себе две общие черты: во-первых, они осуществляются в условиях господства частной собственности на средства производства. Вторая основная черта состоит в том, что реализация этих форм не препятствует присвоению собственниками капитала прибавочного труда рабочих в виде прибыли, что, собственно, и составляет основную цель и мотив капиталистического производства.¹

Отсюда участие рабочих в управлении не является достаточным для фактической реализации ими собственности на средства производства, поскольку они все равно оказываются лишенными определяющего влияния на формирование производственной политики и цели производства, а значит и распоряжения созданным ими прибавочным продуктом. Для полной фактической реализации собственности непосредственных производителей на средства производства необходимо, чтобы они перестали продавать свою рабочую силу как товар и сами стали субъектом управления, а это предполагает становление коллективного, общественного самоуправления.

Сведение непосредственного производителя к частичному работнику, произошедшее при капитализме, которое разделило трудовые функции, закрепило их выполнение за определенными социальными слоями. Соединение работника со средствами производства через различные формы самоуправления трудового коллектива должно расширить функции частичного работника через совмещение профессий, управленческо-организационных и исполнительских функций для каждого рабочего. Это развивает социальное равенство в доступности всех производственных функций для каждого участника процесса производства как сохозяина средств производства и реализуется через коллективные формы организации тру-

¹ Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990, с.12–16.

да, такие как бригадная форма, коллективный подряд и т.д. Поэтому разрешение коренного противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения происходит путем становления единства коллективных форм организации общественного труда и коллективных форм организации общественного самоуправления.

Становление общественного характера производства коснулось не только труда и трудовых отношений, но также и капитала. Классическая капиталистическая модель, которую исследовал К. Маркс, предполагала, что функция владения капиталом и управления им были соединены в одном агенте — капиталисте. То есть классический капиталист выступал собственником и в юридическом, и в экономическом смысле. Однако стремление капитала к самовозрастанию (без чего он просто перестает быть капиталом) определяет тенденцию к концентрации производства, усложнению его технической базы, что, в свою очередь, вызывает дифференциацию функций управления и, соответственно, разделение труда при управлении предприятием. Это делает невозможным выполнение функции управления и владения одним лицом. В результате экономическая и юридическая стороны капиталистической собственности разъединяются. Управление организационно-технической стороной производства отходит к инженерам и специалистам, за собственниками средств производства остается функция владения и финансового учета.

Разъединение функций владения и управления постепенно формировало группу совладельцев, ознаменовав переход от фамильной частной капиталистической собственности к корпоративной. Такое размывание классической капиталистической собственности, когда ее субъект уже не является единичным, а представлен группой совладельцев, привело к тому, что теперь собственность предполагает прежде всего право на доход (или его часть) от данного конкретного предприятия, а не то право собственности, когда собственник был одновременно и владельцем и управляющим.¹

Право на получение дохода от данного предприятия пропорционально вложенному в него капиталу без выполнения каких-либо производственных функций формирует особый класс собственников капитала, живущих (паразитирующих) за счет присвоения прибавочного труда непосредственных производителей. Так, Т. Веблен выявил закономерность появления в условиях денежной цивилизации «праздного класса» — собственников капитала, у которого формируется стереотип чрезмерного потребления, опирающегося не на действительные

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

потребности людей, а на необходимость демонстрации своего общественного положения. Согласно Т. Веблену отделение функции управления от собственности делает излишними собственников денежного капитала, поскольку последние не только превращаются в паразитирующую часть общества, живущую за счет эксплуатации труда других, но и, тем самым, сокращают ресурсы для дальнейшего социально-экономического развития общества.¹

Все вышеперечисленные тенденции требуют изменения существующего распределения собственности на основные средства производства, поскольку негативные социально-экономические последствия, такие как рост социального неравенства в распределении собственности и доходов, снижение трудовой мотивации, недоразвитие демократических начал в управлении и т.п., возникающие на основе чрезмерной концентрации общественного богатства в руках немногих на одном полюсе и обнищания массы его непосредственных производителей на другом, становятся причиной социальной и политической нестабильности в обществе.

Эта проблема исследовалась К. Марксом, который считал, что ликвидацию чрезмерной концентрации капитала в руках немногих необходимо осуществить через национализацию, то есть передачу средств производства в собственность государства рабочего класса, поскольку государство, кроме всего прочего, призвано реализовывать и общественные интересы, а значит, посредством него можно достичь справедливого распределения созданного общественного богатства. Однако на практике заложенные в государственной форме собственности объективные противоречия при их неправильном разрешении способствовали реализации государственной собственности не как собственности общественной, общенародной, а именно как государственной, как корпоративной собственности организации, сконцентрированной в руках бюрократического государственного аппарата. Государство выступило звеном, опосредствующим средства производства и непосредственного производителя, отчуждающим последних от первых и сводящим их до положения все тех же наемных работников. Между тем государственная собственность способна реализовывать и общественные интересы, поэтому нельзя рассматривать ее лишь как собственность организации (государства), ставя в один ряд с другими частными формами собственности. Решающую роль в данном случае играют способы распре-

¹ Борисов А.Ф. Собственность коллектива и личность работника. СПб., 1996. С.12–13.

деления и перераспределения общественного богатства через государственные механизмы власти, то есть в чью пользу идет распределение того, что заработало все общество.

Уже в условиях капитализма одной из форм относительного решения проблемы перераспределения выступают предприятия с собственностью работников (ESOP — Employee Stock Ownership Plan). Основной предпосылкой возникновения этой формы предприятий является растущая концентрация овеществленного прибавочного труда (собственности) в руках немногочисленных крупнейших собственников, с одной стороны, и отчуждение от средств производства непосредственных производителей этих богатств, с другой. Данная предпосылка раскрывается через следующие объективные противоречия, обусловившие появление этой формы собственности:

1) Система производственных отношений основана на наемном труде, в то время как высокообобществленные производительные силы требуют снятия отчуждения труда.

2) Противоречие между дальнейшим усилением концентрации собственности на капитал и лишением основной массы непосредственных производителей (населения) возможности получать и развивать средства капитала, в связи с чем возникла необходимость перераспределения акционерного капитала. Собственность работников в данном случае выступает как способ такого распределения.

3) Противоречие между возрастанием роли творчества и развития личности в труде и наемным, отчужденным характером самого труда. Для снятия этого противоречия необходимо изменить систему производственных отношений так, чтобы превратить наемного работника в собственника средств производства, что и реализуется частично посредством данной формы.¹

Реализация данной формы собственности на практике предполагает отсутствие наемного труда, поскольку являясь со-собственниками, работники в то же время выступают как со-хозяева данного предприятия; полученная предприятием прибыль распределяется пропорционально вложенному труду, а не размерам денежных вкладов, что гарантирует определенное снятие эксплуатации труда непосредственных производителей, когда прибавочный продукт в виде прибыли отчуждается от них в пользу

¹ Борисов А.Ф. Собственность коллектива и личность работника. СПб., 1996. С.9, 14, 16, 17.

² Федоров С. Не быть нахлебником // Огонек. 1989. № 28. Июль. С.5.

³ Предприятие и формация / Под ред. Д.Д.Москвина. С.180–181.

владельца капитала; управление на предприятии реализуется как производственное самоуправление через практику открытого управления, перехода от стиля управления, основанного на контроле, к стилю, базирующемуся на доверии. В общем и целом данная форма собственности может быть охарактеризована как разновидность частной индивидуально-долевой формы собственности в коллективном управлении, а ее отличительной особенностью является то, что она оказалась выгодной всем — и работникам, и предприятиям, и государству.¹ Это подтверждается и российской практикой реализации коллективной собственности с соответствующим распределением по труду: «если мы наемникам противопоставим хозяев (хозяев!), то этим доказываем главное, что коллективное владение собственностью со справедливым распределением более рентабельно, чем частная собственность, которой владеет пусть даже гениальный менеджер, но с армией наемников».²

В настоящее время среди противников частной капиталистической собственности все больше распространяется мнение, что социально-экономическое развитие общества будет идти по линии вытеснения данной формы собственности собственностью работников (производителей, трудовых коллективов) на средства производства и произведенный продукт. Распространение предприятий с собственностью работников (в форме закрытых акционерных обществ или в форме производственных кооперативов) будет способствовать организации всего общественного производства на базе функционирования производственных ячеек — трудовых коллективов, совместно владеющих используемыми ими средствами производства.³

Данный прогноз подтверждают современные тенденции разгосударствления, наблюдающиеся в развитых странах Запада, где большую долю составляет выкуп предприятий его работниками. Так, во Франции за 1989–1992 г.г. по данным Национального института статистики и экономических исследований выкуплено работниками порядка 25% предприятий с числом занятых 500–1000 человек.

Возникает вопрос, почему в СССР, где по Конституции существовала общественная собственность в форме государственной, непосредственные производители с известного момента на практике все более и более отчуждались от средств производства? Любая форма

¹ Ельмеев В.Я., Синютин М.В. Модель человека как субъекта собственности // Социология экономики и управления / Под ред. Л.Т.Волчковой. СПб., 1998. С.75–78.

собственности предполагает соответствующую ей организацию труда и систему трудовых отношений, а сама она в конечном итоге раскрывается через систему распределения результатов труда и прежде всего прибавочного продукта вне зависимости от того, какую форму он принимает. Поэтому декларирование общественной собственности еще не означает ее реализации: должны быть сформированы не только соответствующая ей организация труда и трудовых отношений, но и система распределения общественного богатства.

В связи с этим необходимо строить социалистические производственные отношения так, чтобы общественная собственность на средства производства была доведена до каждого конкретного человека. То есть проблема упирается в то, как общее довести до единичного. Соотношение между ними определяется диалектикой общего и единичного, когда принцип бытия всех единичных явлений составляет общее, а оно, в свою очередь, существует и проявляется не иначе как через единичное. При этом «различение единичностей фиксируется категорией особенного. Индивид, будучи членом общества, принадлежит прежде всего к определенной социальной группе, а в качестве непосредственного производителя — к определенному трудовому коллективу. Поэтому в модели человека как субъекта общественной собственности на средства производства выделяется три основополагающих уровня.¹

Во-первых, это индивидуальная собственность на продукт труда, базирующаяся на коллективной общей собственности, предполагающей общее (совместное) владение землей и средствами производства. Индивидуальная собственность в данном случае вовсе не означает частную, а восстанавливает личную собственность на базе кооперации и общего владения землей.

На данном уровне, с одной стороны, часть общих результатов труда превращается в личную собственность, то есть индивидуализируется. С другой стороны, через данную форму (уровень) непосредственный производитель присваивает продукт как результат труда, необходимый для удовлетворения его индивидуальных потребностей (то есть индивидуального потребления, а не для коллективного).

В условиях господства частной собственности данный уровень представляет собой собственность работника на свою способность к труду, то есть товар «рабочая сила». Владелец этого товара получает результатов труда лишь столько, сколько необходимо для воспроизводства его рабочей силы.

Во-вторых, в условиях обобществленного производства каждый работник выступает как член определенного трудового коллектива и как со-хозяин средств производства, поэтому, внося своим трудом вклад в прибавочный продукт, создаваемый на предприятии, он имеет право претендовать на часть этого продукта. Данное право может быть реализовано либо через отчуждение части этого продукта (например, в денежном эквиваленте) в личное потребление работника, либо произведенный на этом уровне прибавочный продукт реализуется через услуги коллективного пользования, удовлетворяющие различные социальные потребности людей (например, базы и дома отдыха организации, санатории, поликлиники и больницы, спортивно-оздоровительные комплексы, детские сады и т.п.).

Между тем, разные организации и предприятия в силу различных объективных причин могут иметь разные возможности для реализации социальных потребностей своих работников. Отсюда и в силу наличия специфических общественных потребностей и интересов необходимо выделение третьего уровня.

На третьем уровне каждый выступает со-собственником (совладельцем, со-хозяином) средств производства, принадлежащих всему обществу. Предпосылкой индивидуализации общественной собственности как собственности каждого выступает их создание и использование всеми членами общества в их трудовой деятельности. Такая персонификация не предполагает их отчуждения отдельным индивидом, в то же время структура общественной собственности не может не включать в себя отношения отдельного индивида как со-хозяина общественного достояния.

Данный уровень представлен общественными благами (обеспечение обороноспособности, охрана порядка, фундаментальная наука, образование, культура и т.п.), которые обладают свойствами, позволяющими говорить об общественной собственности в сфере их функционирования. Во-первых, это неисключаемость, когда практически нет ограничения в доступе к данному благу. Во-вторых, это несоперничество в потреблении, когда увеличение количества потребителей данного блага не только не снижает полезность для каждого из них, но и не требует дополнительных издержек при предоставлении данного блага. Возникает ситуация, когда увеличение числа потребителей лишь увеличивает общественную полезность данного блага. Поэтому

¹ Ленинградский рабочий. 1991. 19 апреля. С.17.

законы товарного обмена перестают действовать в данной сфере, а их производство в частном секторе экономики на основе частной формы собственности становится невозможным. В связи с этим данную функцию вынуждено брать на себя государство как единственная централизованная в масштабах всего общества организация, способная обслужить достигнутый в ходе социально-экономического прогресса уровень развития обобществления труда и производства.

Осуществить эти меры — значит выполнить заветы Великой Октябрьской социалистической революции.

Сделать всех трудящихся, граждан хозяевами страны, своего производства, не допускать отчуждения народа от собственности на средства производства и землю, передать заводы рабочим, землю и сельскохозяйственные предприятия — крестьянам, стало общим требованием трудящихся классов.

За этим стояли и стоят действительные интересы людей труда, их желание получить заводы и фабрики в собственные руки, самим распоряжаться результатами своего труда, участвовать в управлении производством.

Рабочие в СССР в предшествующий перестройке период понимали, что они еще далеки от того, чтобы чувствовать себя хозяевами. По данным социологического опроса, например, хозяевами производства чувствовали себя около 18% опрошенных рабочих. В их числе чувствовали себя хозяевами на рабочем месте — 80%, на участке — 60%, в цехе — 40%, на предприятии — меньше 10%¹.

Правда, не все из рабочих понимают, зачем им нужна собственность на средства производства, надо ли им быть хозяевами производства. Отношение собственности в его непосредственном смысле, то есть как отношение человека к условиям своего труда как к своим собственным, принадлежащим не кому-нибудь, а ему, в последний период существования СССР настолько обезличилось, что стали говорить о какой-то «ничейной» собственности, что она ничего не дает. Но «ничейной» собственности не бывает, она всегда кому-то принадлежит, кому-то служит, кому-то дает возможность обогащаться, а кому-то, наоборот, приносит бедность.

Мы думали, говорил от имени рабочих-литейщиков Ростсельмаша В. Антохин, что нам нечего терять. Рабочие не лезли в политику, не ходили на митинги, они стояли у станка, тянули свою рабочую лямку. Но теперь они созревают: до каких пор, спрашивают они, будут нас гра-

бить господ? Откуда они на нашу голову взялись? Ведь если есть господа, значит есть и холопы. Мы еще посмотрим, что зима покажет. Насидимся в холоде да голоде — возьмем водопроводные трубы, что потолще, и пойдем рихтовать их об тех, кто нас обдирает как липку. Все наши беды, пишут рабочие Белорецкого металлургического комбината, связаны с тем, что рабочий класс не стал хозяином заводов и фабрик, земли и средств производства, хозяином страны.

Ни для кого не секрет, что преодолеть углубляющийся кризис, нормализовать производство и получить нужное количество продуктов и товаров могут лишь сами рабочие и крестьяне. Если они не возьмутся за это дело, никакими манифестами, указами, реформами положение не поправить. Столь же очевидно, что это они сделают лишь в том случае, если возложат на себя ответственность за исправление положения как реальные хозяева производства и страны, как собственники средств и продукта своего труда. Таково первейшее условие преодоления кризиса и социальной самозащиты трудящихся.

Чтобы быть хозяином производства, надо быть собственником средств производства, поскольку право быть хозяином основывается на праве собственности на материальные, вещные условия производства. Можно ли сказать, что наши рабочие были такими собственниками?

Формально право хозяина им предоставлялось Конституциями (1936 г., 1977 г.), поскольку в них утверждалось, что общественная собственность является достоянием всего народа, а государственная власть принадлежит народу. Это положение давало возможность трудящимся выступать на законных основаниях против передачи заводов, фабрик, земли в частную собственность отдельным гражданам, защищать свое право хозяина. После принятия новых законов о собственности, в частности, закона «О собственности в РСФСР» (1991 г.), они лишились этого права. Согласно данному закону хозяином производства становится лишь тот, у кого в частной собственности оказываются: предприятия и иные имущественные комплексы в сфере производства, бытового обслуживания, торговли и в других сферах предпринимательской деятельности; здания, сооружения, оборудование, транспортные и иные средства производства; земельные участки, жилые дома, квартиры, дачи; средства массовой информации и т.д. (см. статью 10).

Что же касается рабочего, который работает не заводе или в соххозе, но не ведет частного (единоличного) трудового или крестьянско-

го хозяйства, то в его частной собственности оказывается лишь живое условие производства — его рабочая сила, его способность к труду, которая вновь превратилась в товар. Эту собственность рабочего на свою рабочую силу законодатели приравнивают к формам частной собственности на вещные условия и средства производства, делая рабочего вроде бы таким же «собственником», каким является предприниматель. В законах о собственности обычно специально записывают, что «гражданину принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду». Причем указывается, что гражданин может осуществить «это право самостоятельно или на основе трудового договора», т.е. договора о найме.

Если речь идет о самостоятельном осуществлении этого права, то рабочий, как следует из логики закона, кроме собственности на свою рабочую силу должен иметь и собственные средства производства, то есть быть мелким товаропроизводителем. Но в этом случае нет необходимости ему иметь в качестве собственности свою рабочую силу. Он ее не продает.

Другое дело, когда у него нет собственности на средства производства. Тогда ему ничего не остается, как продавать свою рабочую силу, ибо без этой продажи способность к труду, а следовательно, и собственность на нее — ничто, рабочему она не нужна, ибо ничего без ее продажи не дает. Собственнику своей рабочей силы ничего другого не остается, как «добровольно» искать нанимателя и столь же «добровольно» вступить с ним в отношение трудового договора (найма), то есть реализовать «добровольно» право продать свою рабочую силу.

Но этого не сделать без наличия нанимателя. Им, однако, не может быть человек, обладающий только собственностью на свою рабочую силу, или просто другой человек, без которого невозможно, например, осуществить самостоятельно воспроизводство человеческого рода. Работодатель должен иметь в собственности не свои руки, он должен быть хозяином того, без чего нельзя жить: хозяином средств и продукта производства. Собственность рабочего лишь на свою рабочую силу неизбежно предполагает, что его труд — наемный.

Чтобы рабочему стать собственником чего-нибудь другого, кроме своей рабочей силы и обмениваемых на нее жизненных средств, нужно законом дать ему право собственности на средства производства. Если же рабочий имел бы такую же собственность, как

и наниматель, то ему не надо было бы с ним вступать в отношения найма.

Почему, спрашивается, государство специальным законом определяет правовое отношение рабочего к его же рабочей силе, то есть к его собственным рукам, ногам, голове? Ведь силы его рук, ног, головы являются его силами от природы? Обычно грамотные законодатели не доходят до цинизма, то есть официально не предоставляют от имени закона право собственника на то, что принадлежит человеку как таковому и без всякого государства. Они ограничиваются декларированием права человека быть свободным, свободно распоряжаться собой и на этом ставят точку.

Наши буржуазные законодатели не соблюдали это правило. Они публично объявили, что гражданину, не имеющему в собственности ничего из средств производства, законом разрешается иметь собственность на свою рабочую силу: на способность с помощью рук, ног и головы совершать трудовые функции. Этим у нас юридически оформляется наемный труд и его носитель — наемный работник, а также право собственника средств производства нанимать такого работника, заключать с ним договор об использовании его труда. Если у нанимателей было бы лишь такое же право распоряжаться своими способностями к труду и не было бы права собственности на средства производства, то они не могли бы заключать договор о найме, об использовании чужого труда.

Прежние наши законы о собственности юридически не допускали в качестве одной из форм частной собственности гражданина собственность на способности его рук, ног и головы, то есть на его же рабочую силу. Право вообще не распространялось на способности человека, пока они не реализованы в вещно-товарных формах, не приобрели вид вещных условий труда или иной жизнедеятельности.

Но это не значит, что экономически товарно-денежные механизмы распределения предметов потребления и услуг не превращали способности человека к труду в товарную форму, в предмет купли-продажи. Экономически этого не могло бы быть, если бы декретированная общественная собственность на средства производства и землю была бы вполне доведена до состояния реального обобществления — до индивидуальной собственности каждого на общие условия производства, то есть были бы достаточны непосредственно присваиваемые каждым человеком общественные фонды потребления (на

образование, здравоохранение, жилье и др.), получили бы развитие формы присвоения трудового пая от коллективно используемых средств производства на предприятиях, в совхозах и другие методы индивидуального присвоения общего богатства. Пока, например, услуга врача (его способность оказывать медицинскую помощь) присваивалась каждым членом общества, она не приобретала товарную форму. Как только она перестает быть непосредственным достоянием каждого, она становится товаром.

Наемный рабочий потому и стал наемным, что в ходе движения страны к рынку он был лишен индивидуальной собственности на общие средства производства, отчужден от них. Раньше это прикрывалось декларированием общественной собственности на средства производства, роль нанимателя отводилась государственному аппарату. Теперь наряду с государством появляется и частный собственник на средства производства, а потому законодательное утверждение общественной собственности, ранее исключавшее частную собственность на крупные средства производства, отменяется, или, в лучшем случае, оставляется в виде собственности государства (республики) или региона (муниципальная собственность).

Если трудящимся не удалось, овладев государственной властью, утвердить себя хозяевами производства на основе общей собственности, то может быть они смогли бы стать собственниками средств производства на основе своего труда.? Ведь все из материальных благ, что произведено в обществе, сделано их руками, и они вправе претендовать на продукт своего труда как на свою собственность. К тому же союзный парламент в «Декларации прав и свобод человека» громкогласно объявил: «Каждый человек имеет право на труд и его результаты...» (ст. 23). Правда, в перечне включенных в содержание этого права пунктов оно низводится опять-таки до возможности распоряжаться своими способностями к труду, то есть до права на рабочую силу своих рук и головы, до права свободно выбирать работу или отказаться от нее, претендовать из результатов и условий труда лишь на минимум оплаты труда и на защиту от результатов уже возникшей безработицы, а не от самой безработицы. Ясно, что от права на труд и на его результаты ничего не остается, если речь не идет о праве собственности на средства производства, превращаемые в продукт, если не гарантируется право на труд, а говорится лишь о защите оставшихся без труда граждан.

Так почему же по отношению к результатам своего труда рабочие не смогли стать хозяевами, собственниками?

Это зависит не только от собственности на средства производства, но и от характера самого труда, от тех экономических законов и механизмов, которым подчиняются труд и присвоение его результатов. Если в обществе производство объявляется товарным, и его основным законом становится закон стоимости, то труд рабочих неизбежно оказывается наемным. Отдавая себя в наем, рабочий тем самым продает свою рабочую силу, свою способность к труду. В этих условиях он может претендовать лишь на эквивалент стоимости своей рабочей силы, то есть на предметы потребления, которые нужны для воспроизводства своей рабочей силы и которые по стоимости равны стоимости продаваемой и расходуемой им рабочей силы.

Хотя продукт труда рабочего по стоимости всегда больше, чем стоимость его рабочей силы, рабочий не может на основе труда претендовать на этот дополнительный продукт. Почему? Во-первых, потому, что стоимость получаемого им эквивалента за продажу рабочей силы определяется вовсе не тем трудом, который выполняет сам рабочий, а общественно необходимым трудом других работников, который затрачивается на воспроизводство его рабочей силы. Во-вторых, продукт является реализованным живым трудом и превращенной формой средств (предмета) труда, а рабочий получает лишь за проданную способность к труду, за возможность труда, а не за сам реальный труд. Таковы условия товарного производства и его закона — закона стоимости.

Стоимостные, товарно-денежные и рыночные механизмы, примененные к труду, не позволяют рабочему присвоить продукт согласно принципу, известному как распределение по труду. Поскольку рабочая сила в этих условиях остается товаром, то и присвоение происходит по стоимости рабочей силы, а не по реальному труду.

Принцип распределения по труду на основе стоимостного эквивалентного обмена труда на продукт лишь кажется присвоением посредством труда, то есть как будто труд дает рабочему право претендовать на свой продукт. В действительности обмен труда одной формы на труд другой формы (овеществленный в продукте) предполагает разрыв между трудом и собственностью, отсутствие собственности у рабочего, а потому и присвоение части его труда без эквивалента. Если производство основано на меновой стоимости, свободный и равный обмен эквивалентами в основе своей есть обмен овеществленного труда как меновой стоимости на живой труд как потребительную стоимость. Это есть

отношение труда к его объективным условиям, а потому и к создаваемым самим трудом результатам, как отношение к чужой собственности.

Если речь не идет о товарном производстве мелких производителей, то отношение стоимости есть по существу отношение присвоения чужого труда. Оно заложено в самой социальной природе наемного труда, поскольку в последнем всегда заключен прибавочный труд, продукт которого наемному рабочему не достается. Это отношение стоимости неизбежно закрепляется в соответствующих формах собственности: а) в частной собственности рабочего на свою рабочую силу; б) в частной собственности нанимателя на средства производства, будь этим нанимателем государство в лице своего аппарата, администрация государственного предприятия или кооператива, частный предприниматель или арендодатель. Нанимателю нет нужды в собственности на свои способности к труду, на свою рабочую силу, он их не продаст. Ему нужна собственность на средства производства. Рабочий же отчужден от собственности на эти средства. Отсюда отношение рабочего к такой собственности как к краже, ибо тот, кто нанимает рабочего (имеющего в своем достоянии лишь свою рабочую силу и предметы для ее воспроизводства), тот неизбежно получает право собственности на часть продукта труда рабочего. Отношение стоимости при обмене труда на продукт выступает по существу отношением эксплуатации.

Если рабочая сила остается товаром, а труд — наемным, то рабочий, отдавая свой труд в наем, не может претендовать на большую долю, чем стоимость своей сдаваемой в наем рабочей силы. Но реализуемая им в труде рабочая сила по причине своей производительности (потребительной стоимости) доставляет труда больше, чем необходимо рабочему для собственного воспроизводства, т.е. доставляет прибавочный труд и прибавочный продукт, который в стоимостном отношении выступает как прибавочная стоимость, принимающая формы прибыли, ренты, процента.

Стоимость же прибавочного продукта не входит в стоимость того необходимого продукта, который обменивается на рабочую силу. Рабочий, соответственно, не имеет права на прибавочный продукт своего же труда. Он присваивается другими, хотя и создается рабочими. Это и есть эксплуатация его труда.

¹ Советская Россия. 1991. 3 декабря. С.2.

Данное обстоятельство, то есть что рабочий, создавая прибавочный продукт, тем не менее, его не получает, порождает у рабочих требование покончить с частной собственностью и сделать собственность на средства производства коллективной, общей собственностью. В этом смысл социализма, призванного выполнить названное требование. И если руководители государства не идут по пути социализма, то тем самым они отказывают рабочим в их освобождении от главного социального ярма — от эксплуатации.

Это понимали и сами рабочие, когда началась пресловутая перестройка. Так, в своем обращении к народу рабочие В.И. Богатов (Тульская область), А.Е. Казазаев (Нижегородская область), а также народные депутаты РСФСР В.А. Тихонов (Красноярск), И.А. Шашвиашвили (Кузбасс) и др. писали, что как союзный центр, так и руководство России под ширмой смешанной экономики приступили к построению общества, основанного на частной собственности на средства производства, на эксплуатации большинства народа незначительной частью граждан, причем государственная эксплуатация дополняется или заменяется частной¹.

Социализм в нашей стране за предшествующий период, обобществив собственность на крупные средства производства и землю, устранил возможность эксплуатации труда со стороны частных собственников, но сохранил небывало разросшуюся, размножившуюся бюрократию, живущую за счет труда рабочих и крестьян. Эта бюрократия возжелала присваивать результаты прибавочного труда непосредственных производителей не только потому, что узурпирует государственную и всю административную власть и через нее — государственную собственность, но и потому, что несмотря на существование общественной собственности на средства производства, распределение предметов потребления осуществлялось и ныне происходит по капиталистическому принципу — по стоимости рабочей силы для наемных работников, а для нанимателей — по стоимости прибавочного продукта, доля от которой им достается и определяется в зависимости от занимаемого места в административной иерархии должностей.

Что же касается доли зарплаты в национальном продукте, то в бывшем СССР в 1991 г., по расчетам некоторых авторов, она без уче-

¹ Шаталин С. Дело не в нагнетании страха // ЭКО. 1990. №7. С.35.

² Правда. 1991. 12 декабря. С. 2.

та потребления из общественных фондов составляла лишь 36%. Еще более удручающе выглядят данные, приводившиеся в печати по отдельным предприятиям. Так, в 1989 году рабочие завода им. Свердлова г. Перми с 1 рубля произведенной продукции получили всего 12 копеек, т.е. 88% стоимости их продукции изымалось. Рабочим завода им. Ленина доставалось еще меньше — 9 копеек, а рабочим завода им. Дзержинского — всего 7 копеек с одного рубля продукции.

В период так называемого развитого социализма факты эксплуатации прикрывались рассуждениями об общественной собственности, самой по себе не допускающей вроде бы эксплуатацию труда. Однако общественная собственность без соответствующего реального обобществления процессов распределения предметов потребления, без реализации в сфере распределения и потребления жизненных благ еще не приводит к преодолению эксплуатации труда, хотя и меняет ее субъект и формы. Прибавочный продукт вроде бы присваивается «общенародным» государством, то есть как бы всеми, а на практике в значительной части его бюрократическим аппаратом и разрастающейся вокруг него массой прихлебателей.

Об эксплуатации труда открыто говорили «прорабы» перестройки. Причем не для того, чтобы признать ее и призвать к ее устранению. Наоборот, для того, чтобы доказать необходимость наемного труда и его эксплуатации. Так, покойному ныне академику С. Шаталину казались «демагогией» рассуждения, что нужно отменить эксплуатацию человека человеком, что наемный труд не должен существовать... Надо видеть, что капиталист, частный собственник отнюдь не вампир, выпивающий последнюю кровь у родного рабочего класса»¹. Шаталин был очень близок к властной верхушке.

По иному отнеслись к насаждению эксплуатации рабочие. Они понимали, что государство и его аппарат нужно содержать. Но одновременно они видели все возрастающие поборы государства, увеличение прямых и косвенных государственных налогов, повышение точного тарифа. Отсюда их требование — вернуть награбленное как реакция на грабеж со стороны новоявленной буржуазии, бизнесменов, представителей всякого рода посреднических фирм, теневой экономики. «В стране, — по словам шофера М. Тукалевского, — выделяется класс богачей за счет ужасающего обнищания общества в целом»².

Люди труда чувствуют, писал рабочий из Уренгоя Е. Володин, что они вроде бы и не быки, а в ярмо залезли. Они понимают, что руководящий корпус «общенародного» государства лишь играл с ними в товарищество и братство, а на самом деле господствовал над ними. Он создал и расширил слой потребителей, который достиг критической точки деградации — паразитизма, причем за счет растущей эксплуатации трудящихся. «От чего ушли семьдесят лет назад, — замечает Е. Володин, — к тому и вернулись. Тогда пролили море крови, теперь прольем столько, что океан покраснеет».

Можем вместе с писателем В. Распутиным сказать, что народ начинает разбираться, куда его втащили и какую роль для него приготовили. Вкус капитализма он однажды уже попробовал, он знает о беспощадности «Царя-голода».

3. Нужна ли рабочему собственность на средства производства

Нередко можно услышать, что рабочему нет дела до собственности на средства производства, ему безразлично, находятся ли они в собственности общества, государства, коллектива, или даже отдельных предпринимателей-частников. Рабочему вроде бы достаточно иметь собственность на продукт своего труда, тем более, что право это непосредственно основывается на его труде.

Однако чтобы быть собственником продукта своего труда, одного труда недостаточно. Надо еще быть собственником средств производства, то есть другого необходимого условия самого труда. Без собственности на материальные средства труда рабочему невозможно быть собственником и продукта своего труда. Точно так же нельзя стать предпринимателем (работодателем), не будучи собственником средств производства. Поэтому и рабочим, и их нанимателям, чтобы быть хозяевами, надо иметь собственность на условия труда — средства производства. Так что, в чьих руках собственность на средства производства, — это принципиальный вопрос. К нему не может быть безразличия.

Для рабочих необходимость в собственности на средства производства проистекает из их права на владение продуктом своего труда. Ведь в производстве продукта как потребительной стоимости участвует не только их труд, но и средства труда. Предметы и орудия труда в

конечном счете перевоплощаются в продукт, то есть продукт представляет собой новую потребительную форму превращенных в него предметов и орудий труда. Поэтому, повторяем, нельзя быть собственником продукта труда, не будучи собственником средств производства.

Из этого обстоятельства следует, что рабочий должен быть собственником не только результата (продукта) своего труда, но и его предпосылок. Эти предпосылки, то есть средства и иные условия производства, могут быть и чаще всего бывают результатом не только его труда, но и труда прошлых поколений или рабочих других отраслей производства и других предприятий. В создании этого продукта рабочие данного предприятия могут и не участвовать. Но это не значит, что они не должны претендовать на долю от собственности на средства производства, созданные благодаря совместному, всеобщему труду. Наоборот, отсюда возникает необходимость для каждого трудящегося в определенном участии в собственности на средства производства, принадлежащей всему обществу в общегосударственной или муниципальной форме.

Общественная собственность в форме государственной собственности на средства производства должна реализоваться как непосредственная собственность каждого, её следует довести до индивидуальной собственности. Без этого нельзя сделать всех собственниками, обеспечить каждому право на собственность. Если же раздать общую собственность на средства производства, передать их в частные руки, то на этой основе всех собственниками не сделать, то есть в наше время все не могут быть частными собственниками на совместно применяемые средства производства, но могут быть их совладельцами и одновременно иметь индивидуальную собственность от этих средств — долю общего дохода.

В такую индивидуальную форму собственности попадают многие блага совместного потребления, первоначально существующие как общенародное достояние — общественные фонды потребления. К ним мы относили бесплатные образовательные, медицинские и другие услуги. Даже если многие из них потеряют современную форму бесплатности, общество не может не отдавать часть совместно созданного богатства в индивидуальное потребление каждому. Без индивидуальной формы присвоения такого рода общие блага не могут существовать и реализоваться. Бесплатное школьное обучение, если все дети учатся в платных частных школах, в качестве общего блага существовать не может.

¹ Советская Россия, 1991, 2 ноября.

Нельзя, следовательно, предполагать, что в качестве собственника общих средств производства члены общества должны выступать

Раздел V

К потребительностоимостной экономической теории социализма

Одно из центральных мест в экономической теории социализма, как уже отмечалось, занимает вопрос об отношении к товарному производству, рыночной экономике, закону стоимости. После разрушения социализма в СССР и в ряде других стран возникает необходимость в новой постановке и решении вопроса о том, можно ли было завершить строительство социализма в этих странах на основе использования товарного производства, рыночных механизмов и закона стоимости. Можно ли вообще в условиях XX и XXI столетий, когда абсолютно все превращается в товар, в том числе человеческая совесть, использовать товарное производство и его законы для построения социализма?

Случилось так, что товарное производство и закон стоимости, используемые в СССР, особенно после экономической реформы 1965 г., привели к восстановлению капитализма. Надежда на то, что общественная собственность и советское государство не допустят этого, не оправдалась. Не подтвердились и суждения относительно полной и окончательной победы социализма (XXII съезд партии), перехода к так называемому развитому социализму (XXIV съезд партии). На деле капитализм в лице товарного производства и рыночной экономики вытеснил социализм, эти две противоположные сущности не смогли ужиться, рыночная сущность экономики поглотила социалистическую сущность.¹

Можно ли из этого обстоятельства сделать вывод о кризисе марксистской теории социализма, о чем не замедлили в свое время заявить многие бывшие попутчики марксизма, оправдывая свой отход от социализма и коммунизма как форм общественного устройства.

¹ Автор не согласен с характеристикой экономики СССР в этот период как единосущностной, то есть как экономики, имевшей лишь одну и ту же социалистическую сущность.

Марксизм, по словам Ю.А. Красина, «и как научно-теоретическая концепция, и как идеология находится в глубочайшем кризисе».¹ В том же духе высказался Л.И. Абалкин, утверждая, что кризис марксизма и его догм — только часть общей кризисной тенденции, сложившейся в общественных науках.²

В действительности в данном случае претерпевает кризис мелкобуржуазный социализм, который с самого начала пытался соединить социализм с товарным производством и обменом. Так, например, будущая хозяйственная коммуна, согласно взглядам Э. Дюринга, своим основным законом сохраняет закон стоимости. В наше время мелкобуржуазный социализм рядился в одежду «рыночного социализма», «социалистического товарного производства», «социалистической теории стоимости» и т.п. Их представители приобрели название «товарников».

Что касается теории научного социализма, то она предполагала построить социалистическое общество на другой экономической основе. Основоположники марксизма-ленинизма построение социализма на его собственной основе, в отличие от переходного периода к нему, не связывали с товарным производством и законом стоимости. Наоборот, они отрицали такую возможность.

Вот их основные высказывания на этот счет:

Маркс К.: «Пожелание, чтобы, например, меновая стоимость из формы товара и денег не развивалась в форму капитала или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развивался в наемный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо».³

«Насколько же иллюзорны представления некоторых социалистических школ, которые воображают, что можно сокрушить капитализм, применив к нему вечные законы товарного производства».⁴

«...Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством».⁵

¹ Красин Ю.А. Кризис марксизма и место марксистской традиции в истории общественной мысли // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 20.

² Абалкин Л.И. Экономическая теория на пути к новой парадигме // Вопросы экономики. 1993. № 1. С. 8.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 457.

⁴ Там же. Т. 49. С. 210.

⁵ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 102.

Энгельс Ф.: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями».¹ Действительность показала, что как только средства производства стали продаваться и покупаться, они ушли из под контроля объединенных индивидов и плана.

Ленин В.И.: Уже в переходный к социализму период продукт производства «не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром».² Социалистический продукт — это «продукт, идущий на общественное потребление не через рынок».³

В.И. Ленин в последнем случае имел в виду не переходный период, а время, когда Россия из нэповской станет социалистической. Если в переходный период при сохранении власти в руках трудящихся товарное производство могло быть использовано (НЭП), то социализм не мог базироваться на нем. В.И. Ленин был и остался принципиальным противником совмещения рыночной экономики и социализма. Судьбы социализма он связывал с организацией продуктообмена вместо стоимостного обмена. В.И. Ленин до конца своей жизни был убежден, что рыночное производство и стоимостной обмен неизбежно порождают капитализм, что без построения нового социалистического экономического фундамента (обмена продуктами, идущими на общественное потребление не через рынок) силы капитализма могут отнять все наши завоевания. Он не устал предупреждать об опасности возрождения капитализма, которая заключается в НЭПе.

Иных позиций по этому вопросу стал придерживаться И.В. Сталин. Он передвинул возможность преодоления товарного производства с социалистической стадии на коммунизм, полагая, что сохраняющееся при социализме товарное производство «никак не может развиваться в капиталистическое производство и ему суждено обслуживать совместно с его «денежным хозяйством» дело развития и укрепления социалистического производства».⁴

Он не согласился с Ф. Энгельсом относительно устранения товарного производства, сославшись на неопределенность его формулы о владении обществом средствами производства как условия преодо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 294.

² Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 43. С. 276.

³ Ленинский сборник. Т. XI. М., 1929. С. 388.

⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 17.

ления товарного производства, а также на возможность использования простого, не капиталистического товарного производства, аналогию с которым неоднократно проводил К. Маркс. При этом И.В. Сталин положение трудящегося человека, присвоение им средств к жизни посредством распределения по труду рассматривал не как социалистическое, а как стоимостное отношение. «Пока оплата по труду, — говорил он, — действует закон стоимости... Вот когда мы станем распределять по потребностям, а не по труду, тогда будет преодолен закон стоимости. Сейчас же мы еще вертимся, находимся в пределах закона стоимости. Мы хотим выйти из этого закона, преодолеть его, но еще не вышли, не преодолели».¹ Там, где есть товары и товарное производство, действует и закон стоимости.

Товарное производство, как оказалось, не только не устранялось, а наоборот, начиная с 1965 года, все больше расширялось и превратилось во время перестройки в основу экономической стратегии страны. Категории «прибыль», «себестоимость», «прибавочная стоимость», «стоимость рабочей силы как товара», «наемный труд», «капитал», «необходимый и прибавочный труд» и т.п. превратились в реально используемые понятия, отражающие расширение рыночной сферы экономики. Это относилось и к ранее используемому в производстве показателю «себестоимости», снижение которой считалось признаком социалистического, а не товарного производства. Но ведь если прибыль не входила в издержки производства и предприятию «себе» ничего не стоила, то это не значило, что она ничего не стоила рабочему. Она ему стоила прибавочного, неоплачиваемого труда. Обычно охотно признавались и принимались результаты производства в форме прибыли, но упорно отрицались предпосылки и условия получения этих результатов: необходимый труд как труд, полагаемый посредством прибавочного труда и ради него.

Имело место явное преувеличение положительных сторон товарного производства и закона стоимости и недооценка их отрицательных последствий. Вроде бы без закона стоимости нельзя было наладить ни хозяйственный расчет, ни рентабельность, ни воспитывать хозяйственников в духе рационального ведения производства и т.п. Что же касается основного экономического закона, выражающего движение потребительной стоимости и направляющего производство на лучшее удовлетворение потребностей трудящихся, то его требования декла-

¹ Косолапов Р.И. Слово товарищу Сталину. М., 1995. С. 162.

рировали и чаще относили к высшей фазе коммунизма, чем применяли на практике в первой его фазе.

Использование товарных форм производства и закона стоимости, приведшее к восстановлению капитализма, заставляет пересмотреть распространенный тезис о сохранении товарного производства при социализме и с учетом этого обновить экономическую теорию социализма. Это тем более важно в условиях, когда все то, что не имеет товарной природы, превращается в товар, в ложную стоимость, обнажая античеловечную сущность товарного мира.

Вопрос, однако, в следующем: чем заменить теорию стоимости и что на ее место предложить в качестве экономической теоретической базы построения и развития социализма, в его собственном, аутентичном смысле? Известна ли экономической науке эта база?

К сожалению, политическая экономия социализма товарному производству могла противопоставить лишь непосредственно общественное производство, рынку — план. На вопрос же о том, что приходит на место стоимости и ее исходного закона, она не отвечала. Между тем противоположность стоимости составляла и составляет потребительная стоимость и только последняя может заменить первую. Это противоречие не было понято в политической экономии социализма, не была должным образом оценена роль потребительной стоимости, хотя на практике развитие производительных сил, научно-технический прогресс, рост производительности труда происходили не по закону стоимости, а по закону потребительной стоимости. «Все развитие производительных сил касается потребительной стоимости, но не меновой стоимости».¹

Эта практика в политической экономии не была возведена в ранг основной теоретической концепции, на основе которой строился оценочный критерий эффективности социалистического производства и всей экономки. В теоретическом плане лишь Р.И. Косолапов призвал к созданию экономики потребительной стоимости.²

Объяснительная сила трудовой теории потребительной стоимости в качестве новой парадигмы обоснована и получила возможные на сегодня доказательства в работах В.Я. Ельмеева («Воспроизводство общества и человека». М., 1988; «К новой парадигме социально-экономического развития и познания общества» СПб., 1999), В.Г. Долгова («Управление научно-техническим прогрессом: потребительностоимостные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 330.

² Косолапов Р.И. Идеи разума и сердца. М., 1996. С. 175.

основы». Л., 1988), В.Я. Ельмеева, В.Г. Долгова, М.В. Попова («Выбор нового курса». М., 1991; Уроки и перспективы социализма в России СПб, 1997), Н.Ф. Дюдяева («Промышленные роботы и экономия живого труда: потребительственно-стоимостной анализ». Саранск, 1991), В.Ф. Байнева («Научно-технический прогресс и энергоснабжение: потребительственно-стоимостной анализ эффективности производства электроэнергии». Саранск, 1998), в коллективной монографии «Будущее за обществом труда». СПб, 2003. Эта концепция поддержана многими авторами, в том числе С.С. Губановым, Ю.С. Перевощиковым, А.А. Румянцевым, В.И. Сиськовым, А.В. Золотовым и др. Близкие позиции занимает американский экономист Линдон Ларуш («Физическая экономика...». М., 1997) и его сторонники в России: А.Н. Чекалин, Т.В. Мурашевский и др. Можно сказать, что все экономисты, пытающиеся объяснить экономический рост и развитие, вынуждены обращаться к потребительственно-стоимостным категориям: труду, производительным силам, технике, технологии и т.п., то есть к категориям «физической» экономики.

Однако противостоящее товарному производству потребительственно-стоимостное производство вовремя не было осознано экономической теорией в качестве объекта новой концептуальной парадигмы, не были приняты его законы и категории в состав основных понятий экономической науки. От категорий потребительственно-стоимостной экономики отделялись как от чего-то «натурального», «товароведческого», в лучшем случае признавали за ними лишь роль материального носителя собственно экономической категории стоимости. Не случайно поэтому успехи в развитии производства приписывались хозяйственным реформам, каждый раз расширяющим товарно-денежные отношения, особенно после смерти И.В. Сталина, а все то, что тормозило развитие, возлагалось на собственно социалистическое начало и экономическое планирование.

В этом отношении ситуация в экономической науке долго не менялась и в современной России. Об этом можно судить по материалам проведенной первой после 1951 г. масштабной экономической дискуссии в 1995 — 1996 г.г.¹ На этот раз в центре внимания оказались концептуальные основания современной экономической науки,

¹ Материалы дискуссии опубликованы в следующих изданиях: «Экономическая теория на пороге XXI века». Т.1, 2, Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева и др. СПб, 1996; «Экономическая наука на рубеже веков. Доклады и тезисы сообщений» СПб. Изд-во СПбГТУ. 1997. В дальнейшем в тексте приводятся фамилии участников дискуссии.

вопросы соотношения классической экономической теории и экономики, поиски новой парадигмы, позволяющей преодолеть кризис в экономической теории и в хозяйственном развитии страны.

Постановка вопроса о кризисе в экономической науке потребовала оценки не только теории, которая оказалась в кризисной ситуации, но и теории, которая претендует на ведущее место, ее способности вывести науку из кризиса, составить новую парадигму. В процессе дискуссии обнаружилось, что на эту роль претендуют как классическая экономическая теория, так и экономикс, соответственно, как теория стоимости, так и теория предельной полезности.

В пользу экономикса на словах и безоговорочно высказывались тогда немногие (И.Е. Рудакова, Н.И. Шехет). Полагали, что экономикс представляет всю экономическую науку, является сводом всех ее направлений и теорий, предназначенных для практического использования. Призывали обогатить экономикс, принять его философскую базу — позитивизм, признать экономикс по крайней мере частью существующей экономической науки и использовать его инструментарий для наспех строящейся переходной к капитализму экономики.

Большинство же участников дискуссии предлагали возникшие проблемы решать на основе классической экономической теории — теории стоимости, внося в нее соответствующие изменения. У некоторых авторов эти изменения трактовались как отказ от труда как субстанциальной основы стоимости, как сведение самой стоимости к полезностным оценкам (ценностям). Эта крайность не нашла должной поддержки: называлась в качестве примера приватизация, которая привела к разбазариванию народного богатства из-за игнорирования трудового критерия его оценки (А.З. Селезнев).

Значительная часть экономистов проблему «классика или экономикс» предлагала решать путем их синтеза. По мнению одних эти две концепции не противостоят друг другу, они вполне совместимы, что на Западе продемонстрировали А. Маршалл и П. Самуэльсон (В.В. Радаев и др.). Полярности вроде бы не нужны, нужна единая наука, но с плюралистической основой (А.В. Сидорович, Н.В. Климин). Теория же трудовой стоимости и теория полезности якобы являются односторонним толкованием реально существующих экономических отношений. Нужен их синтез, как этого требовал М.И. Туган-Барановский. Экономикс как раз их синтезирует (Н.В. Расков). Предлагали синтезировать трудовую теорию стоимости К. Маркса и теорию полезности.

Представляется, что это наихудший вариант решения проблемы «классика или экономикс», как и многих подобных вопросов, имеющих дело с противоположностями. Теория предельной полезности возникла как противоположность трудовой теории стоимости и в этом смысле об их синтезе не может быть и речи. Ни К. Маркс с Ф. Энгельсом не думали идти на «синтез» с теорией предельной полезности, ни Е. Бем-Баверк не хотел соединить свою концепцию с трудовой теорией стоимости К. Маркса.

В попытках синтеза теории стоимости и теории полезности, особенно потребительно-стоимостной теории и теории стоимости, легко заметить ту же линию, которую проводили «прорабы» перестройки, предлагая соединить социализм с капитализмом, рыночную экономику с плановым ведением хозяйства, власть буржуазии с властью народа и т.п. Синтеза этих противоположных сущностей не произошло и не может произойти в принципе, то есть по определению взаимодействующих разносущностных противоположностей и противоречия между ними.

С этой точки зрения нельзя принять суждения относительно того, что генеральной линией развития экономической мысли в России, идущей чуть ли не от М.И. Туган-Барановского, является движение к синтезу трудовой теории стоимости и теории полезности, что теория полезности дополняет и развивает трудовую теорию стоимости, что их органический синтез — это методологическая основа концепции новой, эффективной системы хозяйствования.

Придание этому тезису столь важного методологического значения вызывает необходимость в разъяснении вопроса о методологии решения противоречий между парадигмами как полюсами противоречия: а) как между двумя противоположными сущностями; б) как противоречивыми сторонами одной и той же сущности. Противоречия первого типа предполагают, что из двух противоположных сущностей действительной для данного состояния общества является одна из них: или господствуют отношения стоимости, или, наоборот, отношения потребительной стоимости. Это условие связано с несостоятельностью дуализма при определении сущности того или иного явления. Соответственно, по своей сущности теория может быть или стоимостной или не стоимостной, а хозяйственная практика — рыночной или нерыночной. Дуализма одной и той же сущности не бывает, обе допускаемые противоположные сущности не могут быть одинаково истинными, на практике побеждает и господствует одна из них. Полагают, например, что сто-

имость и полезность — это две стороны одной и той же медали. Но не говорят, что собой представляет эта медаль, какова ее сущность: товар ли она, или же не товар (лишь потребительная стоимость). Если товар, то сущность стоимостная, если нет, то наоборот.

Иное дело, когда речь идет о противоречивых сторонах одной и той же сущности, которые не возводятся в самостоятельные сущности и характеризуют с разных, противоположных сторон одну и ту же сущность. В этом случае предполагается их существование в некоем едином начале, образующем основание для разных противоречивых сторон, причем в это основание превращается одна из этих сторон (противоположностей) в виде более высокой ступени развития явления. Если, например, стоимость составляет основание, то потребительная стоимость есть лишь носитель, предпосылка стоимости, и наоборот.

Разграничение противоположности двух сущностей и противоположности одной и той же сущности необходимо для того, чтобы установить способ разрешения разных типов противоречий. Первые из них разрешаются объяснением проблемы на основе признания одной из сущностей в качестве действительной основы и устранением дуализма, и тем более плюрализма в выборе основания теории.

Разрешение второго типа противоречий не требует устранения одной из сторон противоречия. Здесь достаточно выявить, какая из сторон противоречия опосредствует другие стороны и само противоречие, и которая становится основанием как для собственного развития, так и своей противоположности. То, что проистекает из этого опосредствующего начала, образует необходимое единство, возникающее в результате разрешения данного противоречия. Этот новый монизм выступает более высоким и самостоятельно существующим принципом экономической теории.

В марксистской экономической науке таким единым сущностным началом выступает труд, и именно поэтому она для социализма должна называться политической экономией труда. Разрешение противоречия между трудом как источником стоимости и трудом как создателем потребительной стоимости здесь осуществляется в рамках одной и той же сущности — труда как создателя потребительной стоимости: с развитием общества происходит отрицание господства стоимости и превращение потребительной стоимости в господствующее начало, делающее экономическую систему целостной, а теорию монистической.

Противоположность стоимостной и потребительностоймостной парадигм как несовместимых по своей сущности концепций до сих пор не

осознается многими современными экономистами как основное противоречие в развитии экономической науки. Между тем еще Аристотель противопоставлял экономику хрематистике: первая имеет дело с благами, необходимыми для жизни и полезными для дома и государства, т.е. с потребительностоимостными благами, вторая — с денежным богатством, с тем, как наживать состояние, делать деньги.¹

Противоположность между трудом, производящим потребительную стоимость, и трудом, создающим стоимость, по словам К. Маркса, волновала Европу в течение всего XVIII столетия. Она породила ряд серьезных противоречий в буржуазной политической экономии, приведших ее к разложению и вульгаризации.² Это, прежде всего, противоречия, возникшие при определении меновой стоимости труда и земли как «отца» и «матери» богатства: если к труду применить понятие меновой стоимости, то последнюю уже нельзя измерять трудом и временем, ибо получается порочный круг — стоимость определяется стоимостью; земля также не может иметь стоимости, поскольку не является продуктом труда. Получается, что труд и земля как потребительные стоимости противостоят меновой стоимости. Далее, если меновая стоимость определяется общественно необходимым трудом, то есть на основе закона стоимости, то почему рыночная цена как выражение стоимости должна зависеть от спроса и предложения, обусловленных движением потребительных стоимостей? И здесь меновая стоимость сталкивается со своей противоположностью — потребительной стоимостью.

Это же противоречие возникает при объяснении взаимоотношения между стоимостью продукта труда и стоимостью рабочей силы рабочего, создающего продукт. Согласно закону стоимости (эквивалентному обмену) меновая стоимость продукта должна быть равна содержащемуся в нем рабочему времени и, следовательно, меновая стоимость рабочего дня должна равняться стоимости продукта этого дня, то есть заработная плата должна совпадать со стоимостью продукта труда рабочего. Тогда необъяснимыми становятся происхождение прибавочной стоимости и тот факт, что рабочий получает меньше меновой стоимости продукта своего труда. И в этом случае решение проблемы упирается в признание противоречия между стоимостью и потребительной стоимостью рабочей силы. Без этого не объяснить образование прибавочной стоимости.

¹ Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М., 1983. С. 390.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 43, 48.

Против стоимостной парадигмы с самого начала выступал маржинализм, противопоставляя ей полезностную концепцию. Однако стоимостной принцип не был преодолен, и, в итоге, пришлось идти на компромисс — возникли неоклассика и современный экономикс. Противоречие двух парадигм в экономической теории осталось неразрешенным, сохранился дуализм, переросший в парадигматический плюрализм.

Маржинализм не сумел преодолеть трудовую теорию стоимости и вынужден был в лице экономикса пойти на компромисс с ней, даже принять ее за основу. Однако из синтеза двух противоположных парадигм (стоимостной и полезностной) не получить новую парадигму, если не преодолеть одну из них и не сделать другую основанием новой концепции. Действительно новой может стать лишь та парадигма, которая представляет собой диалектическое отрицание стоимостной теории и теории предельной полезности.

В процессе указанной дискуссии особое внимание привлек вопрос о смене существующей классической парадигмы в экономической теории и выдвижении новой парадигмы, которая смогла бы сменить старую и способствовать преодолению кризиса и противоречий в современной экономической науке.

Положение дел в России показывает, что в наше время перевод высоко обобществленной индустриально развитой экономики на базу товарно-рыночного хозяйства неизбежно приводит к кризису и разрушению производительных сил. Можно быть уверенным, что развитым капиталистическим странам не удастся вытащить Россию из экономической ямы и продемонстрировать на ее примере «новые» возможности капиталистической рыночной модели развития. Мировая общественность в лице конференции ООН (Рио-де-Жанейро, 1992) подвергла сомнению модель развития, которой следовали крупные капиталистические страны, и не рекомендовала ее для остальных стран мира, вступающих в XXI век. Одновременно опыт разрушения основ социализма в России и в других странах посредством внедрения современных рыночно-стоимостных механизмов, характерных для США и Запада, свидетельствует, что эти механизмы несут с собой разрушение не только локальных, но и мировых производительных сил. Это говорит о том, что стоимостная парадигма не годится и для обоснования возможности дальнейшего развития всей мировой экономики.

Кроме объективно возникшей кризисной ситуации в экономической жизни современного общества, что в концентрированном виде об-

наружилось в России в связи с ее переходом на рельсы монетарного товарного хозяйства, необходимость в новой парадигме диктуется состоянием самой отражающей рынок экономической науки — возникшими в ней противоречиями и кризисом, не позволяющими решить многие теоретические проблемы, в частности, вопрос о том, с какой теорией можно войти в третье тысячелетие — стоимостной или полезностной. Ведь если речь идет о новой парадигме, то надо преодолеть старые — прежде всего стоимостную, на которой основана классическая политическая экономия, а также определить, в какой мере это удалось сделать маржинализму и экономиксу, или же последние не смогли выполнить данную задачу и сами подлежат преодолению.

Чтобы предложить то или иное решение этих проблем, необходимо в качестве предпосылки признать или отрицать наличие кризиса в самой экономической науке. Большинство участников дискуссии признали кризисное состояние современной экономической теории. По мнению Ю.М. Осипова в парадигмальном кризисе находится сама классическая экономическая наука. Ей противостоит экономикс, который пытается собой заменить классику. Последняя, хотя и обороняется, но терпит поражение прежде всего в отношении своей главной парадигмы — теории стоимости, в частности, ее трудовой основы. Другие экономисты (например, Б.Л. Воркуев) связывают кризис с появлением в экономической науке экономикса и той ситуации, которая, начиная с тезиса Н. Шмелева «рынок всегда прав» и кончая требованием М. Фридмана о проведении тотальной приватизации, олицетворяет кризис не только в теории, но и в практике хозяйственной деятельности нашей страны. Указывают и на другие проявления наступившего кризиса: отрыв экономической теории от практики (В.А. Пешехонов); догматизация как классической, так и неклассической экономической теории (А.В. Бузгалин); рассмотрение экономики вне социальной сферы, вне ее направленности на человека и его развитие (В.Т. Пуляев) и др.

Отдельные экономисты, как уже отмечалось, кризис отождествляют с кризисом марксизма, его основополагающих принципов о первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания, его учения об общественно-экономических формациях, объективной причинности и др. (Л.И. Абалкин). Полагают, что распад практического социализма вызвал кризис и его теоретических основ (В.А. Медведев).

Попытки свести причины кризиса к издержкам трудовой теории стоимости, ее субстанциональной основы, а также возложить вину на

марксистское направление в общественнознании, вызвали противоположную ответную реакцию: многие не согласились с тем, что к кризису приводит марксизм (В.А. Пешехонов), характеризовали марксистскую классику здоровым направлением, устойчиво противостоящим ведущему к кризису неклассическому экономиксу, или сводили проблему к обычным спорам между различными направлениями в экономической науке, к борьбе с догматизмом, идеологическим вмешательством и даже — к очередной инвентаризации методического «багажа» науки накануне нового века (А.А. Демин), полагая, что ни классическая политэкономия, ни экономикс никакого кризиса на переживают (К.А. Хубиев).

С этим, конечно, нельзя согласиться. Если в экономике разразился кризис, то и теория, на которой базируется управление экономикой, оказывается непригодной для дальнейшего ее нормального развития. К сожалению, участники дискуссии не предложили, кроме защиты классики, положительного решения противоречий, вызванных существованием стоимостной и полезностной парадигм. В практике преподавания экономических дисциплин ведущее место занял экономикс. В России остались две — три кафедры политической экономии, о политической экономии социализма речь уже не идет, она не включена в образовательные стандарты.

Между тем явный провал российской рыночной экономики неизбежно приводит к такому же провалу обслуживающего ее экономикса, а вместе с ним и всей концепции товарного общества. Создаются новые, причем благоприятные условия: во-первых, для преодоления рыночно-стоимостной теории и внедрения в науку потребительственно-стоимостной парадигмы; во-вторых, для выявления непригодности рыночной теории и практики как инструментов, используемых в собственно социалистическом строительстве; и в-третьих, для обновления и обоснования экономической теории социализма на основе потребительственно-стоимостной парадигмы.

Эта парадигма должна служить базой для того, чтобы «предстояла еще более значительная победа политической экономии труда над политической экономией капитала»¹, и тем самым был бы решен великий спор «между слепым господством закона спроса и предложением, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 9.

нием, в чем заключается политическая экономия рабочего класса».¹ Из приведенных положений Учредительного манифеста Международного Товарищества Рабочих явствует, что наиболее существенной для научной экономической теории социализма задачей является создание политической экономии труда. Мы много знаем о труде, производящем стоимость, но очень мало — о труде, созидающем потребительную стоимость. В последнем случае часто ограничивались фразой об отсутствии социально-экономической определенности у труда, производящего потребительную стоимость, полагая, что он свойственен всем общественно-экономическим формациям, но не имеет специфического содержания, касающегося отдельных формаций.

В действительности труд в этом качестве обладает в высшей степени специфической социальностью, не говоря уже о том, что до возникновения капиталистического товарного хозяйства экономика базировалась на труде, производящим потребительную стоимость. Именно в этом социально-экономическом качестве труд должен быть положен и в основу политической экономии социализма как политической экономии труда. Социализм по определению должен иметь дело с производством, которое явилось бы лишь средством для удовлетворения потребностей, производством ради потребительной стоимости, то есть таким производством, в «котором господствовала бы только потребительная стоимость».² Отсюда необходимость в разработке трудовой теории потребительной стоимости, преодолевающей не только теорию стоимости, но и маржинализм, и составляющей сердцевину политической экономии социализма — политической экономии труда.

Закон потребительной стоимости, взятый в своем первом простом виде, отражает связь между трудом и его продуктом, но иную, чем это имеет место в законе стоимости: если законом стоимости выражается связь, идущая от труда, взятого в его общественно необходимых затратах, к его результату, овеществленному в стоимости, то закон производства потребительной стоимости, наоборот, устанавливает обратную зависимость затрат живого труда от общественной потребительной стоимости продукта, от потребности в нем. В первом законе стоимость результата определяется общественно необходимым для его производства трудом, то есть мы исходим из затрат труда. Вторым законом, то есть законом потребительной стоимости, выражается обратная связь:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 9.

² Там же. Т. 26. Ч. III. С. 50.

мы исходим из потребительной стоимости продукта и идем в обратном направлении — к созидающему ее труду, чтобы определить, сколько нужно затратить труда, чтобы иметь данную потребительную стоимость и удовлетворить данные потребности в ней. По закону стоимости этого нельзя сделать, ибо в нем трудом обуславливается лишь стоимость продукта, сама же «стоимость» труда, величина труда остаются необъясненными. Труд, его затраты в рамках закона стоимости не приобретают своей причинной обусловленности со стороны продукта, и поэтому мы лишены возможности определить величину труда, что, безусловно, свидетельствует об ограниченностях классической стоимостной теории и соответствующей ей практики. В законе потребительной стоимости преодолеваются эти ограниченности, он является законом, по которому общество определяет, сколько необходимо трудиться, уделять времени материальному производству, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности.

Ввести этот закон в экономическую науку, даже в его исходной общей форме, не так-то легко. Кажется чем-то самим собой разумеющимся определить действие закона потребительной стоимости через отношение полезности продукта к овеществленному в нем труду. Но как только трактовка данного закона переводится в эту плоскость, так неизбежно встаем на путь, который ведет к закону стоимости. Вековое господство отношений стоимости всякому взаимодействию труда и его результата, если даже результат берется как потребительная стоимость, заставляет придавать стоимостной характер, рассматривать его в рамках теории стоимости и ее законов. Конечно, производство потребительной стоимости (как и стоимости) требует определенного, причем необходимого для удовлетворения данной потребности количества затрат труда. Но если потребительную стоимость (полезность) результата хотят определить через эти необходимые (предельные, оптимальные, дифференциальные и т.п.) затраты, то законы движения потребительной стоимости оказываются частным случаем (или дополнением) законов стоимости.

Этого, к сожалению, не избежал и В.В. Новожилов при анализе затрат и результатов труда. Он полагал, что общественные затраты труда и времени, необходимые по условиям потребления, а также соответствующие суждения К. Маркса об этом новом смысле общественно необходимого рабочего времени, свидетельствуют лишь о более развитом выражении закона стоимости, учитывающем не только

условия ее производства, но и условия ее реализации в потреблении, то есть если товар не покупается, то затраченный на него труд перестает быть необходимым. Поэтому, по мнению В.В. Новожилова, соответствие производства потребностям, а также труда, необходимого по условиям потребления (реализации стоимости), труду, необходимому по условиям производства стоимости, осуществляется на основе затраченного труда. Все потребительские оценки как средств производства, так и предметов потребления должны быть выражены в той же единице, в какой измеряются затраты общественного труда.¹

В этом случае измерение осуществляется по закону стоимости и речь идет лишь о том, чтобы учесть зависимость меновой стоимости от потребительной стоимости, то есть то обстоятельство, что потребительная стоимость есть предпосылка меновой стоимости, без первой нет и второй. По этой причине приходится обращаться к услугам потребительной стоимости как предпосылке меновой стоимости и на этой основе считать необходимыми лишь те затраты на производство товаров, которые покупаются, потребляются. Затраты здесь ставятся в зависимость от потребления, платежеспособного спроса, что в какой-то мере выходит за рамки стоимостного отношения.

В рамках же закона потребительной стоимости необходимый труд и необходимое рабочее время приобретают совсем иной, противоположный смысл: они становятся необходимыми по требованиям удовлетворения потребностей в данных потребительных стоимостях. Необходимый труд, взятый в этом смысле, не имеет отношения к меновой стоимости, не является ее эквивалентом. В законе потребительной стоимости предпосылкой в движении последней выступают не затраты труда на ее создание, не ее обусловленность этими затратами, а наоборот, обусловленность затрат труда потребительной стоимостью продукта и стоящими за ней потребностями общества. Здесь мера потребления определяет меру труда.

Величина и пределы затрат труда в этом случае обуславливаются потребностями, а время труда, оставаясь полюсом данного экономического отношения, приобретает принципиально иное значение. Когда говорится о необходимом рабочем времени общества в смысле того времени, которое нужно обществу израсходовать для удовлетворения данных потребностей, то это время не выступает мерой стоимости про-

¹ Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С. 369.

дукта. Такого рода необходимый труд имеет отношение к потребительной стоимости, а не к меновой стоимости. Здесь имеется в виду не то рабочее время, которое необходимо для того, чтобы создать ту или иную стоимость, в том числе стоимость суммы благ, необходимых рабочему для своего существования и для воспроизводства своей рабочей силы. Речь идет об относительной необходимости удовлетворения потребностей продуктами тех или иных видов труда, например, об удовлетворении потребностей в питании посредством земледельческого труда, который в этом отношении является самым необходимым.

В общем же виде такого рода необходимое рабочее время определяется и многими другими обстоятельствами, связанными с потребительной стоимостью, ее потреблением и потребностями людей. Нужно указать прежде всего на то, что именно потребительная стоимость жизненных средств работника диктует, сколько нужно затратить труда и времени на их производство (если эти затраты определять стоимостью жизненных средств, то мы оказываемся в порочном кругу: трудом определяется их стоимость, их стоимостью — труд). Рабочее время и количество производительного труда, необходимые для жизни общества, зависят от количества нуждающихся в средствах существования людей, то есть от общего количества потребителей и потребительских «корзин», от потребительной силы общества. Объем необходимого рабочего времени, в свою очередь, находится в зависимости от другого потребительностоимостного фактора — производительной силы общества. Последняя во многом предопределяет численность занятых производительным трудом, и, следовательно, объем необходимого рабочего времени данного общества.

Зависимость затрат труда и рабочего времени от потребностей общества и от необходимых для этого потребительных стоимостей, существующих в виде средств для жизни и средств для труда, очевидна. Возникает, однако, вопрос: не будут ли эти затраты, взятые по отношению к потребительной стоимости, ее мерой, измерением, то есть нельзя ли потребительную стоимость измерять этим же затраченным трудом (как и стоимость), но с той лишь разницей, что он затрачен по условиям потребления, а не производства. Если воспользоваться примером К. Маркса относительно того, что Робинзон на своем острове распределял свое рабочее время и свои трудовые функции согласно полезным эффектам предметов потребления, то нельзя ли такое распределение рабочего времени (в зависимости от потребительной стоимости продукта) считать отношением, в котором «уже

заключаются все существенные определения стоимости» (Маркс).

Такое утверждение будет неправильным, оно сводит потребительскую стоимость к стоимости и возвращает к закону стоимости. Но это не значит, что эти два закона нигде не пересекаются, что закон потребительской стоимости не содержит в себе в снятом виде отрицаемое стоимостное отношение продукта к созидающему его труду, и, наоборот, что требование потребительской стоимости затрачивать труд, необходимый лишь по целям потребления (лишнее, не потребленное пропадает), не учитывается в законе стоимости. К тому же оба закона имеют общее основание — труд, затраты которого должны учитываться в любом обществе.

Вторым, более глубоким определением закона потребительской стоимости является выражаемый им принцип превышения результатов труда над его затратами. Если закон стоимости зиждется на принципе эквивалентности общественно необходимых затрат и стоимости товара, то закон потребительской стоимости в своем сущностном определении базируется на противоположном принципе — труд по условиям производства потребительской стоимости не равен, не эквивалентен не только труду по производству стоимости, но и по созданию потребительской стоимости. Казалось бы, например, что вне эквивалентности затрат и результата, содержащейся в законе стоимости, не мыслимо соответствие между производством и потреблением. Но это не так. Закон стоимости на самом деле не предполагает такого соответствия, ибо движение стоимости находится в отношениях обратной пропорциональности как с ростом производительности труда, так и с возвышением потребностей. И, наоборот, соответствие производства и потребления достигается тогда, когда потребительная стоимость продукта превышает затраты труда на его производство. Этого рода диспропорциональность (неравносность) как раз и обеспечивает пропорциональность производства и потребления, поскольку здесь осуществляется возвышение потребностей и их удовлетворения при минимизации трудовых затрат.

Этот принцип — главное в определении закона потребительской стоимости, ибо им объясняется все то, что не подпадает под объяснительную силу закона стоимости, например, понимание того, почему при эквивалентном обмене на жизненные средства рабочая сила производит прибавочную (дополнительную) стоимость. Превосходство результата труда по своей полезности (потребительской стоимости) над затратами труда на его достижение составляет, по нашему глубокому убеждению, смысл и назначение человеческой деятельности и

всего развития общества. Поэтому объяснению того, как, по каким законам происходит прирост потребительной стоимости (полезности), нужно уделить особое внимание.

Здесь нельзя ограничиться абстрактным и простым определением закона потребительной стоимости: объяснением зависимости величины затрат труда от потребительной стоимости продукта и их пропорциональности по условиям потребления. Речь должна идти о возрастании, увеличении, получении прибавочной (дополнительной) потребительной стоимости. Для решения этих вопросов требуется более глубокое, сущностное определение самой потребительной стоимости, позволяющее понять ее динамику, изменение степени полезного эффекта блага. Подобно тому, как для объяснения самовозрастания стоимости (производства прибавочной стоимости) недостаточны законы простого товарного хозяйства, так и для понимания процесса увеличения потребительной стоимости факторов и продукта производства нельзя ограничиваться знаниями того, что полезность продукта и потребность в нем обуславливают время, необходимое для его производства, и что время и труд должны распределяться пропорционально потребностям в определенной массе потребительных стоимостей. Необходимо еще знать закон, согласно которому прирастает потребительная стоимость факторов производства в процессе их производительного потребления, а также полезность самого труда в процессе индивидуального потребления. Для этого надо предварительно определить потребительную стоимость основных факторов производства — средств производства и рабочей силы с точки зрения их участия в увеличении потребительной стоимости результата производства, в создании новой производительной и потребительной силы общества.

Известно, что согласно закону стоимости средства производства лишь переносят свою стоимость на продукт по мере их износа. Что касается потребительной стоимости материальных средств производства, то она, реализуясь в производственном потреблении, сводится, в конечном счете, к замещению ими живого человеческого труда, к его высвобождению и, следовательно, к повышению производительной силы функционирующего труда. Конечно, это не исключает маргиналистской характеристики средств производства или производительных благ с точки зрения их служения удовлетворению человеческих потребностей, а также соответствующего определения их ценности через ценность создаваемого при их помощи продукта, в частности заключительного, конечного продукта, удовлетворяющего непосредственно человеческие потребности.

Проблема заключается в том, как определить полезность (ценность) самого этого конечного продукта, что взять для его оценки вместо субъективного критерия полезности. Трудовая теория потребительной стоимости предлагает для этого вполне объективный критерий — замещение, высвобождение средствами производства живого человеческого труда. Потребительная стоимость машины, как известно, — это замещение ею живого труда. Прошлый труд, овеществленный в виде потребительной стоимости средств производства, в этом случае выступает как средство высвобождения живого труда или уменьшения времени труда рабочих. При этом высвобождаемого труда должно быть больше, чем было затрачено на создание данных средств производства, на достижение данной экономии труда. Затраты же абстрактного труда (издержки производства), образующие стоимость, составляют некую антиполезность, должны вычитаться из полезного действия средств производства, из их потребительной стоимости. В итоге разность между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать величину полезности средств производства, их потребительную стоимость, реализуемую в процессе их производительного потребления.

По отношению к продукту производства потребительная стоимость средств производства и рабочей силы реализуется в более высокой потребительной стоимости самого продукта, которая, однако, выявляется в процессе его последующего производительного потребления в виде, с одной стороны, новых материальных средств (техники), с другой — жизненных средств, потребляемых рабочей силой. Продукт, вступая в качестве средств труда в новый процесс труда, утрачивает свой характер продукта, становится «жизненным» средством труда.

Из определения потребительной стоимости продуктов труда, реализуемой в их потреблении как факторов производства, средств труда и рабочей силы, следует, что их потребительная стоимость может быть сведена к одной и той же основе — высвобождаемому, незатраченному труду, взятому в соотношении с затраченным на их производство трудом. Эта общая основа делает потребительные стоимости соизмеримыми. Тем самым получает решение одна из серьезнейших проблем экономической науки — соизмерение потребительных стоимостей, причем оно осуществляется на объективной, трудовой основе — посредством единицы высвобождаемого, сэкономленного труда. Отпадает, следовательно, тезис о несоизмеримости разнородных потребительных стоимостей, о том, что они могут соизмеряться только косвенно, через затраты труда (стоимость), хотя и учитывающие условия потребления.

Итак, закон потребительной стоимости в его сущностном виде выражает экономическую связь между трудом, высвобожденным в результате реализации конкретного труда в полезных свойствах продукта при его потреблении, и трудом, затрачиваемым на производство этого продукта. Полезные свойства продукта, его потребительная стоимость в данном случае заключаются в совокупной величине незатрачиваемого труда, получаемого в будущем при использовании продукта для замещения средства производства или жизненного средства.

На той и другой стороне отношения выступает труд, составляющий общую платформу для их взаимодействия и соизмерения: труд выполняет свое назначение создателя продукта в качестве конкретного труда, реализующегося в полезностных свойствах продукта, и сохраняет свое значение затрачиваемого рабочего времени на производство данного полезного эффекта, причем в количестве, определяемом объемом потребности в этом продукте. Закон, таким образом, выражает условия и предпосылки движения труда как источника потребительноценностного богатства, а вовсе не изменение натуральных свойств продукта, или движение потребительной стоимости как носителя меновой стоимости, ибо в таком смысле потребительная стоимость относится к товароведению.

Сферой действия закона производства потребительной стоимости остается труд, рассматриваемый в качестве источника материального богатства. Теория закона исходит из решающей роли труда и с этой точки зрения методологическим принципом исследования движения потребительной стоимости выступает трудовая концепция. Сохраняет силу и отношение произведенного полезного результата к источнику своего происхождения — реальному труду и к его естественной мере — рабочему времени. Дело лишь в том, что это время перестает служить измерителем потребительной стоимости. Им выступает уже не затраченное, а высвобождаемое при замещении прежнего средства производства или жизненного средства время. В этом суть решения проблемы. Поиски единицы (предела) полезности наподобие особого веса самой тяжести или особой температуры самой теплоты не могли увенчаться успехом, ибо в такой постановке эта проблема неразрешима. Отсюда обращение к субъективным оценкам полезности. Между тем закон потребительной стоимости имеет не менее четкую количественную определенность, чем закон стоимости. Потребительная стоимость любого продукта может быть сведена к одинаковой основе — высвобождаемому благодаря использованию его полезности живому

труду, а единица этого сэкономленного труда может служить не менее добротной мерой потребительных стоимостей, чем единица затраченного, овеществленного в них общественного труда для измерения стоимостей. Надо лишь иметь в виду, что экономия труда в роли полезного эффекта не имеет затратного характера, а потому единицей его измерения служит высвобождаемый труд, соизмеряемый с затратами труда на достижение указанного полезного эффекта. Во что превращается этот излишек труда — это другой вопрос. Обычно его связывают с социальной отдачей в виде свободного времени.

Величина потребительной стоимости продукта, соответственно, определяется экономией общественного труда, рассчитываемой как разность между количеством высвобожденного живого труда и объемом труда, затраченного на достижение данного полезного эффекта. Как в первом, так и во втором случае речь идет о труде, выраженном одной и той же мерой (временем), что создает общее основание для их соизмерения. Сведенные к нему различные, замещающие прежние, потребительные стоимости становятся количественно сравнимыми. Их нельзя выразить количеством воплощенного в них труда. К ним применяется другое мерило, которое лежит вне природы продукта как меновой стоимости.¹

Этой мерой, не обнаруживаемой в рамках отношений меновой стоимости и стоимостной формулы, является, повторяем, сэкономленный, незатраченный труд, то есть совсем не тот труд, который овеществляется в продукте, затрачивается на его производство. Общественно необходимые затраты труда из доминанты превращаются в условия производства потребительной стоимости. Если в законе стоимости потребительная стоимость продукта выступает в роли ограничителя стоимости, то в законе потребительной стоимости такую роль уже выполняют затраты рабочего времени. Они, не теряя своей функции созидающей продукт субстанции, тем не менее не могут составлять меру его потребительной стоимости. Высвобождаемый последней труд должен быть больше затрачиваемого. Нарушается, следовательно, стоимостное равенство. Вместо него принципом хозяйствования становится другое правило: труд по условиям производства должен быть меньше труда по

¹ «В качестве потребительной стоимости, — отмечал К. Маркс, — предложение вовсе не измеряется овеществленным в нем рабочим временем, а к нему применяется такое мерило, которое лежит вне его природы как меновой стоимости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 389).

условиям потребления. Соответственно, на практике хозяйство должно вестись так, чтобы результаты производства росли быстрее, чем затраты, чтобы наращивание вклада в удовлетворение потребностей происходило при наименьших затратах всех видов ресурсов. Такая желаемая практика соответствует закону потребительной стоимости.

Поэтому нельзя полагать, что закон потребительной стоимости не имел и не имеет отношения к практике. Вплоть до возникновения капиталистической рыночной экономики в хозяйствах прежних формаций господствующим было производство потребительной стоимости. И в наше время, когда речь идет о развитии производительных сил (техники, технологии, труда), пользуемся потребительностоимостными категориями. Вся практика измерения производительности труда, например, базируется на потребительностоимостных принципах.

Особое значение и одновременно трудность составляет объяснение потребительностоимостной теорией самого труда, рабочей силы и развития человека как ценности. Дело в том, что в рамках стоимостной, хотя и трудовой теории сам труд как ценность и как источник стоимости, его качественно-количественные параметры, его динамика не могут быть объяснены, ибо труд вне своего овеществления в продукте стоимостью не обладает. Труд обойден и маржинализмом, и не только потому, что представители этой школы не принимают трудовую концепцию в экономике. У них человек с его трудом оказывается на стороне оценивающего субъективного «Я», но не может стать объектом оценки, ибо тогда некому оценивать. Труд сам по себе, с их точки зрения, тоже не является благом и не представляет собой ценности. Средства существования, на которые выменивается труд, также не могут служить ни непосредственной причиной, ни определяющим принципом цены труда.¹

Как же быть: если стоимость товара определяется овеществленным в нем общественно необходимым трудом, то чем определяется сам труд, его необходимость и полезность, качество, те или иные затраты? Вот вопрос, на который мы должны ответить от имени выдвинутой другой научной парадигмы — трудовой теории потребительной стоимости.

Попытки подвести живой труд под определение стоимости, неизменно приводили и приводят к тавтологии, к порочному кругу: стоимость труда в конечном счете оказывается обусловленной тем же трудом, затраченным на его воспроизводство. «Здесь масштабом

¹ Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М., 1992. С. 147–148.

стоимости и основанием для ее объяснения объявляется сама стоимость, — получается, следовательно, порочный круг».¹

Стоимостью, как известно, может обладать лишь овеществленный труд. Но и определение стоимости рабочей силы воплощенным в жизненных средствах трудом, т.е. посредством стоимости последних, мало что дает для объяснения масштабов и динамики живого труда, поскольку его функционирование непосредственно зависит не от стоимости, а от потребительной стоимости жизненных средств. Оплата труда в этом случае сама определяется, как это утверждали еще физиократы, средними жизненными потребностями.

Смитовское второе определение стоимости товара посредством стоимости самого труда, а стоимости труда — стоимостью обмениваемого на труд товара, может иметь силу лишь тогда, когда продукт труда отдельного работника или индивидуального производителя непосредственно измеряется затраченным на его производство трудом (рабочим временем). Так, например, Робинзон должен был определять, какое в среднем количество рабочего времени требует производство каждого продукта, необходимого для удовлетворения его соответствующей потребности. В воплощенном в потребительной стоимости продукта труде Робинзона уже заключены, по словам К. Маркса, все существенные определения стоимости. Дело лишь в том, что время, затраченное на производство данного продукта, попадает в зависимость от его потребительной стоимости и соответствующей потребности Робинзона. Его прошлый и живой труд по величине совпадают.

Если же предположить наличие многих работников, все из которых являются индивидуальными товаропроизводителями и продавцами своих товаров, то при их обмене можно было стоимостью продукта труда (овеществленным трудом) определить ценность живого труда: стоимость, например, восьмичасового труда отдельного работника была бы равна стоимости произведенного им товара, обмениваемого на другой товар, в котором содержится тоже восьмичасовой труд. В этом случае, во-первых, очевидно, что обмениваются равные количества овеществленного труда согласно закону стоимости, во-вторых, и это надо подчеркнуть, определенное количество живого труда обменивается на равное количество овеществленного труда, то есть живой и овеществленный труд оказываются тождественными. Но даже в этих условиях стоимость труда нельзя принимать за меру стоимостей в том же смысле, в каком мерой стоимостей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 44.

является рабочее время, или самый труд, овеществленный в данном товаре. Живой и прошлый труд здесь были бы лишь показателями друг для друга, то есть один был бы всего лишь представителем другого. Разрешить противоречие, возникающее из введенного А. Смитом понятия «стоимость труда», особенно при анализе обмена труда на капитал, можно было только отказом от этого понятия и его заменой понятием «стоимость рабочей силы», которая не совпадает со стоимостью продукта, создаваемого рабочей силой.

Если живой труд не может быть измерен количеством прошлого труда, затраченного на его воспроизводство, то понятие «стоимость рабочей силы» тоже не годится для объяснения того, почему рабочее время, затрачиваемое на содержание и воспроизводство рабочей силы, весьма отличается от времени всего труда, который выполняется рабочей силой. Из закона эквивалентного обмена стоимости рабочей силы на стоимость необходимых для ее воспроизводства жизненных средств невозможно объяснить получение прибавочной стоимости и возрастание капитала. И не только это, но и коренное свойство труда и человека создавать прибавочный продукт, превосходить в результатах труда его затраты.

Чтобы создать теорию, объясняющую производство прибавочной стоимости, К. Марксу пришлось обратиться к категории, противоположной стоимости, — к потребительной стоимости труда и рабочей силы. Именно последняя, то есть потребительная стоимость рабочей силы, и ее реализация посредством труда образуют существо экономического отношения и экономическую определенность формы, в которой осуществляется производство капитала. Сама прибавочная стоимость у К. Маркса выводится из специфической потребительной, а не меновой стоимости рабочей силы, и соответственно у него потребительная стоимость рассматривается совершенно по-иному, чем в прежней политической экономии. В отношениях между трудом и капиталом потребительная стоимость рабочей силы не просто входит в экономическую форму в качестве фактора, определяющего эту форму. При обмене между трудом и капиталом потребительная стоимость обмениваемого на деньги труда (рабочей силы) образует сущностное отношение капиталистического производства, выступает как особое экономическое отношение.¹ Причем, эта категория и выражаемое ею отношение приобретают самую важную познавательную силу для

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 216-217, 225.

объяснения производства капитала.

Что же представляет из себя эта потребительная стоимость? В условиях производства капитала потребительная стоимость рабочей силы сводится к ее способности доставлять труд и создавать стоимость, причем большую стоимость, чем она сама ее имеет. Получается, что прошлый труд, который заключен в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, — это две совершенно различные величины. В их разности и проявляется величина потребительной стоимости рабочей силы, труда. Следовательно, потребительная стоимость рабочей силы сводится к избытку количества труда, доставляемого работником, над тем его количеством, которое затрачивается на воспроизводство самого работника. Поскольку эти затраты реализуются в стоимости рабочей силы, то избыток, доставляемый ею, принимает форму дополнительной продолжительности рабочего времени, то есть прибавочного труда, превышающего необходимое рабочее время, нужное для воспроизводства самого работника. Потребительная стоимость его рабочей силы определяется не тем рабочим временем, которое нужно для ее сохранения и воспроизводства, а тем, которое затрачивается сверх возмещения этого воспроизводства, например, одним рабочим днем, а меновая стоимость — только половиной рабочего дня. Меновая стоимость будет минусом по отношению к потребительной стоимости рабочей силы. Из этого одновременно следует, что прибавочная стоимость может возникнуть и возрасти исключительно за счет дополнительной продолжительности труда и рабочего времени, а не за счет роста их производительности, так как последняя в рамках данного рабочего времени лишь изменяет соотношение необходимого и прибавочного рабочего времени в пользу прибавочного. В целом, то есть в общем случае, рост производительности труда уменьшает стоимость продукта, в том числе и рабочей силы. Что же касается ее потребительной стоимости, то ее рост совпадает с увеличением производительности труда, здесь продолжительность дополнительного рабочего времени теряет свое определяющее значение.

¹ «Для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется для ее воспроизводства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 50).

Рабочая сила обнаруживает свою потребительную стоимость не только в использовании труда капиталом.¹ Специфика потребительной стоимости рабочей силы, выраженной в ее способности создавать прибавочную стоимость, имеет под собой более общую основу — коренное свойство труда создавать результат, превосходящий его затраты.

К сожалению, это свойство обычного труда не только не возводится на уровень его сущностных характеристик, но и часто упускается из виду при анализе труда. Причина тому — обычное рассмотрение труда только в рамках процесса создания стоимости, то есть как абстрактного труда. Изображение К. Марксом процесса производства и труда в «Капитале», как он сам об этом пишет, покоится «на анализе абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы, — безразлично, каким полезным способом она затрачивается».¹ Но в этих рамках, то есть когда имеется в виду стоимость затрат и результатов, превышение результатов труда над его затратами не обнаруживается. Даже прибавочная стоимость, выводимая из потребительной стоимости рабочей силы, имеет свой эквивалент затрат в виде прибавочного труда, следовательно, не превосходит эти затраты. Поэтому К. Марксу приходилось потребительную стоимость рабочей силы в общем случае ограничивать ее способностью «доставлять труд», «создавать стоимость». Что же касается превышения на величину прибавочной стоимости стоимости рабочей силы, то это выходило за рамки эквивалентного стоимостного обмена, принятого К. Марксом в качестве исходного принципа в первом отделе «Капитала».

Превосходство результатов труда над его затратами — это уже другой закон, которому подчинен труд, производящий не стоимость, а потребительную стоимость. Такого закона экономическая наука, в отличие от хозяйственной практики, не знала.

В общеэкономическом смысле, тождественном потребительно-стоимостному подходу, прирост потребительной стоимости рабочей силы обнаруживается в том факте, что работник производит больше, чем потребляет, что из производства выходит большее количество потребительной стоимости, чем в нем потребляется. Что же касается

¹ Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 385.

избытка труда, доставляемого рабочей силой, над затратами ее собственного воспроизводства, то это достигается тем, что потребительная стоимость рабочей силы увеличивается за счет использования потребительной стоимости материальных средств производства и природных сил, с одной стороны, и умножением собственной производительной субъективной силы работника посредством потребления им материальных и духовных благ в процессе воспроизводства своей рабочей силы. За счет этого происходит замещение, высвобождение малоквалифицированного простого труда высококвалифицированным, сложным трудом, сопровождающееся уменьшением общего количества труда, поскольку большее количество простого труда равняется меньшему количеству сложного. Труд, высвобожденный в результате внедрения более квалифицированного труда, будет большим, чем затраты на подготовку квалифицированных работников.

Таким образом, потребительная стоимость рабочей силы может быть выражена: а) отношением всего количества функционирующего труда к его части, затрачиваемой на собственное воспроизводство рабочей силы; б) отношением высвобождаемого труда к затратам на подготовку квалифицированного труда, замещающего простой труд. Что касается затрат на покупку жизненных средств и их потребление, то они не имеют прямого отношения к процессу самого труда, являются его внешним условием, не входят в него, а если и входят (работник должен принимать пищу во время труда), то лишь как материал для поддержания дееспособности работника. Но это не значит, что за пределами процесса труда отпадает вопрос о потребительной стоимости жизненных средств. Здесь мы можем лишь предварительно сказать, что потребительная стоимость предметов потребления в конечном счете реализуется тоже в высвобождении труда, достигаемого за счет замещения сложным трудом более простого труда. Но это касается уже потребительного производства, в котором осуществляется воспроизводство человека и общества. В нем потребительная стоимость предметов потребления оказывается лишь моментом, а конечным результатом выступает уже не продукт производства, а сам человек и само общество. Закон потребительной стоимости, соответственно, приобретает форму социологического закона, выражающего человеческое развитие.

Превосходить своими результатами свои же затраты — это, как явствует из сказанного, коренное свойство труда и человека как работника. Чем же его объяснить, можно ли принять этот принцип за аксиому так же, как в случае со стоимостным принципом равенства затрат и результатов?

Очевидно, что превышение результатов труда над его затратами достигается в первую очередь за счет использования человеком энергетических сил природы и технико-технологических средств как усилителей сил труда. Этот источник возрастания потенциала труда не нуждается в особых доказательствах: на этом обычно строится теория роста производительности труда. Что же касается возвышения сил самого человека, применяемых им в своем труде, то здесь следует иметь в виду, по крайней мере, два не очень изученных источника, делающих результат труда выше его затрат. Ими являются: а) потребление людьми жизненных средств, повышающих потребительную силу общества и его трудовой потенциал, реализующихся в увеличении конечного результата труда; б) использование дополнительных производительных сил труда, возникающих из способов совместной деятельности людей (силы кооперативного, обобщественного труда).

Относительно первого источника, когда речь идет о том, как из потребительных жизненных средств может возникнуть превышающий соответствующие затраты результат, в научной литературе сказано очень мало. Можно сослаться на представителей теории потребления, опирающихся на концепции предельной полезности и данные психологии. Так, согласно С.А. Первушину, «экономически целесообразным будет лишь потребление, удовольствие от которого превышает тягостность затрат на него, которое дает известную положительную разницу».¹ Для обозначения этой разницы вводятся по аналогии с производством понятия «потребительская прибыль», «потребительский доход», «потребительская рента», призванные отразить дополнительный результат от потребительной деятельности. Соответственно, С.А. Первушиным делается поправка ко второму закону Г. Госсена. Вместо предельной полезности продукта ставится предельный доход потребителя: «моментом, опреде-

¹ Первушин С.А. Очерки по теории массового потребления//Экономист, 1922. №4—5. С.40.

² Там же. С.84.

ляющим потреблением, является не предельная полезность, а предельный доход, предельная рента потребителя».² Определяется предельный доход (как и предельная полезность) на основе ранжирования получаемого удовольствия от потребления последних долей благ, то есть на основе субъективных предпочтений людей. Определенным шагом вперед в этом вопросе явилась теория потребительского излишка (А. Маршалл, Д. Хикс и др.). Особая заслуга здесь принадлежит французскому экономисту М. Алле («*Theorie generale des surplus*». Paris, 1989), предложившему концепцию распределяемого излишка, связанного с высвобождением того или иного блага.

Более плодотворным представляется объяснение дополнительной результативности, получаемой трудом от потребления жизненных средств, по объективным критериям, в частности, посредством превращения энергии, воплощенной в предметах потребления, в человеческую энергию, позволяющую труду достигать результат, превышающий затраты. В этом отношении можно сослаться на работу С.А. Подолинского «Труд человека и его отношение к распределению энергии», в которой труд представлен процессом, увеличивающим бюджет энергии человека и обладающим, в отличие от механических процессов, коэффициентом полезного действия выше ста процентов. Он, например, полагал, что энергия, накопленная в сельскохозяйственном продукте и реализуемая при его потреблении, в два десятка раз превышает количество энергии, затраченной человеком на земледелие. Можно, конечно, эти «разы» объяснить тем, что человек использует и сохраняет в сельскохозяйственном продукте солнечную энергию. Но это не отрицает решающей роли труда в сбережении этой энергии и в увеличении бюджета энергии, находящейся в распоряжении человека. Труд при своей реализации сберегает энергии в десятки раз более, чем он сам заключает. Соответственно труд им трактуется как «действия, увеличивающие бюджет превратимой энергии человечества».¹

Безусловно, жизненные средства должны быть включены в состав факторов (кроме природных двигательных сил, технических средств), усиливающих результативность труда. Здесь важно выяснить, какой вид энергии, получаемый человеком от потребления жиз-

¹ Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии М., 1991. С.51, 63, 76.

² Байнев В.Ф. Научно-технический прогресс и энергосбережение: потребительностоимостный анализ эффективности производства электроэнергии. Саранск, 1988. С.50–51.

ненных средств, более всего сберегает затраты труда и тем самым увеличивает его продуктивность. Известно, что мускульная сила человека, используемая в качестве двигательной силы, составляет мизерную долю в производимой для этих целей мировой энергии. Соответствующие расчеты свидетельствуют, что производимая, например, в 2000 году в мире электрическая энергия способна была бы потенциально высвободить в течение года труд 70 млрд. человек, занятых производством двигательной энергии на основе использования мускульной силы, то есть число лиц, примерно в 10 раз превышающее общую численность населения земного шара.²

Другое дело — физическая и умственная энергия людей, используемая ими при обслуживании технических и технологических процессов и связанная с исполнительными функциями человека при машинах и механизмах. Эта функция, усиливающая продуктивность техники и технологических процессов, является основной формой, в которую превращается энергия потребляемых жизненных средств. И здесь через труд сберегается энергии тоже в десятки раз больше, чем расходуется в процессе труда: при помощи техники высвобождается громадное количество живого исполнительского человеческого труда.

Особая значимость в сбережении человеческого живого труда принадлежит умственной энергии, приобретаемой человеком вследствие потребления жизненных средств и духовных благ, затраты на создание которых не идут ни в какое сравнение с теми результатами, которые дает практическое использование знаний, информации, опыта. Только одно изобретение паровой машины Джемсом Уаттом, по словам Ф. Энгельса, принесло миру в первые пятьдесят лет своего использования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки.¹ По подсчетам С.Г. Струмилина, результаты, получаемые от работы обученных рабочих, превышают соответствующие затраты на школьное обучение в 27,6 раза.²

Эффект от потребления человеком материальных и духовных благ лучше всего выразить в обобщенном виде понятием «потребительная сила» труда (соответственно, человека и общества), которая вполне согласуется с подобными же характеристиками труда — «ра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С. 555.

² Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С.163.

бочей силой» человека, «производительной силой» труда и т.п. Можно, следовательно, ставить вопрос о превращении потребительной силы в рабочую силу и в производительную силу, и наоборот, а также говорить о возрастании потребительной силы общества и человека, о способах и факторах ее увеличения. Введение в экономический анализ понятия потребительной силы, т.е. способности к потреблению, позволяет более основательно выделить объективное содержание потребительной деятельности, отмежеваться от часто встречаемой психологической ее характеристики, ставящей ее в полную зависимость от субъективных оценок со стороны субъекта.

Категория потребительной силы, и это главное в данном случае, позволяет потребительную деятельность объяснить законами движения потребительной стоимости и преодолеть ограничения, накладываемые на нее законом стоимости. Поскольку потребительная стоимость рабочей силы и ее мера заключены не в труде, овеществленном в ней, не в ее стоимости, то обусловленность потребления (спроса) стоимостью (доходами), рабочим временем попадает в ложное положение. При обилии произведенных для рынка товаров человек может оказаться не только за чертой бедности, но и лишиться необходимых средств к существованию. Рынок признает только платежеспособного покупателя, того, у кого есть деньги. Он в этом отношении безразличен к потребителю: товар достается тому, кто может заплатить, а не тому, кто больше всего нуждается, имеет настоятельную «склонность» к потреблению. В рамках закона стоимости для громадной массы трудящегося населения мера потребления обуславливается стоимостью рабочей силы, мерой необходимого по условиям ее воспроизводства труда. В данном случае для определения величины потребления пользуются единицей труда и заработной платой за эту единицу труда — единицей заработной платы в ее денежном выражении. Соответственно потребности и потребление получают свое выражение в платежеспособном спросе, а их зависимость от меры труда (производства) — в предложении товаров. Спрос и предложение выступают двумя переменными величинами, измеряемыми денежной мерой.

Другой характер носит общественная мера потребления, которая исходит из потребительной силы и базируется не на стоимостной, а на потребительностомостной основе. Она должна отвечать природе самой по-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч. II. С.214.

требительной силы. Там, где господствует потребительная стоимость и сами потребности обуславливают пределы рабочего времени, необходимого для их удовлетворения, рабочее время теряет свое значение меры потребления, ибо оно само удлиняется или сокращается в зависимости от того, сколько нужно доставить того или иного количества потребительных стоимостей. Смысл общественного прогресса в этом отношении сводится к тому, чтобы потребление не определялось минимумом времени, необходимым для производства, поскольку само «рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости».¹

Сокращение рабочего времени, обусловленное научно-техническим прогрессом, не может приниматься за признак уменьшения потребления. Наоборот, экономия рабочего времени должна вести к увеличению богатства общества и свободного времени. Последнее, превращаясь в мерило развития человека как истинного богатства, тем самым становится и мерой развития способности к потреблению, мерой потребительной силы общества. Это соответствует требованиям закона потребительной стоимости, согласно которому высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время превосходит затраченное рабочее время и, следовательно, потребление, совершаемое в свободное время, должно измеряться последним. Когда же в качестве меры используется рабочее время, то такое потребление свидетельствует по существу о бедности. Рабочее время, в том числе прибавочное, поглощая почти все время трудящихся масс, лишает их свободного времени, которое становится временем для немногих. Они и получают простор для своего развития, в том числе и для потребления.

При характеристике потребительной способности общества нельзя ограничиваться ее рассмотрением только «в-себе», т.е. в рамках взаимоотношения численности потребителей и величины их потребности в тех или иных благах, выраженных, например, в единицах этих благ или потребительской корзины. Потребительная сила должна быть определена не только как сущее «в-себе», но и в своем «для-себя» бытии, в зависимости от факторов, влияющих на нее. К этим факторам относится прежде всего производительная сила общества, а также состояние пропорций распределения продукта на части, предназначенные для личного и производительного потребления, пропорциональность распре-

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. С.73.

деления труда по подразделениям производства, соответствие этого распределения структуре потребностей общества. Потребительная сила общества в общем и целом, в конечном счете, представляет собой функцию его производительной силы. Еще классиками политической экономии было установлено, что чем больше производится потребительных стоимостей, тем выше уровень удовлетворения потребностей людей. Впоследствии, в частности, в работах Дж. М. Кейнса эта концепция была подвергнута критике. Она, по мнению Дж. М. Кейнса, была построена на основе натурального обмена, не учитывала самостоятельной роли денег.¹ Дж. М. Кейнс предложил исходить не из производства, не из предложения, а из спроса, объективные факторы которого лежат на стороне дохода и его различных компонентов.

Нельзя, конечно, недооценивать влияния потребления на величину производства, но оно не отменяет решающей роли производства в удовлетворении потребностей, то есть не следует пренебрегать общей зависимостью потребительной силы от производительной силы общества. Более того, многие проблемы спроса и предложения, не решаемые с позиции опосредствующих их стоимостных механизмов, легко могут быть решены, если исходить из взаимодействия производства и потребления в потребительно-стоимостной плоскости. Ф. Энгельс был прав, видя истинный смысл конкуренции (соревнования) во взаимоотношениях потребительной и производительной сил. В будущем строе, достойном человечества, по его мнению, не будет иной конкуренции, кроме этой. Общество должно будет рассчитывать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и сообразно с отношением своей производительной силы к массе потребностей определять уровень удовлетворения потребностей.¹

Если производительную силу общества выразить величиной высвобождаемого из сферы материального производства труда (производительного рабочего времени), то этот высвобождаемый для других видов деятельности труд (время) в расчете на душу населения будет индексом роста потребительной силы. Увеличение производительности труда в общественном масштабе предполагает, что существующие потребности удовлетворяются применением в производстве меньшего количества труда (времени), чем прежде. Следовательно, высвобождаемый труд (время) может быть затрачен на удовлетворение новых или других потребностей, не реализуе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С.562.

мых в прежних условиях. Отношение же высвобождаемого из сферы материального производства труда к занятому в ней труду может служить нормой потребительной способности общества. Эта норма является критерием, по которому определяется возвышение потребностей. Содержанием этого процесса будет образование новых или реализация ранее не удовлетворенных потребностей. Их возрастание обеспечивается в первую очередь превращением сэкономленного в материальном производстве труда и рабочего времени в другие виды деятельности, порождающие и удовлетворяющие новые потребности. Тем самым в возвышении потребностей закон потребительной стоимости получает свое адекватное выражение.

С ростом производительности труда норма потребительной способности неизбежно повышается, что никак не уместается в стоимостную схему движения конечного совокупного продукта, предполагающую падение этой нормы в связи с растущим преобладанием труда по производству той части продукта, которая идет не на личное, а на производственное потребление. Повышение же потребительной способности общества подчиняется другому закону — закону возвышения потребительной стоимости и может быть выражено схемами воспроизводства, построенными на потребительностоймостной основе. Из них следует приоритетность потребления и его определяющее влияние на объемы производственного накопления. В этом случае конечным результатом общественного материального производства следует считать фонд индивидуального потребления, а затраты деятельности по реализации этого фонда, в том числе по воспроизводству рабочей силы, должны быть исключены из состава издержек материального производства.

Если же подходить к этому вопросу со стороны изменения стоимостного строения производства (капитала), то приходится признать постоянное увеличение труда, расходуемого на производство средств производства, и сравнительное уменьшение труда, затрачиваемого на производство предметов потребления. Из изменения этого соотношения ($C > V$) следует, что развитие производительной силы не сопровождается таким же развитием потребительной силы общества. Наоборот, ограниченное потребление населения становится полюсом, противостоящим стремлению капитала развивать производительные силы. В результате того, что этому стремлению противостоит падающее потребление масс, возникают кризисы, разрушающие производительные силы и еще больше снижающие уровень потребления населения. Что-

бы не допустить возможности делать такие выводы из анализа движения стоимости, ее защитникам ничего другого не остается как изъять из стоимости конечного продукта стоимость средств производства (С), растворить ее в стоимости необходимого и прибавочного продукта ($V+m$), т.е. вернуться к положению А. Смита о том, что конечный продукт по стоимости полностью разлагается на заработную плату, прибыль, ренту. На деле же нет никакой необходимости возвращаться от К. Маркса к А. Смигу. Надо лишь признать, что законом эквивалентного обмена (законом стоимости) не объясняется ни источник происхождения прибавочной стоимости, ни соответствующий рост потребления общества. Для этого следует обращаться к потребительной стоимости рабочей силы — к труду, в горниле которого человек создает больше, чем затрачивает.

Не приводит ли эта асимметрия затрат и результатов к нарушению пропорциональности между производством и потреблением? Ведь мы привыкли видеть ее в равновесии спроса и предложения, обусловленном рыночным механизмом и стоимостной эквивалентностью. Это представление, однако, поверхностно и ошибочно. В действительности стоимостной механизм разрушает единство производства и потребления, их соответствие. Последнее достигается лишь в том случае, когда производство непосредственно подчинено потреблению, а условия потребления определяют время, затрачиваемое на производство материальных и духовных благ, причем пропорциональность достигается здесь на основе неравновесности результатов и затрат труда. Если бы потребительная стоимость рабочей силы равнялась затратам труда на ее воспроизводство, то ее полезный эффект составлял бы нуль, и мы имели бы дело с «нулевым» ростом.

Другим источником превышения результатов труда над его затратами, лежащим на стороне самой человеческой деятельности, является, как уже сказано, ее коллективный характер, общественный (совместный) способ ее осуществления. Уже в условиях простой кооперации получается результат, намного превышающий сумму достижений отдельных работников, работающих изолированно. Он возникает из создаваемой совместной деятельностью общественной производительной силы, которая также превосходит сумму сил отдельных работников. Трудно даже представить, какое поистине громадное богатство созда-

¹ «В производстве стоимости множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.333).

ется благодаря превращению труда в общественный процесс, его обобществлению в масштабах всего общества, включая воссоединение физической деятельности с умственной на базе высоко развитых технологий и концентрации средств производства.

Преимущества совокупного работника, и не сводимого к сумме сил, его составляющих, дали повод говорить о создании некоего «социального капитала», нередко отождествляемого с обычным капиталом. В смысле особой общественной производительной силы, подчиняемой капиталом и используемой им для своего возрастания, можно пользоваться этим понятием в значении метафоры. Если же его трактовать как самовозрастающую стоимость, то это было бы не только неуместным, но и ошибочным. Дело в том, что продукт кооперативного процесса труда, взятого в качестве стоимости, не может быть больше суммы затрат рабочего времени отдельных лиц. С точки зрения производства стоимости, безразлично создают ли ее работники по отдельности или они это делают совместно.¹ Дополнительный результат совместного труда является следствием возвышения общественной потребительной стоимости рабочей силы, а не ее меновой стоимости, как бы ни эксплуатировалась ее потребительная стоимость.

Результатом совместного, кооперированного труда в потребительно-стоимостном отношении является высвобождаемый (применением его общественных производительных сил) живой человеческий труд. Из объема высвобождаемого труда должны быть вычтены затраты труда работников, обслуживающих этот совместный труд, — главным образом работников управления, необходимых для согласования индивидуальных работ, контроля, учета и выполнения других подобных функций. Этого рода затраты ныне обычно называют «социальными» или «транзакционными» издержками, необходимыми для обеспечения взаимодействия людей в их общественном трудовом процессе (раньше они относились к затратам непроизводительного труда). Их экономия считается критерием, по которому оценивается воздействие системы управления и социальных институтов на размещение ресурсов и структуру производства, следовательно, на эффективность производства.

Такого рода критерий, то есть затратный подход, отождествляя затраты с результатами, не выводит за пределы стоимостной эквивалентности, не позволяет выявить действительные результаты, касающиеся развития самого человека. Ведь затраты труда для обслуживания транзакционной сферы своим источником имеют тот же

высвобожденный из производства и превращенный в управленческую и иную деятельность труд. Экономить его — значит или экономить уже затраченное, или увеличивать за счет этой экономии сферу затрат производительного труда, что не согласуется с научно-техническим прогрессом и с ростом производительных сил труда.

Высвобождаемый из сферы производства труд, свидетельствующий об эффективности производительного процесса, может и не приводить к лучшему удовлетворению потребностей. Если достигаемая эффективность в сфере потребления и человеческого развития невозможна без соответствующего улучшения производственной деятельности, то обратного может и не быть: улучшения в сфере производства могут и не сказаться на удовлетворении потребностей. Нужны, следовательно, критерии, которые учитывали бы сферу потребления и человеческого развития.

В этой связи чрезвычайно важными становятся анализ и оценка потребления человека и его развития с позиций двух исходных принципов основных экономических теорий — принципа меновой стоимости и принципа потребительной стоимости, позволяющих установить параметры человеческого развития как итогового результата деятельности общества. Анализа этого результата с указанных позиций недостает имеющимся разработкам: показатели человеческого развития остаются не соизмеренными и не сведенными к единой мере как в стоимостном, так и в потребительностоимостном отношении. Без этого они лишаются многих своих функций как инструментов критериальных оценок.

Если следовать требованиям закона стоимости, учесть замену К. Марксом понятия стоимости труда (живого) стоимостью рабочей силы (овеществленного труда), то ныне выставяемые от имени ООН в качестве критерия деятельности общества человеческое развитие и его показатели можно и нужно было бы подводить под единую меру — величину стоимости рабочей силы, равной стоимости жизненных средств, необходимых для ее производства и воспроизводства, включая образование, медицинские услуги, реализующиеся в той или иной продолжительности жизни, и др.

О ценности человека с позиций стоимости писал еще В. Петти в работе «Ценность людей». По его утверждению, ценность человека (работника) определяется стоимостью жизненных средств, необходимых для

¹ Маршалл А. Принципы политической экономии. М., 1984. Т.2. С.270–271.

его существования. В этом же русле шли рассуждения А. Смита и Д. Рикардо, когда они определяли стоимость товара общественно необходимыми затратами труда и распространяли это определение на труд. В этом случае стоимость труда сводилась к издержкам воспроизводства работника, включая его семью и ряд других факторов, необходимых для получения той или иной квалификации. Можно сослаться на соответствующие суждения А. Маршалла. По его предположительным расчетам общая сумма стоимости, израсходованная на то, чтобы вырастить ребенка, принадлежащего к менее обеспеченной части трудящегося класса (2/5 населения), составляет 100 ф.ст., для следующей 1/5 части населения — 175 ф.ст., для еще одной 1/5 части — 300 ф.ст., и, наконец, для остальных двух 1/10 частей населения — соответственно 500 и 1200 ф.ст., что в среднем равно 300 ф.ст. Если учесть возрастной состав населения, то согласно А. Маршаллу, средняя стоимость индивида будет равна 200 ф.ст.¹ Почему же это не делается, по крайней мере гласно, в настоящее время, почему человеческое развитие не подводится под единый показатель — стоимость рабочей силы (или стоимость жизни)?

Имеется ряд обстоятельств, объясняющих это «почему». Ведь, согласно закону стоимости, затраты труда и их результат в виде стоимости жизненных средств были бы равными (эквивалентны), что не годится для обоснования получения большего результата, чем затраты, то есть не будет самого человеческого развития. Более того, с ростом производительности труда, связанным с его экономией, стоимость продукта в общем и целом должна уменьшаться, соответственно стоимость рабочей силы должна падать, что не только не совместимо с признанием человеческого развития, но и предполагает относительное и абсолютное обнищание трудящегося большинства населения. Капитализация России, в результате которой половина населения оказалась в состоянии бедности, — яркое тому свидетельство.

В другом случае, когда обменивается живой труд на овеществленный (труд на капитал), возникает не менее трудная ситуация с подведением человеческого развития к единой стоимостной мере: во-первых, живой труд не обладает свойством стоимости и не может соизмеряться с овеществленным в его продукте трудом. Потребительная стоимость и стоимость не имеют единой меры. Во-вторых, результатом обмена живого труда на овеществленный является всевозрастающий разрыв между уровнем жизни носителей живого труда и представителей (собственников) овеществленного в продукте труда, кото-

рый ныне в мире достигает, по данным конференции ООН в Рио-де-Жанейро, соотношения 1:60. Не всякий решится этот увеличивающийся разрыв выставить показателем человеческого развития, а его основание — растущую норму прибавочной стоимости и эксплуатации — сделать его критерием.

Названные обстоятельства не позволяют теоретикам от экономики, считающим себя гуманистами, предлагать измерять человеческое развитие единой стоимостной меркой, то есть стоимостью рабочей силы, хотя в реальной рыночной практике рабочий оценивается именно этой мерой.

По-иному обстоит дело с определением ценности человека и его развития в полезностных концепциях. По логике этих концепций полезность человека реализуется в его благосостоянии. В ее рамки укладывается прекрасный тезис Ф. Галиани о человеке как истинном богатстве. Преимущество такого подхода очевидно: человек и его живой труд по своей сущности не имеют, как показал К. Маркс, стоимости. Подгонять их под стоимостную меру — значит исказить их действительную сущность. В то же время субъективизм известной школы предельной полезности не позволил ее представителям относить человека и его труд к реально существующим ценностям общества, найти объективную меру последних. Сам человек не мог оказаться на стороне оцениваемого объекта как блага, поскольку он — лишь мера вещей как благ и ценностей, от него исходит оценка, придание благам определенного значения в зависимости от степени удовлетворения ими его потребностей.

Отсутствие у труда и его живого носителя — человека стоимости вовсе не означает, что они лишаются свойств ценности. Наоборот, человеческая личность, человеческий труд являются величайшими ценностями. Для признания их таковыми нужно ценности определять как те явления природы и общества, которые составляют блага жизни и культуры определенного общества. Соответственно, человек и его труд должны быть отнесены к такого рода явлениям, а не трактоваться только как мера всех вещей, существующих и не существующих (Протагор). Субъективисты не признают человека в качестве ценности именно как объективного явления, производителя материальных благ — подобно тому, как не признается за ценность хлеб, если ему не придается ритуального значения при встрече высокопоставленных гостей. С этой точки зрения, не потребительные стоимости, блага являются сами по себе ценностями, а лишь человеком придаваемый им

смысл, даваемое им смысловое значение. Соответственно, считается, что ценностное отношение, как чисто субъективное отношение, начинается там, где кончается полезность, потребительная стоимость самих благ, в том числе рабочей силы человека и его труда.

Между тем человек должен быть поставлен на место оцениваемого объекта и оцениваться не собственной меркой («я сам как другой» — П. Рикер), а обществом, общественной практикой, прежде всего трудом, которые и служат объективным критерием ценности человека. Не зря в народе говорится, что человек красен трудом. Практика, трудовая деятельность с ее результатами выступают критерием не только познавательного, но и ценностного отношения человека к действительности, определителем его связи с тем, что ему нужно. Нужное же человеку и используемое им в общественной практике одновременно служит свидетельством и истинности его знаний, что делает истину величайшей ценностью, а последнюю — истинной. Ценность, как и истина, представляет собой общественно-практический способ выражения отношения людей к окружающему миру и к самим себе.

Если в труде, производящем потребительную стоимость, содержатся истоки ценностного отношения, то на основе труда и создаваемой им потребительной стоимости должны разрабатываться способы сведения показателей человеческого развития к единой мере. Именно трудовая теория потребительной стоимости выводит на адекватное выражение ценности человека и его развития как результата деятельности общества: она предполагает вместо равенства этого результата с затратами на его достижение другое — превосходство над затратами. Именно величина этого превосходства и будет мерой ценности человека и определителем степени его развития. В этом случае рост производительности труда, ведущий к экономии труда и издержек производства, уже не будет связан с уменьшением стоимости, наоборот, приводит к увеличению потребительной стоимости в виде прибавочного продукта, что соответствует принципу возвышения человека, его развития как истинного богатства и ценности общества.

Таким образом, возникшая из функционирования закона потребительной стоимости единая мера — высвобождаемый труд в отношении к его затратам — становится единым критерием и определителем результатов деятельности общества в виде человеческого разви-

¹ Алле М. Условия эффективности в экономике. М., 1998. С.41.

тия. Эти результаты приобретают одинаковую размерность и могут быть соизмерены временем как мерой человеческой деятельности. К этой мере могут быть сведены все показатели человеческого развития: благосостояние человека, его образование, продолжительность жизни и др. Состояние материальной обеспеченности человека и общества измеряется количеством труда и времени, необходимых по условиям возрастающего разумного потребления; состояние социального и культурного развития — количеством труда, высвобождаемого по условиям производства; продолжительность жизни — соотношением времени труда и свободного времени и т.д. В итоге труд с имманентным ему свойством создавать превосходящий затраты результат предстает объективным измерителем человеческого развития во всех его основных аспектах.

К этому способу оценки деятельности общества, то есть к ее оценке с позиций удовлетворения потребностей, начинают подходить некоторые современные представители полезностных концепций. Так, например, у М. Алле так называемый потенциальный излишек, служащий важным критерием эффективности экономики, по существу выражает потенциально высвобождаемый труд. Это тот труд, который по мере лучшего использования ресурсов, технического прогресса становится излишним, а его наличие в экономике — потерей. Чтобы производство достигло состояния максимальной эффективности, «необходимо и достаточно, чтобы соответствующий распределяемый излишек был нулевым».¹

Применительно к производству того или иного блага, предназначенного для удовлетворения потребностей, эта потеря «может быть определена через максимальное количество этого блага, которое можно было бы высвободить», сохраняя все индексы предпочтения на уровне прежних значений.¹ Подобно тому, как труд, подлежащий высвобождению, является излишним при эффективном функционировании экономики, так и высвобождаемые блага, оставаясь нереализованными, будут потерей для экономики. Эта потеря как раз и является наибольшим распределяемым (потенциальным) излишком. Его нали-

¹ Алле М. Условия эффективности в экономике. М., 1998. С.40.

² Там же.

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986. С.16; Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 1999. С.10–11.

чие объясняется недоиспользованием имеющихся ресурсов, плохой организацией производства или всей экономической системы.²

При распределении имеющегося излишка оптимум достигается в случае, если улучшение благосостояния одних не вызывает его ухудшения у других, или даже приводит к улучшению положения всех. При нулевом излишке, характеризующем состояние максимальной эффективности, нельзя повысить благосостояние одних, не ухудшая его у других.

Выдвижение новой парадигмы в социально-экономической науке согласуется с аналогичными суждениями в современном естествознании, в частности в физике, высказываемыми И. Пригожиным. По его мнению, как классическая, так и квантовая механика имеют дело со статикой, с обратимыми во времени процессами, равновесностью, устойчивостью и т.п. Механистическая парадигма, утверждает он, и поныне остается «точкой отсчета» для науки в целом. Оказываемое ею влияние столь сильно, что подавляющее большинство социальных наук, в особенности экономика, все еще находится в ее власти. Новая ситуация в физике и других естественных науках, наоборот, опирается на принцип неравновесности, неустойчивости, на необратимости процессов во времени, вне которой нельзя объяснить образование новых явлений, в том числе появление жизни на Земле.³

В социально-экономической науке статический подход представлен стоимостной парадигмой с ее принципом равновесности затрат и результатов, обратимости стоимостных результатов в затраты, что также несовместимо с признанием экономического развития. Классическая политическая экономия с ее стоимостной парадигмой, как убедительно показал Й. Шумпетер, была и остается теорией, объясняющей лишь статичное, стационарное, а не динамическое протекание экономических процессов. Теория стационарного процесса, по его мнению, фактически образует основу всей теоретической экономической науки и экономисты-теоретики (за исключением К. Маркса) не многое могут сказать о причинах и способах экономического развития.¹ Непригодность теории стоимости для объяснения экономического развития и инновационной деятельности проистекает из того, что произведенная стоимость, согласно ее закону, не может превосходить затраты

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С.53.

² Там же. С.93.

на ее получение и, следовательно, не может удовлетворять основному условию экономического развития — возникновению нового, превосходящего старое. При производстве стоимости, согласно Шумпетеру, вообще нельзя добиться никакого возвышения стоимости результата над стоимостью издержек. В общем и целом ни один продукт «не в состоянии обеспечить известное превышение над стоимостью заключенных в нем услуг труда и земли».²

Для обоснования экономического развития не годится и другая экономическая концепция — теория предельной полезности. Она не преодолела статический характер стоимостной теории. Л. Вальрас, например, неоднократно подчеркивал, что его концепция и методология применимы исключительно к стационарному процессу. Как с точки зрения стоимости, так и с точки зрения предельной полезности результат должен быть равен издержкам. Последняя часть общего количества любого продукта (предельный продукт) тоже производится в условиях, когда уже более нет никакого превышения получаемого полезного эффекта над издержками.

В этих условиях ничего другого не остается как «уложить» инновационные инвестиционные процессы и все развитие производительных сил в прокрустово ложе стоимостной парадигмы. Соответственно смысл анализа причин экономического развития неизбежно сводится к выявлению способов получения большей прибыли (процента, ренты), то есть методов увеличения прибавочной стоимости. Дело, однако, в том, что прибавочная стоимость и ее увеличение теоретически не выводятся из стоимостной парадигмы — эквивалентности затрат и результатов. Ведь за прибавочной стоимостью всегда стоят равные ей затраты прибавочного труда, то есть здесь тоже результат не превосходит затраты. Если, например, в рыночном хозяйстве чистая прибыль представляла бы разницу между нормой затрат и доходом, то в условиях равновесия народного хозяйства, по утверждению Й. Шумпетера, эта разница равнялась бы нулю.¹ В этом парадоксальность стоимостной парадигмы: принцип издержек вместе со сведением издержек к труду необходимо приводит к такому выводу, то есть к отрицанию развития.

Потребительностоимостная концепция, наоборот, исходит из неравновесности процесса труда, асимметрии между его результатами и затратами. Труд не может находиться в состоянии равновесия по своей природе — он перестает быть трудом, если постоянно не перехо-

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С.94.

дит из одного состояния в другое, если перестает функционировать и создавать. Но таким труд предстает в качестве созидателя не стоимости, а потребительной стоимости. Именно в этом своем качестве труд предполагает постоянное превращение предметов и энергии из одних потребительных форм в другие, притом, чем больше первоначальных форм перерабатывается в конечную, тем большую сложность приобретает конечный результат. Этого, как известно, не терпят стоимостные формы: они или только переносятся на продукт или тождественны издержкам, затратам труда. Поэтому стоимостная концепция предполагает устойчивость, неизменность.

Креативность, инновационность труда с соответствующим механизмом преобразований его структуры и элементов выводятся из его свойства неравновесности. С каждым превращением предмета труда и используемой энергии в новую потребительную форму совершаются так называемые бифуркации, создаются разные возможности трансформации одних форм в другие, например, первичной тепловой энергии от питания человека — в двигательную, в исполнительную или умственную работу. В зависимости от этого возникают различные варианты результатов, начиная от вещественных и кончая социальными и духовными благами. В процессе труда осуществляется постоянная внутренняя дифференциация его функций, создаются разные возможности, происходит выбор одного из них.

Другая, не менее существенная особенность труда как созидателя потребительной стоимости — это приобретение им свойства необратимости результатов в исходные формы, то есть в первичные потребительные формы. Если стоимость продукта обратима в стоимость затрат (издержек) и разложима на соответствующие ее элементы, то потребительная стоимость продукта, превышая затраты на ее производство, не сводима к ним. Посредством необратимости своих результатов и своего течения во времени труд создает качественно более сложные и новые структуры. Необратимость с ростом производительности труда в потребительностоймостном отношении приводит ко все большей положительной неравновесности результатов и затрат, что несовместимо с производством энтропии, с ее возрастанием. Рабочая сила в отличие от природных механических процессов — «явление жизни, процесса крайне неравновесного и связанного с локальным ¹ Карен Мурса СГ. Прогноз о будущем развитии мировой экономики модели и научной картины мира // Экономическая теория на пороге XXI века СПб., 1996. С. 162 ростом производительности труда сопровождается возрастанием энтропии или ее нулевым значением. Отсюда известные теории пределов роста, приостановки экономического развития или даже приближения конца истории, неизбежного экономического коллапса.

Содержание

Предисловие	3
Раздел I. К вопросу о подходе к теоретической и политической конфронтации, об исторической тенденции отмирания закона стоимости при революционном переходе от капитализма к коммунизму	6
Раздел II. Проблема рынка и плана в СССР и стратегия развития современного российского общества . . .	30
Раздел III. К рынку ли надо было идти?	50
1. Дискуссия о характере социалистического производства в СССР	52
2. Дискуссия о товарности при социализме в СССР	60
3. Дискуссия о разрешении противоречия между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью в СССР	72
Раздел IV. О товаре «рабочая сила» и эксплуатации труда. . .	30
1. Отношения эксплуатации труда	82
2. Формирование социальных предпосылок преодоления эксплуатации труда	104
3. Нужна ли рабочему собственность на средства производства	127
Раздел V. К потребительственно-стоимостной экономической теории социализма	130

**Элэни Бэллу, Василий Николаевич Волович,
Василий Яковлевич Ельмеев, Галина Петровна Зиброва,
Михаил Васильевич Попов**

ОТ ЗАКОНА СТОИМОСТИ К ЗАКОНУ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

Фонд Рабочей Академии
и ООО «Творческий Центр «Победа»
Лицензия ИД №03330 от 20.11.2000 г.
Редактор М.В. Попов
Операторы компьютерной верстки
А.А.Журавлев и И.М. Герасимов

Отпечатано в типографии ООО «Ривьера»
Подп. в печать 14.05.2003 г. Заказ № 1780
Формат 60x84 1/16. Усл. печ.л. 11
Тираж 1000 экз.